

ФЕДЕРАЛЬНОЕ КАЗЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «ВОЛОГОДСКИЙ ИНСТИТУТ ПРАВА
И ЭКОНОМИКИ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ»

На правах рукописи

КОРНИЛОВА Татьяна Владимировна

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ
У ОСУЖДЕННЫХ С ДЛИТЕЛЬНЫМИ СРОКАМИ ОТБЫВАНИЯ
НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ**

Специальность 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности
(психологические науки)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Научный руководитель:
доктор психологических наук, профессор
Поздняков Вячеслав Михайлович

Вологда – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПОВЫШЕНИЯ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ У ОСУЖДЕННЫХ С ДЛИТЕЛЬНЫМИ СРОКАМИ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ	
1.1. Психологический анализ зарубежных и отечественных подходов к изучению и повышению жизнестойкости человека.....	15
1.2. Влияние условий отбывания наказания в виде длительного срока лишения свободы на трансформацию личности различных категорий осужденных.....	48
1.3. Организация и методика диссертационного исследования.....	72
Выводы по первой главе	81
Глава 2. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ У ОСУЖДЕННЫХ С ДЛИТЕЛЬНЫМИ СРОКАМИ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ И ПУТИ ЕЕ ПОВЫШЕНИЯ	
2.1. Психологическая характеристика детерминант и особенностей жизнестойкости у осужденных с длительными сроками отбывания наказания...	84
2.2. Эксперимент по апробации психотехнологии повышения жизнестойкости у различных категорий осужденных.....	142
2.3. Рекомендации сотрудникам уголовно-исполнительной системы по учету и повышению жизнестойкости у осужденных с длительными сроками отбывания наказания.....	159
Выводы по второй главе	181
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	184
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	187
Приложение А. Матрица методик юридико-психологического исследования	222
Приложение Б. Анкета.....	224

Приложение В. Экспертный опрос	229
Приложение Г. Сценарий фокус-группы по проблеме «Планирование работы с осужденными, отбывающими длительные сроки лишения свободы».....	232
Приложение Д. Модель повышения жизнестойкости осужденных	233
Приложение Е. Программа постдиагностического тренинга-коррекции «Повышение уровня жизнестойкости у осужденных с длительными сроками отбывания наказания».....	234
Приложение Ж. Сценарий фокус-группы по проблеме «Целесообразность применения программы постдиагностического тренинга-коррекции «Повышение уровня жизнестойкости у осужденных с длительными сроками отбывания наказания».....	239
Приложение И. Факторная структура особенностей жизнестойкости у осужденных с длительными сроками лишения свободы.	240
Приложение К. Психологическая характеристика типов осужденных по жизнестойкости.....	242
Приложение Л. Проверка согласия с нормальным распределением психодиагностических данных экспериментальных и контрольных групп (критерий Шапиро – Уилкса).....	246

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В последние годы среди лиц, отбывающих уголовное наказание в исправительных колониях (далее – ИК) Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФСИН России), увеличивается число осужденных к длительным срокам заключения. По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2020 г. удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений составил 27,6 %, что больше на 3,2 % по сравнению с 2019 г. и на 5,1 % по сравнению с 2018 г. При этом более половины преступлений (59,8 %) совершено лицами, ранее судимыми [133]. В связи с этим к началу 2021 г. осужденных, приговоренных к длительным срокам отбывания наказания (к 10 годам и более), уже было более 80 тыс. человек. Среди них увеличилось число лиц в молодом (до 30 лет) и пожилом возрасте (старше 60 лет), а также осужденных к лишению свободы во второй и более раз [134].

Долгосрочное отбывание наказания в виде лишения свободы может вести к различным деструкциям личности осужденного. При этом, несмотря на положительную динамику по направлениям деятельности психологов и медицинской службы ФСИН России, среди спецконтингента ИК распространённость психоповеденческих девиаций личности и психических заболеваний значительно превосходит соответствующие показатели по стране [131, с. 327, 395].

Перспективность применения в ИК мониторинга жизнестойкости как узловой составляющей личностного потенциала спецконтингента уже актуализирована в ряде публикаций (В. А. Гвоздев, 2017; А. И. Колесникова, М. Г. Дебольский, 2014; Е. П. Молчанова, О. М. Писарев, 2018, 2019; Н. Д. Узлов, С. Ш. Арасланов, 2012), но проявления осужденными жизнестойкости на разных этапах длительной изоляции от общества (более 10 лет) пока не являлись предметом монографического исследования.

Выбор темы настоящего исследования предопределен дискуссионностью по концептуальным подходам к феномену жизнестойкости, а также потребностью

психологов уголовно-исполнительной системы России (далее – УИС) в современном методическом инструментарии по его изучению с целью повышения данного качества у осужденных.

Степень разработанности темы исследования. За рубежом изучение феномена жизнестойкости личности (в англ. яз. – *hardiness*) ведется с 1970-х годов (А. Azarian, А. А. Farokhzadian, Е. Habibi, 2016; J. K. Banks, L. R. Gannon, 1988; P. T. Bartone, 1989, 1995, 1999, 2006, 2013, 2016, 2017, 2020; J. Eid, С.А. Morgan, 2006; S. C. Funk, 1992; J. L. Judkins, В. А. Moore, Т. L. Collette, 2020; K. V. Hamre, S. V. Einarsen, Ø. L. Hopenstad et al., 2020; S. Klag, G. Bradley, 2004; S. Kobasa, 1979, 1982, 1984; S. Maddi, 1982, 1984, 1994, 1999, 2002, 2006, 2013, 2016, 2017; G. Mazzetti, M. Vignoli, G. Petruzzello, 2019; A. Narad, 2018; S. Nishizaka, 2002; K. M. Nowack, 1989; M. Sheard, J. Golby, 2010; R. R. Sinclair, L. E. Tetrick, 2000; A. G. Thomassen, S. W. Hystad, В. Н. Johnsen, 2015, 2018; D. J. Wiebe, 1991; Y. Zareka, 2019 и др.). Раскрыта специфика феномена, выявлены его отличия от ряда близких психологических явлений, разработан методический инструментарий исследования, определены особенности развития жизнестойкости в онтогенезе и возможности воздействий с целью ее повышения.

В отечественной психологии проблема успешности преодоления человеком трудных жизненных ситуаций традиционно разрабатывалась в рамках таких явлений, как ресурсы личности, психологическая устойчивость, копинг-стратегии, жизнеспособность, личностный адаптационный потенциал. В последние два десятилетия предприняты активные попытки изучения феномена жизнестойкости, внимание к которому повысилось после осуществления Д. А. Леонтьевым и Е. И. Рассказовой (2006) полноценной адаптации специального диагностического инструментария. Психологами выявлены разноплановые детерминанты, содержательные и динамические характеристики данного феномена (Л. А. Александрова, 2004; Т. О. Арчакова, 2009; С. А. Богомаз, 2009; И. В. Боязитова, М. М. Эркенова, 2018; Ю. К. Дуганова, 2010; А. А. Нестерова, 2011; Н. В. Калинина, Ю. Н. Дмитриева, Т. В. Володина, 2012; А. В. Котенева, 2014; А. В. Махнач, 2012; Е. В. Медведева, 2008; Е. Н. Осин, 2013; А. А. Ощепков,

2017; А. М. Панькова, 2019; А. Н. Фоминова, 2012; О. А. Чаусова, 2011 и др.). В рамках диссертаций изучена жизнестойкость при возрастном развитии (Г. В. Ванакова, 2015; М. Ю. Кузьмин, 2012; М. В. Логинова, 2010; В. Р. Петросянц, 2011) и профессиональном росте (Т. В. Володина, 2014; А. А. Земскова, 2020; Р. И. Стецишин, 2008), а также ее взаимосвязь с рядом интегральных образований личности (Н. М. Волобуева, 2012; Е. Н. Митрофанова, 2019; Т. В. Наливайко, 2006; С. М. Хаммад, 2016). Следует отметить, что растет и число публикаций по изучению жизнестойкости представителей «профессий повышенного риска», в том числе военнослужащих, сотрудников МЧС, органов внутренних дел (О. А. Беляева, 2019; С. С. Боскарева, 2017; С. В. Будыкин, Н. В. Дворянчиков, 2012; Н. Г. Винокурова, Е. А. Горская, И. В. Чернова, 2012; Е. С. Довгалоук, С. С. Гончарова, 2011; Т. В. Дорошенко, 2012; А. И. Дука, 2018; А. А. Земскова, Н. А. Кравцова, 2019; И. В. Круторогова, О. Б. Смирнова, 2016; Е. Р. Куашева, 2011; Е. В. Лапкина, 2019; Л. Н. Молчанова, А. И. Редькин 2014; А. В. Половинкина, 2017; Э. О. Самитов, Р. Р. Фатхуллин, 2020; Д. М. Сотниченко, 2009; С. С. Франчук, С. Н. Гаврюченко, 2015 и др.).

В отечественной пенитенциарной психологии не угасает интерес к психологии стресса и совладающего поведения среди осужденных и личного состава ФСИН России (С. В. Бабурин, А. М. Чирков, 2014; Б. Г. Бовин, 2008; Р. С. Дьяконова, 2010; А. В. Кокурин, 2009; П. В. Пономарева, 2012; Д. В. Сочивко, 2004, 2007; С. А. Тарасова, 2017; Н. А. Цветкова, 2020 и др.). Публикаций по жизнестойкости осужденных немного, хотя учеными (М. Г. Дебольский, 2012; В. М. Поздняков, 2013) обоснована важность исследования негативной трансформации интегральных характеристик личности спецконтингента при длительной изоляции и актуальность разработки психотехнологий превентивного и коррекционно-развивающего воздействий. Отсутствие подобных исследований и разработок обуславливает затруднения в психологическом сопровождении данной категории спецконтингента, так как не разрешены следующие основные противоречия:

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации

(действовавшая до 2020 г. и новая на период до 2030 г.), принимаемые распоряжениями Правительства Российской Федерации, ориентируют на ресоциализацию осужденных для правопослушной жизни в динамичном социуме, а длительное нахождение в исправительной колонии приучает их к конформизму и развивает выученную беспомощность.

2. Увеличение в колониях спецконтингента с длительными сроками лишения свободы должно предусматривать индивидуально-дифференцированный подход в психологической работе, но отсутствуют их типологии, построенные на интегральных характеристиках личности, и не разработаны базовые типовые коррекционно-развивающие программы.

Разрешение указанных противоречий ориентирует на изучение особенностей жизнестойкости осужденных при длительном сроке нахождения в ИК.

Цель исследования – определить детерминанты, содержание и динамику изменения жизнестойкости у осужденных мужского и женского пола на различных этапах отбывания длительного наказания в ИК, научно обосновать модель ресоциализирующих воздействий и экспериментально апробировать психотехнологию повышения жизнестойкости спецконтингента.

Объект исследования – жизнестойкость осужденных, отбывающих длительный срок наказания в виде лишения свободы в ИК.

Предмет исследования – детерминанты и психологические особенности проявления жизнестойкости осужденными мужского и женского пола на различных этапах отбывания длительного наказания в виде лишения свободы в ИК и пути ее повышения у спецконтингента.

В соответствии с целью, объектом и предметом исследования были сформулированы **гипотезы исследования:**

Основная гипотеза исследования: жизнестойкость осужденных при длительном сроке отбывания наказания в ИК зависит не только от имеющихся у них личностных ресурсов, но и от пенитенциарно-субкультурного статуса и взаимодействия с окружающими в учреждении, а поэтому выявление роли детерминант и психологических особенностей проявления жизнестойкости

у разных категорий осужденных в период нахождения в ИК позволит повысить эффективность их психологического сопровождения в аспекте ресоциализации.

Частные гипотезы исследования:

1. Среди личностных ресурсов у осужденных, отбывающих длительный срок наказания в виде лишения свободы, ведущую роль в поддержании жизнестойкости могут играть ценностно-смысловые ориентации личности, а также проявляемая ими в ракурсе половозрастных и пенитенциарно-субкультурных особенностей субъектная просоциальная бытийность.

2. В первой половине длительного срока отбывания наказания жизнестойкость осужденных, впервые попавших в ИК, выше, чем у лиц, ранее уже отбывавших наказание в виде лишения свободы. Однако при отсутствии индивидуально-дифференцированного подхода в психологическом сопровождении спецконтингента она может снижаться в дальнейшем, так как предопределяющую роль играют атрибуты пенитенциарной субкультуры и особенности построения осужденными взаимодействия с окружающими людьми.

3. Ресоциализирующие воздействия на различные категории спецконтингента эффективны, если учитываются особенности составляющих жизнестойкости и личностного потенциала и оказывается поддержка осужденному в принятии субъектной ответственности в преодолении разноплановых трудностей на конкретном этапе отбывания наказания в ИК.

В соответствии с целью, объектом, предметом и гипотезами исследования были поставлены следующие **задачи**:

1. Проанализировать зарубежные и отечественные психологические подходы к изучению феномена жизнестойкости.

2. Провести теоретический анализ научных источников по проблеме выявления влияния длительного срока и условий отбывания наказания в виде лишения свободы на трансформацию личности и поведение различных категорий осужденных.

3. Спроектировать дизайн комплексного исследования по изучению детерминант и особенностей жизнестойкости осужденных с длительными

сроками отбывания наказания в виде лишения свободы и оказать им психологическую помощь.

4. Провести эмпирическое исследование по установлению факторов и условий, влияющих на проявление жизнестойкости у различных категорий осужденных на разных этапах длительного отбывания наказания в ИК.

5. Обосновать модель ресоциализирующих воздействий и экспериментально апробировать психотехнологию повышения жизнестойкости у осужденных с длительными сроками изоляции.

6. Разработать рекомендации сотрудникам ИК по учету особенностей жизнестойкости осужденных при реализации ресоциализирующих воздействий на различных этапах отбывания ими длительного наказания.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что впервые выявлены детерминанты и особенности психодинамики жизнестойкости у различных категорий осужденных при длительном отбывании наказания в виде лишения свободы (с учетом пола, возраста, пенитенциарного опыта, времени пребывания в ИК, признания вины в совершенном преступлении); установлены факторы и условия, влияющие на уровень и состояние жизнестойкости на разных этапах в ИК; выявлены ресурсы личности у разных типов осужденных мужского и женского пола.

Теоретическая значимость работы заключается в уточнении понятия «жизнестойкость осужденных с длительными сроками отбывания наказания», рассмотрении проявлений данного феномена как состояния, так и интегрального образования личности в виде пятифакторной структуры; выявлении контрастных различий проявления жизнестойкости у осужденных мужского и женского пола разного возраста и пенитенциарно-субкультурного статуса на разных этапах нахождения в ИК; создании типологии спецконтингента по особенностям жизнестойкости и модели ее учета при разработке и реализации превентивных и ресоциализирующих мер.

Практическая значимость исследования состоит в апробировании комплекса валидных психодиагностических методик, позволяющих определять уровень и особенности жизнестойкости осужденных, а также оценивать влияние на нее

внутриличностных ресурсов при длительной изоляции в ИК. Разработана программа тренинга и экспериментально апробирована ее психотехнология, обеспечивающая повышение жизнестойкости у осужденных мужчин, отбывших более 10 лет в ИК. Обоснован и внедрен комплекс мер по совершенствованию психологического сопровождения осужденных и принятию ими субъектной ответственности в преодолении трудностей в ИК. Материалы исследования используются в учебных занятиях по дисциплинам «Пенитенциарная психология» и «Юридическая психология», преподаваемым в Вологодском институте права и экономики ФСИН России, а также нашли применение при разработке спецкурсов повышения квалификации и переподготовки психологов и специалистов по социальной работе, в рамках занятий по служебной подготовке с сотрудниками разных отделов и служб ИК.

Методология и методы исследования. Теоретико-методологической основой исследования явились общенаучные ориентиры, основывающиеся на диалектической взаимосвязи теории и практики, принципах системного и программно-целевого подходов. В качестве предметно-научных ориентиров выступили экзистенциально-гуманистические идеи (Б. С. Братусь, К. Роджерс, В. Франкл, Э. Фромм, М. Чиксентмихайи и др.), положения ресурсного подхода в психологии (В. А. Бодров, Р. Лазарус, В. И. Лебедев, С. Мадди, Д. Ж. Фредри и др.), концепции «личностного потенциала» (Д. А. Леонтьев) и психодинамической трансформации личности, созданные в научном направлении «экстремальная психология» (Л. А. Китаев-Смык, М. Ш. Магомед-Эминов, В. С. Мухина, В. Ю. Рыбников, Д. В. Сочивко и др.), методологические принципы юридической психологии (В. М. Поздняков, Ф. С. Сафуанов, Д. В. Сочивко, А. М. Столяренко, А. Н. Сухов, А. И. Ушатиков), а также психотехнические модели и программы коррекционно-развивающей работы с осужденными в ИК (А. Н. Баламут, М. Г. Дебольский, П. Н. Казберов, А. Н. Пастушеня, В. Г. Стуканов и др.).

Исследование проводилось в 2013–2019 гг. в рамках четырех этапов.

На первом этапе – информационно-аналитическом – были изучены публикации по проблематике жизнестойкости, нормативно-правовые источники,

данные ведомственной статистики, личные дела осужденных и исследования по пенитенциарной практике, чтобы обосновать программу с выбором адекватных методолого-теоретического подхода и методов.

На втором этапе – эмпирическом – обследовано 632 осужденных, в том числе 495 мужчин и 137 женщин, которые, различаясь по возрасту, признанию вины, пенитенциарному опыту, времени пребывания в ИК, отражают ключевые признаки их генеральной выборки. Исследование проводилось в учреждениях УФСИН России по Белгородской, Вологодской, Кировской, Ленинградской, Нижегородской, Свердловской, Ярославской областям, Красноярскому краю, Республике Коми с применением анкетирования и комплекса психодиагностических методик: «Тест жизнестойкости» С. Мадди; «Тест смысло-жизненных ориентаций» Д. Крамбо, Л. Махолика; «Индивидуально-типологический опросник» Л. Н. Собчик; «Индекс жизненного стиля» Р. Плутчика; «Опросник способов совладания (копинг-тест)» Р. Лазаруса, С. Фолкмана; «Шкала субъективного благополучия» А. Перуэ-Баду; опросник «Уровень субъективного контроля» Дж. Роттера; «Ценностный профиль личности» Ш. Шварца; «Линия жизни» А. А. Кроника, Е. И. Головахи; «Тест мотивации достижения» А. Мехрабиана; «Временная перспектива личности» Ф. Зимбардо. В исследовании также применялись методы фокус-группы (среди психологов) и экспертной оценки 264 сотрудников ИК, работающих со спецконтингентом.

На третьем этапе – экспериментальном – обоснована модель и проведена апробация психотехнологии повышения жизнестойкости у осужденных мужского пола, отбывающих длительный срок наказания в колонии строгого режима. Эксперимент проводился с участием 48 осужденных (по 24 человека в экспериментальной и контрольной группах).

На четвертом этапе – обобщающе-внедренческом – сформулированы общие выводы по итогам исследования и с учетом данных фокус-групп, проведенных с сотрудниками ИК; разработаны рекомендации по учету и повышению жизнестойкости у осужденных, отбывающих длительные сроки наказания в виде лишения свободы.

Положения, выносимые на защиту:

1. Жизнестойкость у осужденных к длительным срокам лишения свободы первоначально проявляется как психологический настрой на преодоление трудностей в условиях ИК, а в дальнейшем при росте субъектной ответственности и активности в преодолении астенических переживаний и иных проблем может выступать как интегральное образование личности, влияя на проявления самостоятельности суждений, коммуникативной гибкости в субкультурной среде и мотивации просоциального поведения.

2. Просоциальные ценностно-смысловые ориентиры и субъектная ответственность характерны для осужденных с высоким уровнем жизнестойкости, которые способны использовать такие конструктивные способы совладания, как «самоконтроль», «планирование решения проблемы», «положительная переоценка»; характерен и механизм психологической защиты – «отрицание». Неконструктивные способы совладания («дистанцирование», «бегство-избегание») и механизмы психологической защиты («проекция», «регрессия») свойственны осужденным с низким уровнем жизнестойкости.

3. При осуществлении ресоциализирующих воздействий на осужденных с длительными сроками наказания необходимо учитывать, что жизнестойкость у спецконтингента мужского пола выше, чем у осужденных женского пола, по всем компонентам (принятие риска, контроль, вовлеченность). В аспекте пенитенциарного опыта жизнестойкость больше выражена у впервые осужденных, чем у неоднократно отбывавших наказание, причем лица, попавшие в ИК в возрасте от 18 до 24 лет, имеют наивысший уровень жизнестойкости. Однако с увеличением возраста осужденных показатели жизнестойкости имеют тенденцию к снижению. Жизнестойкость осужденных зависит и от времени пребывания в исправительном учреждении: у находящихся в ИК от 6 до 15 лет ее показатели еще выражены, а после 15 лет отбывания наказания происходит их существенный спад. Имеются статистически значимые различия в компонентах жизнестойкости осужденных в зависимости от признания ими вины в совершенном преступлении: по шкале «вовлеченность» выше уровень у лиц, ее

признавших, а по шкалам «контроль» и «принятие риска» – у не признавших вину.

4. Оценивать особенности жизнестойкости у осужденных к длительным срокам лишения свободы следует с учетом выявленной пятифакторной структуры, где доминирование определенных характеристик личности предопределяет специфику ее проявления таким образом: 1) «контролируемая жизнестойкость»; 2) «оправданная жизнестойкость»; 3) «протестная жизнестойкость»; 4) «интенциональная жизнестойкость»; 5) «властная жизнестойкость». Исходя из личностных ресурсов и особенностей жизнестойкости, методом кластеризации по выборкам осужденных мужчин и женщин была получена их дифференциация, где среди лиц мужского пола выделяются три типа: «ценностно-опосредованный», «субкультурно-реагирующий», «отвлекающе-реагирующий», а среди лиц женского пола – четыре типа: «ценностно-опосредованный», «конфронтационно-реагирующий», «рационально-реагирующий», «румминативно-реагирующий».

5. При внедрении научно обоснованной диссертантом модели и экспериментально апробированной психотехнологии, в рамках которой воздействия осуществляются с учетом преодоления дефицитарности по компонентам жизнестойкости и развития просоциальных ценностно-смысловых ориентаций личности у конкретных типов спецконтингента, происходит принятие субъектной ответственности и повышение уровня жизнестойкости.

6. При следовании рекомендациям, подготовленным на основе результатов исследования и включающим в себя предложения организационно-правового, содержательно-превентивного и методического характера, обеспечивается индивидуально-дифференцированный подход в психологическом сопровождении осужденных с длительными сроками наказания в ИК, который способствует развитию и поддержанию у них жизнестойкости как интегрального образования личности.

Степень достоверности результатов. Обоснованность и достоверность основных результатов диссертационного исследования обеспечивались избранной методологией, репрезентативностью выборок в эмпирическом исследовании, экспериментальным апробированием авторской программы оказания воздействий

на разные категории осужденных, применением методов математико-статистической обработки полученных данных (корреляционный, факторный, кластерный анализ и др.).

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования нашли отражение в 32 публикациях (объемом 13,53 п. л.), в том числе в 9 журналах, рекомендуемых ВАК, а также докладывались на международных и всероссийских конференциях (Вологда – 2014, 2015, 2016, 2019; Рязань – 2015; Самара – 2016; Санкт-Петербург – 2016, 2020; Москва – 2016, 2020), были обсуждены на заседании кафедры юридической психологии и педагогики Вологодского института права и экономики ФСИН России, внедрены в учебный процесс ведомственных вузов и практику УИС России (9 актов внедрения).

Структура диссертации. Диссертация содержит введение, две главы, включающие в себя шесть параграфов, заключение, список литературы из 326 источников, 10 приложений.

Глава 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПОВЫШЕНИЯ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ У ОСУЖДЕННЫХ С ДЛИТЕЛЬНЫМИ СРОКАМИ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

1.1. Психологический анализ зарубежных и отечественных подходов к изучению и повышению жизнестойкости человека

По причине того, что феномен жизнестойкости – достаточно новый конструкт в отечественной психологии (теоретический анализ актуализирован в последнее десятилетие), точки зрения исследователей на суть жизнестойкости, ее компоненты, психологические механизмы и функции расходятся до сих пор. Поэтому считаем важным перед тем, как начать анализ зарубежных и отечественных подходов к изучению жизнестойкости, считаем важным развести дефинитивное содержание данного феномена с особенностями близких явлений.

В русском языке понятие «жизнестойкость» имеет полисемичный характер. По определению В. И. Даля («Толковый словарь живого великорусского языка»), слово «жизненность» означает «силу жизни в ком-либо» [54, с. 541], а термин «стойкость» – качество человека «твердого, непоколебимого в своих убеждениях, неотступно идущего к цели, настойчивого» [55, с. 334]. Д. Н. Ушаковым в «Толковом словаре русского языка» «жизнестойкий» толкуется как «упорно отстаивающий свое существование, такой устойчивый, крепкий, что трудно разрушить» [188]. Кроме того, в этом же словаре приведен термин «жизнеспособный», который определяется как «приспособленный к жизни, способный существовать и развиваться» [188]. В «Русском семантическом словаре» «жизнестойкость» рассматривается как «способность организма сопротивляться неблагоприятным условиям существования» [164, с. 118]. В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова термин «жизнестойкий» характеризует человека, «обладающего жизненной силой; способного вынести неблагоприятные условия существования» [25, с. 306].

В англоязычной научной литературе для обозначения феномена «жизнестойкость» обычно используется термин *hardiness*, который обозначает «устойчивость, выносливость, смелость, крепость, неустрашимость, отвагу, наглость, дерзость». В то же время ряд авторов предлагает и схожие термины: *resilience*, т. е. «способность к гибкости, пластичности и возврату в исходное состояние» и *vitality*, т. е. «умение человека оставаться сильным, активным, энергичным». Содержательно-смысловое различие указанных трех близких по значению терминов осуществили С. Мадди [305] и С. Кобейса [282], выявили следующую закономерность: именно жизнестойкость является путем к жизнеспособности, так как она «увеличивает жизнеспособность в широком диапазоне сложных обстоятельств жизни» [298, с. 261].

На наш взгляд, приведенные выше значения близких понятий отражают различные уровни активности человека, который на своем жизненном пути преодолевает трудности. При этом часто встречающийся в публикациях термин «жизнеспособность» представляется важным рассматривать как феномен, который в отличие от жизнестойкости обобщенно характеризует адаптивный потенциал человека. Б. Г. Ананьев, включивший термин «жизнеспособность» в отечественную психологическую науку, рассматривал ее с точки зрения эффективности функционирования человека. О ней свидетельствует высокий уровень жизненных функций человека, в особенности те фазы жизни, в которых человек может проявлять себя активно и продуктивно [5, с. 111]. Нами также поддерживается позиция психолога А. В. Махнача, утверждавшего, что жизнеспособность соотносится с явлением «резильентности» (от англ. *relisi* – вернуться, прийти в исходное состояние), которое предопределяет индивидуальную устойчивость в сохранении человеком своего здоровья и воспроизведении себя, своей культуры, своих отношений вопреки бесконечному потоку опасностей [118, с. 94].

Убедительной представляется и позиция Б. Б. Величковского, выявившего, что формирование психологической устойчивости предопределяется совокупностью приобретенных навыков поведения и природных способностей [42]. В связи с этим жизнестойкость можно рассматривать как феномен, базирующийся на особом паттерне установок и навыков человека, позволяющих ему

преодолевать стресс и фрустрацию [98, с. 5–8], используя при этом затруднения, происходящие с личностью, для раскрытия ее возможностей [102].

Учитывая, что среди ученых до настоящего времени не выработано единого подхода к понятию «жизнестойкость» (в силу его междисциплинарности), в том числе к теоретической операционализации и выделению структуры данного конструкта, считаем необходимым провести историографический анализ подходов к изучению данного психологического феномена

В результате анализа публикаций было установлено, что жизнестойкость как отдельный феномен была выделена еще античными философами для описания проявлений людей в трудных условиях. Так, Аристотель (384–322 гг. до н. э.) утверждал, что мужество связано с возможностью переносить страдания: «Мужественному свойственно выносить являющееся и кажущееся страшным для человека потому, что так поступать прекрасно, а не позорно. Вот потому и считается, что более мужествен тот, кому присущи бесстрашие и невозмутимость при внезапных опасностях, а не предвидимых заранее. При опасностях, известных заранее, выбор можно сделать по расчету и рассуждению, но при внезапных... источник мужества – это скорее нравственные устои» [11, с. 113–114].

В наибольшей мере проблематика жизнестойкости человека разрабатывалась в философской школе стоицизма (Зенон, Марк Аврелий, Хрисипп, Эпиктет и др.). Даже учитывая тот факт, что данная школа, а если быть точнее – ее название несопоставимо напрямую с понятием «стойкости» в русском языке, сторонники подобного направления, начиная с IV века до н. э., уделяли много внимания созданию глубоких идей касательно формирования человеческого мужества в преодолении жизненных трудностей. При этом обосновывалась «необходимость личностного развития с помощью правильных поступков, не поддаваясь давлению обстоятельств», акцентировался этический аспект. Философы-стоики подтверждали, что дорога к счастью лежит через свободу от страстей и реализацию индивидуального выбора человеком в жизнеопасных ситуациях [208, с. 461]. В итоге отстаивалась позиция: «никакие невзгоды не могут причинить вред человеку против его воли» [209, с. 7].

Как известно, в описаниях потомков многие философы-стоики предстают как жизнестойкие люди. Так, основатель школы стоицизма Зенон (336–264 гг. до н. э.), попав в кораблекрушение и выжив, в основу своего учения заложил постулат, что «стоик должен понимать и любить свою судьбу, какой бы она ни была» [101, с. 248]. Эпиктет (50-е – 125 гг. н. э.) поражал современников своим спокойствием в трудных жизненных ситуациях, а при разработке философских идей доказывал, что жизнь человека должна быть связана с реализацией добродетелей [41, с. 74]. Марку Аврелию (121–180 гг. н. э.) – императору Рима и автору этического трактата «Размышления о самом себе», удалось строить свою жизнь в очень неблагоприятных обстоятельствах, руководствуясь девизом «Если что-то кажется тебе слишком трудным, не думай, что это за пределами сил человека» [82, с. 99].

Базовая идея философии стоицизма, состоящая в том, что «стойка судьба ведет, а не тащит», в последующие века находила разноплановое развитие в конкретных направлениях философской мысли. Значимыми в аспекте настоящей диссертации представляются воззрения представителей русской философии (Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, Н. О. Лосский, В. С. Соловьев, С. Л. Франк) и философии «воли к жизни» (Ф. Ницше, А. Шопенгауэр), воззрения сторонников экзистенциализма (А. Камю, Ж.-П. Сартр, В. Франкл, Э. Фромм, М. Хайдеггер, К. Ясперс), а также идеи представителей герменевтики (Х.-Г. Гадамер, П. Рикер) и философской антропологии (О. Н. Дериси, М. Фуко, Г. Э. Хенгстенберг, М. Шелер), так как длительное лишение свободы может «обнажать» и грани стойкости человека. Если не делать подробного анализа отстаиваемых философами разноплановых позиций¹ [37, с. 51–72], то общим ориентиром является признание возможности «преображения страдания в достижения на человеческом уровне», причем при смыслопоисковой активности самого человека, понимающего важность напряжения не только для выживания в периоды критических (кризисных) обстоятельств, но и для самосовершенствования и достойной жизни.

¹ История трансформации философских подходов к проблеме жизнестойкости человека уже была предметом специального анализа, в том числе и со стороны психологов.

При этом современные философы утверждают, что жизнестойкость должна проявляться уже в юношеском возрасте в качестве «созидательных импульсов вживания в социум» [160, с. 21].

А. А. Богданов в своем труде «Борьба за жизнеспособность» пишет о том, что жизнеспособность является устойчивостью, обладающей динамикой, так как человеку свойственно развиваться в той среде, в которой он находится. Перу этого исследователя принадлежит также другая работа – «Тектология». В этой работе А. А. Богданов отмечает, что жизнеспособность является относительным качеством, потому что ее можно соотносить только с определенной средой. Это значит, что элементы, которые могут эффективно себя проявлять в одной среде, в другой среде могут проявить себя совершенно иначе [22, с. 211]. Идеи А. А. Богданова по жизнеспособности представляется важным учесть при разработке программы изучения жизнестойкости, где ее как характеристику личности осужденных на длительный срок лишения свободы необходимо рассматривать во взаимосвязи с личностными ресурсами, актуализируемыми в экстремальных условиях.

Концепцию выживаемости разработал отечественный философ и социолог А. С. Ахиезер. Ученым жизнеспособность рассматривается как системный феномен, т. е. под ней понимается «способность субъекта преодолевать трудности и обеспечивать свою выживаемость через самосовершенствование». Среди переменных, определяющих выживаемость при появлении различных угроз, рассматриваются воспроизводство себя, отношений и атрибутов культуры [12, с. 59–60]. В связи с изысканиями А. С. Ахиезера в нашем исследовании представляется важным выявить влияние субкультуры мест лишения свободы на жизнестойкость осужденных.

В рамках темы настоящей диссертации особо актуальными являются идеи экзистенциализма. Как отмечалось в наших публикациях, такой интерес к проблеме можно объяснить тем, что жизнестойкость человека понимается учеными как условие для нахождения своего главного жизненного смысла [215]. Именно философами-экзистенциалистами (Камю, Сартр, Хайдеггер, Ясперс и др.)

обосновано, каким образом человек может превозмочь все трудности, которые возникают на его жизненном пути. Такие способы преодоления несут определенную смысловую нагрузку: человек обретает ответственность и персональную свободу своего существования в ситуациях, которые можно определить как пограничные, например, ощущая скорый приход смерти [88, с. 132]. Близка к экзистенциалистам и позиция видного философа Мишеля Фуко, который, проанализировав в книге «Надзирать и наказывать» 300-летнюю историю французской тюрьмы, констатировал, что пенитенциарные учреждения «не могут не производить делинквентов; они делают это посредством самого образа жизни, который навязывают заключенным». При этом М. Фуко раскрыл, из-за чего заключенные «испытывают страдания... и озлобляются против всего окружающего» [214, с. 389–390].

Пониманию психологических механизмов жизнестойкости человека в экстремальных условиях изоляции помогла книга Виктора Франкла «Воля к смыслу». Ее автор, прошедший путь узника немецких концлагерей, обосновал возможность выживания даже в этих экстремальных условиях. Принципы логотерапии Франкла были изложены ранее [36, с. 49].

Сильным мотивом к выживанию, по мнению психолога Бруно Беттельхейма, также бывшего узника немецкого концлагеря, может быть дело, которое нужно сделать. Он отмечает, что для сохранения в экстремальных условиях человеку важно установить для себя крайнюю черту, которую нельзя пересекать ни при каких обстоятельствах, даже под угрозой жизни. Эта последняя черта у всех разная и подвижная. Б. Беттельхейм доказывает, что в экстремальных условиях психологические факторы больше влияют на выживаемость, чем физические. Согласно ученому, сама тяга к жизни мало чем может помочь, если она не укоренена в любви – любви к человеку, к Богу, к высоким идеалам [19]. Подробнее информация представлена ранее [36, с. 50].

При разработке программы настоящего исследования актуально учесть и положения из учений экзистенциальных психологов, которые, руководствуясь принципами гуманистической психологии и исходя из первичности бытийной

позиции человека, доказывают возможность преодоления им дистресса. В экзистенциальной психологии (Л. Бинсвангер [21], А. Лэнгле [109], Р. Мэй [127], В. Франкл [212], М. Чиксентмихайи [223; 224] и др.) было проведено рассмотрение с различных позиций проблем общения и одиночества; свободы и ответственности; жизни и смерти; бессмысленности существования и поиска смысла. Согласно психологам-экзистенциалистам человек должен стремиться быть открытым навстречу возникающим в течение его жизни возможностям, способным осуществить выбор и актуализировать его. Считается, что человек имеет уникальный личный опыт, который не может быть сведен к универсальным правилам. Именно человек, обретший смысл жизни, даже в затрудненных ситуациях проявляет мужество.

Психолог Ричард Логан после последовательного анализа определенных биографических записей личностей, которые сумели пережить невообразимые по своей тяжести ситуации, в том числе в немецких концлагерях, обнаружил общую черту «выживших» – «неэгоцентричный индивидуализм». Под этим определением нужно понимать наличие очень важной цели, которая имеет больший вес, чем личные интересы человека. Эта цель активизирует силы, мобилизует сопротивляемость личности даже в безнадежных для нее условиях [288; 289].

Американский психолог Михайи Чиксентмихайи считает, что именно таким образом проявляет себя внутренняя мотивация. Она придает человеку стойкости, и он справляется с внешними опасностями. Если у человека есть именно такая сильная цель, значит, у него есть большое количество психической энергии, которая дает возможность адекватно и рационально оценивать ситуацию, в которой человек оказывается [36, с. 50]. Как следствие, они обладают большими возможностями проявления оптимального переживания и нахождения новых ресурсов для действий. По мнению данного ученого, индивид с нарциссическим характером в первую очередь озабочен защитой своего Я. По причине того, что при первых признаках опасности подступает паника, такой индивид устремляет внимание вовнутрь, чтобы восстановить порядок в сознании. В результате того,

что для взаимодействия с внешней реальностью не остается достаточной психической энергии, индивид оказывается не способным сделать то, что следует [224, с. 150].

Проанализировав работы психологов экзистенциального направления, мы приходим к выводу о том, что они под жизнестойкостью понимают такую активность человека, которая тесно связана с уровнем его жизненной активности, осознанности. Жизнестойкость, на их взгляд, тесно связана с пониманием человеком своей жизненной цели, с тем, как он проявляет себя творчески, может ли он развиваться, создавать и видеть свое будущее [213, с. 54].

Проведенный анализ доказывает, что у человека, который находится в достаточно сложных и чрезвычайных изоляционных условиях, появляются новые возможности. К их числу относятся актуализация гибкости (*resilience*), а также сопротивляемости (*resistance*), жизнестойкости. Западные ученые, такие как М. Селигман, П. Вонт [265] активно разрабатывают идеи позитивной психологии. Их вклад в науку в этом направлении чрезвычайно важен для углубленного изучения такого феномена, как жизнестойкость. Калифорнийский психолог Сальваторе Мадди, являющийся одним из основоположников теории жизнестойкости, разрабатывал проблему феномена, базируясь не только на идее целостного подхода к личности, но и на принципах позитивной психологии [294].

С. Мадди были проведены исследования по проблематике экзистенциального невроза и роли смысла жизни [304], а в итоге разработана оригинальная концепция потребностей. Опираясь на методологию экзистенциализма, он обосновал пути диагностики жизнестойкости, фасилитации этого феномена. По его мнению, жизнестойкость – стержневая характеристика личности, которая содержится в основе «мужества быть» (по П. Тиллиху). Благодаря сформированной жизнестойкости человек может справиться с любыми трудными жизненными обстоятельствами и проблемами. Поскольку «...мужество быть – это самоутверждение человека «вопреки», а именно вопреки тому, что пытается помешать Я утвердить самое себя» [186, с. 27].

Следует особо отметить, что учение С. Мадди о жизнестойкости базируется на разработанной им теории активности личности («теория активности С. Мадди, Д. Фиске»), в основе которой «модель согласованности» [114, с. 146–147].

В исследованиях С. Мадди феномен жизнестойкости понимался как совокупность установок личности, которые обеспечивают мотивацию и мужество, способствуя превращению стрессовых событий из потенциальных проблем в возможности личностного роста [294, с. 160]. В частности, выделялись три жизнестойких установки, а именно вовлеченность, контроль и принятие риска, где:

– вовлеченность (commitment), согласно С. Мадди, – это убеждение, что при любом характере событий, которые происходят в жизни человека, важно оставаться активно включенным в них, а не погружаться в отрешенность и отчуждение [309, с. 174]. В дальнейших исследованиях было установлено, что человек с выраженной вовлеченностью считает, что «происходящее дает максимальный шанс найти нечто стоящее и интересное для личности» [103, с. 4], так как удовольствие, получаемое в процессе выполнения от деятельности, придает силы и мотивирует его к реализации лидерства. В результате человек чувствует свою достаточную ценность и значимость, что помогает ему полностью включиться в решение жизненных задач, несмотря на наличие факторов, приводящих к возникновению стресса [44, с. 279], в то время как переживание «нахождения на обочине жизни», отверженности ведет к тому, что человек ощущает бессмысленность жизни;

– контроль (control), по мнению С. Мадди, позволяет верить в возможности влияния на окружающие события, а не погружаться в бессилие и пассивность [309, с. 174]. Исследование, произведенное на российской выборке, подтвердило, что развитость контроля выражает убежденность человека в том, что между его усилиями, поступками, действиями и последствиями существует причинно-следственная связь. Именно развитость контроля создает готовность влиять на происходящие события и повышает веру в свою способность что-то изменить в ситуации, человек ощущает, что сам выбирает свою деятельность, собственный путь [220, с. 338].

Кроме того, анализ публикаций свидетельствует о том, что компонент жизнестойкости «контроль» во многом близок к феномену «локус контроля», который был открыт Дж. Роттером. Локус контроля представляет собой стремление человека нести ответственность за все, что происходит с ним в повседневной жизни, отвечать за результаты своей жизнедеятельности [94, с. 168]. В связи с этим в проводимом исследовании локус контроля важно изучить, ибо психологами установлена его роль в сохранении психологического здоровья у лиц, находящихся в экстремальных условиях;

– принятие риска (challenge), по С. Мадди, – это признание, что жизнь изначально носит стрессовый характер, и это позволяет использовать свой опыт (положительный или отрицательный), учитывать его в дальнейшем, вместо того чтобы стремиться к безопасности и комфорту, избегая неопределенностей и потенциальных угроз [309, с. 174]. По данным отечественных исследователей, эта составляющая определяет оценку личностью проблем как вызовов самой себе и подготовленность к любому опыту (как негативному, так и положительному) в личностном развитии [103, с. 4]. При развитости данного компонента у человека реализуется способность учиться на собственном опыте, так как проявляется готовность к изменениям ради возможности учиться в новых обстоятельствах [24, с. 25].

По мнению С. Мадди, важно развивать все три вида жизнестойких установок, так как люди, у которых они одновременно развиты, рассматривают жизнь как постоянно меняющуюся, а это способствует обучению и личностным изменениям, ибо люди думают, что в процессе развития они могут оказывать влияние на жизненные ситуации и делиться собственными знаниями, в качестве поддержки, со значимыми другими [297, с. 9].

Сьюзен Кобейса является автором множества работ, посвященных понятию «жизнестойкость». Она занималась теоретической разработкой феномена и провела исследование руководителей, которые продолжительное время находились в стрессовых обстоятельствах в своей профессиональной деятельности. Ею были изучены разные характеристики личностей исследуемых,

тех, которые оставались «здоровыми» в стрессовых ситуациях, и тех, которые имели проблемы со здоровьем [29, с. 34]. У С. Кобейса жизнестойкость рассматривается как интегральная характеристика личности. По данным исследователя, человек с высоким уровнем жизнестойкости, как правило, интерпретирует стрессовые жизненные события в менее угрожающей форме [282]. Как следствие оптимистических оценок, влияние стрессовых обстоятельств на личность снижается, и они с меньшей долей вероятности негативно влияют на здоровье человека [278, с. 525]. Кроме того, выявлено, что люди с высоким уровнем жизнестойкости знают, какой тип социальной поддержки использовать в той или иной ситуации, и эффективно задействуют социальные ресурсы [281].

В целях более подробного изучения жизнестойкости и ее составляющих научной группой С. Кобейса и С. Мадди проводились исследования, включающие в себя различные переменные, которые так или иначе могли влиять на жизнестойкость [279; 280; 283]. Учитывая, что жизнестойкость представляет собой широкий конструкт, проводились исследования эффективности влияния на стрессовые события жизнестойкости личности в сравнении с эффективностью социальной поддержки и физических упражнений, а в итоге доказана большая роль именно жизнестойкости по сравнению с ними. При этом авторами также выявлено, что развитость всех трех характеристик оказывает еще большее влияние на восприятие стрессовых событий [278].

В методическом аспекте важно, что С. Мадди апробировал опросник *Hardiness Survey* в лонгитюдном исследовании, проводимом в дочерней компании концерна *American Telephone and Telegraph – Illinois Bell Telephone*. Базой опросника является теоретическая модель жизнестойкости, которая включает в себя несколько составляющих – вовлеченность, контроль и принятие риска [305]. Методика *Hardiness Survey* неоднократно модифицировалась с учетом дальнейших разработок в области исследования жизнестойкости, ее соотношения с другими не менее важными личностными характеристиками (психологическая устойчивость, оптимизм, самоэффективность, религиозность, копинг и др.). *Personal views survey II* включал в себя уже 30 пунктов улучшенной внутренней

согласованности [299]. Актуальность применения опросника не только для взрослых, но и для студентов привела к созданию Personal Views Survey III [309, с. 179–180]. С целью сокращения опросника и повышения его надежности, а также для более широкой области применения разработан Personal views survey III-R, содержащий всего 18 пунктов [307]. Также существует опросник HardiSurvey, III-R, который состоит из 65 пунктов и включает дополнительные показатели, что в результате дает получение исчерпывающей характеристики и соответствующих рекомендаций.

В одной из наших публикаций подробно рассматривались различные способы диагностики и измерения уровня жизнестойкости [29, с. 34]. Так, «когнитивная шкала измерения жизнестойкости» также часто применяется за рубежом в качестве инструментария [315]. Имеют место и другие методики, основанные на концепции жизнестойкости и разработанные для применения в конкретных ситуациях или для особых групп людей (например, для родителей, потерявших детей) [286].

В целом, опираясь на результаты исследования экзистенциальных психологов, жизнестойкость следует рассматривать как «единство установок» (hardy beliefs) на вовлеченность, контроль и вызов риска. Следует отметить, что перечисленные характеристики можно встретить в разных соотношениях и в зарубежных исследованиях сопротивляемости (resistance), где чувство контроля считается одним из наиболее значимых личностных ресурсов сопротивляемости [156, с. 109]. Однако жизнестойкость имеет специфичные механизмы, позволяющие совладать со стрессом (рисунок 1).

Схема, представленная на рисунке 1, разработана на основе результатов исследования, проведенного в телекоммуникационной компании США, дополненного практикой тренировок жизнестойкости сотрудников, и согласована с последующими исследованиями в данном направлении. В верхней части схемы показано, как стрессовые события могут влиять на человека, приводя к физическим, психосоциальным и эмоциональным расстройствам после того, как напряжение становится настолько сильным и продолжительным, что ресурсы

человека истощаются. При этом наиболее вероятно, что расстройства появятся по линиям врожденных уязвимостей.

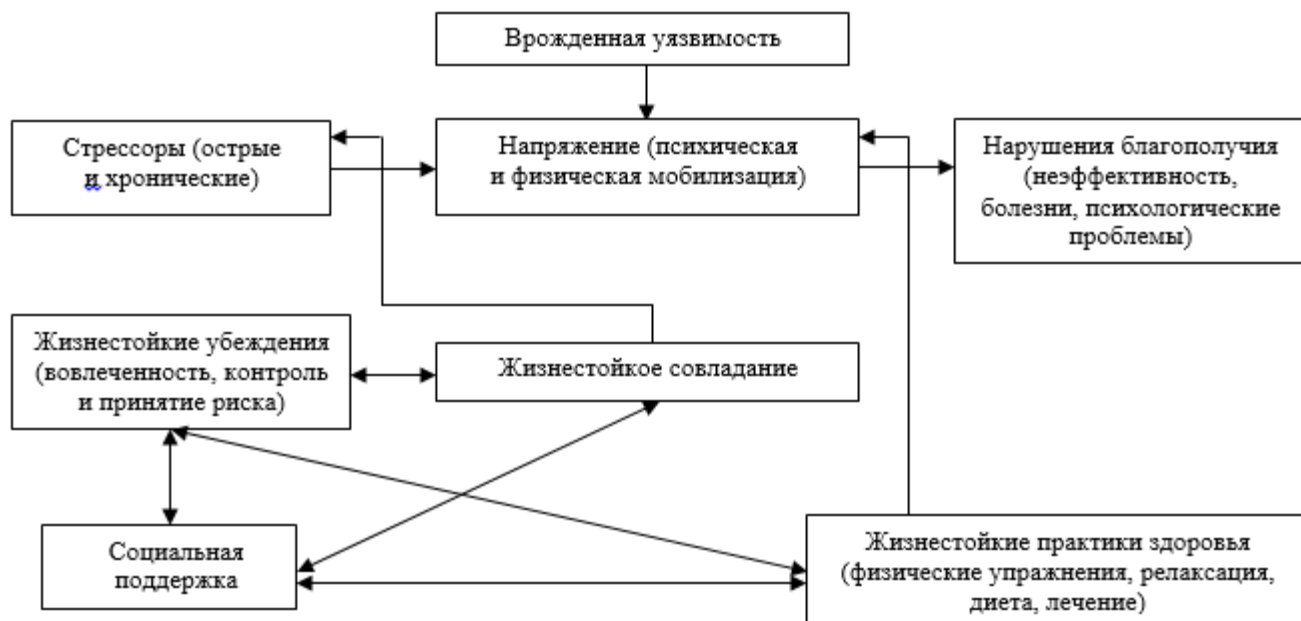

Рисунок 1 – Борьба со стрессом с помощью жизнестойкости (по С. Мадди) [103, с. 9]

Нижняя часть схемы включает в себя четыре блока, которые показывают, как стресс и напряжение могут быть сохранены в управляемых пределах, а работоспособность и здоровье могут быть улучшены. Жизнестойкие убеждения человека совместно с социальной поддержкой стимулируют жизнестойкое совладание, которое подразумевает под собой идентификацию, анализ стрессовых обстоятельств и выполнение определенных действий по преодолению трудностей. Противоположностью жизнестойкого совладания является избегание проблем по разным основаниям, в том числе на основе прокрастинации.

Жизнестойкие практики здоровья включают в себя поддержание умеренного уровня физической активности, защиту функционирования организма путем участия в релаксации, лечении, употреблении сбалансированного и умеренного питания.

Совокупность жизнестойких убеждений, жизнестойкого совладания и социально-поддерживающих взаимодействий способствует превращению воздействий стрессовых обстоятельств на человека в возможности для личностного развития [297, с. 9, 14–15].

С. Мадди считал, что «умение анализировать стрессовую ситуацию, увидеть ее с иной точки зрения, воспринимая как менее травматичную, способность найти социальную поддержку, ответственно относиться к своему здоровью и развивать релаксационные навыки можно рассматривать в качестве механизмов жизнестойкости, способных упредить нарушения благополучия» [115; 29, с. 34].

В современных работах выявлено, что у жизнестойкого человека реализуется не выбор неизменности, т. е. прошлого, а выбор неизвестности, т. е. выбор будущего [136, с. 53]. В связи с этим в проводимом исследовании представляется целесообразным использовать методики, направленные на изучение «временных стратегий личности». В исследовании Д. Хошабы и С. Мадди выявлено, что развитие жизнестойкости к взрослому возрасту идет, отталкиваясь из определенных событий детства [274]. Обнаружено, что жизнестойкость имеет связь также с теми условиями, в которых человек рос в раннем детстве. Они оказывают влияние на степень жизнестойкости и формируют соответствующие ей убеждения:

- поощрение родителями достижений и усилий детей, их поддержка, принятие, любовь к ним, уважение к детям и их выбору;
- развитие значимыми взрослыми у детей ощущения предназначения в жизни, уверенности в себе;
- стрессовые события в раннем детстве (частые переезды, знакомства с новыми людьми, смена работы родителями, материальные трудности, и пр.), к которым родители относились как к естественным и давали понять это детям;
- помощь в распознавании и нахождении своих решений в преодолении жизненных трудностей;
- развитие способностей распознавать и разрешать конфликты;
- открытые разговоры с детьми о важности семьи и здорового образа жизни (если появляются нездоровые привычки у детей), положительный пример родителей.

Было установлено, что негативно на развитие жизнестойкости в детстве влияли:

– нехватка поддержки детей родителями, в том числе из-за озабоченности собой и своими делами;

– настаивание на том, чтобы дети соответствовали их ожиданиям;

– критика родителей в адрес детей;

– конкуренция родителей с детьми или чрезмерная их защита [297, с. 43–51].

Американский ученый Р. Т. Bartone, признавая необходимость основных компонентов жизнестойкости, которые были выделены в концепции С. Мадди (где вовлеченность – это убеждение, что жизнь интересна и достойна, контроль – убеждение, что можно контролировать или влиять на результаты и принятие риска – исследующий подход к жизни), считает, что данный феномен представляет собой более широкое понятие. Он также отмечает, что человек «жизнестойкого стиля» имеет сильную ориентацию на будущее, извлекая уроки из прошлого [249, с. 138]. По Р. Т. Bartone, жизнестойкость – обобщенный способ функционирования личности. Он включает в себя когнитивные, эмоциональные и поведенческие различия, характеризуя умение человека сохранять здоровое состояние в беспокойные времена [250].

Р. Mund (2016) дополнила составляющие жизнестойкости компонентом connection (сотрудничество, в том числе на основе тесной связи и понимания между клиентом и психологом/психотерапевтом), выделенным в 2005 г. С. Мадди и найденным самим автором компонентом culture (культура), который особенно существенен для людей ее страны – Индии [310; 92, с. 223].

Анализ публикаций свидетельствует о том, что стресс является значительным фактором риска развития различных проблем со здоровьем, включая сердечно-сосудистые заболевания [276]. В контексте темы настоящего исследования интерес представляют результаты ряда зарубежных исследователей, которыми изучена связь жизнестойкости с уровнем здоровья как соматического, так и психического. Так, исследование людей, собирающихся эмигрировать в США, проведенное W. H. Kuo, Y. Tsai (1986), показало, что чем выше уровни жизнестойкости до эмиграции, тем ниже признаки стресса, напряжения и болезней в первые несколько лет в новой стране [285]. Выявлено, что

жизнестойкость помогает снизить воздействие стрессовых событий на возбуждение симпатической нервной системы [278].

Ряд исследователей подтвердили, что респонденты с высоким уровнем жизнестойкости характеризуются более низкой реактивностью сердечно-сосудистой системы на стресс [255; 266; 324]. Исследование Р. Т. Bartone, А. Spinosa, J. Robb (2009) показало, что жизнестойкость связана с липопротеинами высокой плотности, которые понижают возможность возникновения ишемической болезни сердца и атеросклероза [247]. Низкий уровень жизнестойкости взаимосвязан с повышением общего холестерина относительно липопротеинов высокой плотности, что является фактором риска развития сердечно-сосудистых заболеваний [248].

Кроме того, стресс связан с рядом «предшественников» физиологических и эндокринологических изменений в организме, которые могут привести к серьезным болезненным состояниям. Так, в ряде исследований прослежена взаимосвязь жизнестойкости и гормонов в условиях реагирования на стресс (J. Eid, С. А. Morgan, 2006; E. P. Zorrilla, R. J. DeRubeis, E. Redei, 1995) [326; 258], а также с функционированием иммунной системы (С. L. Dolbier, R. R. Cocks, J. A. Leiferman, M. A. Steinhardt, S. J. Schapiro, P. N. Nehete, J. E. Perlman, J. Sastry, 2001) [257].

Выявлено, что жизнестойкость отрицательно связана с негативными эмоциональными состояниями, а также вызванными стрессом проблемами со здоровьем (тревога, депрессия, гнев, напряжение, упадок сил, проблемы с пищеварением и сном) [306; 307; 238]. Анализ также показал, что, по сравнению с религиозностью, жизнестойкость имеет более широкие негативные связи с депрессией и гневом, а также позитивные взаимосвязи с религиозностью, совладанием и социальной поддержкой [300]. Выявлено, что поддержка домашнего окружения оказывает сильное позитивное влияние на формирование жизнестойкости [311, с. 443].

Р. Т. Bartone (1999) выявил обратную связь между уровнем жизнестойкости и вероятностью развития посттравматического синдрома [245]. При этом жизнестойкость рассматривается как фактор сопротивляемости к развитию

симптомов посттравматического стрессового расстройства [322]. Кроме того, Р. Т. Bartone с соавторами (2012) установили, что стрессовые обстоятельства могут привести к целому ряду проблем со здоровьем, а поэтому предполагается, что жизнестойкий лидер может оказать позитивное влияние на каждого члена группы [250].

Значительное количество зарубежных исследований подтверждает факт благоприятного влияния жизнестойкости не только на здоровье, но и на поведение.

S. R. Maddi, P. Wadhwa, R. J. Haier (1996) определили, что жизнестойкость отрицательно коррелирует с употреблением алкоголя и наркотиков [301]. В недавних исследованиях Р. Т. Bartone с коллегами выявлено, что жизнестойкость являлась одним из сдерживающих факторов от чрезмерного употребления алкоголя у военных, имеющих опыт участия в боевых действиях [244; 284].

S. R. Maddi (2016) установил взаимосвязь жизнестойкости с азартным поведением. Взаимозависимость носит отрицательный характер. Азартное поведение рассматривается как пример стратегии избегания (а не решения проблем) при непрекращающихся стрессах жизни [293].

Обзор исследований жизнестойкости личности, понимаемой как фактор особой защиты, потенциально способной снизить риски суицидального поведения человека, проведен украинскими учеными (2020) [318].

По мнению норвежских исследователей (2020), менее жизнестойкие индивиды становятся жертвой буллинга гораздо чаще, но, безусловно, с поправкой на пол, возраст. При этом отмечается, что по долгосрочной накапливаемой подверженности буллингу чаще можно было прогнозировать изменения жизнестойкости испытуемых, чем определить, насколько человек будет подвержен буллингу, исходя из показателей его жизнестойкости [264].

J. L. Judkins, B. A. Moore, T. L. Collette (2020) считают, что лидеры с высокими показателями жизнестойкости положительно воздействуют на модели поведения других членов группы. Они генерируют у них жизнестойкость и инициируют позитивные социальные изменения в группе [272].

Многие зарубежные авторы подтвердили позитивное влияние жизнестойкости на работоспособность и производительность при стрессовых обстоятельствах [287; 292; 314; 323]. При этом в ряде исследований выявлено, что по начальному уровню жизнестойкости можно спрогнозировать, кто из людей сможет пройти сложные ситуации до конца и сохранить высокую производительность [292]. Так, оценка показателей жизнестойкости у курсантов перед началом военной подготовки способствовала эффективному ее усвоению и прохождению [308].

D. J. Wiebe, D. M. McCallum (1986), обнаружили, что жизнестойкость человека именно через поведение косвенно влияет на здоровье [325]. Это связано с тем, что трансформационное совладание превращает трудные ситуации в менее стрессовые [306]. При этом люди с высоким уровнем жизнестойкости обладают конструктивным стилем совладания и реагируют на стрессовые ситуации, пытаясь превратить их в преимущества и возможности для личностного роста [320]. В выборе эффективного стиля совладания выявлено отличие жизнестойкости и оптимизма [290].

Мета-анализ зарубежных исследований, проведенный Л. А. Александровой (2004), засвидетельствовал уверенность большинства ученых в значимости предотвращения соматических проявлений стрессогенного воздействия на основе развития у людей жизнестойкости через выработку, прежде всего, стратегий оптимального совладания [2].

В контексте темы нашего исследования особый интерес представляет обоснование учеными системы мер, ориентированных на повышение жизнестойкости.

Результаты уже первичных практических занятий, направленных на повышение жизнестойкости, показали, что она поддается развитию даже в зрелом возрасте [303]. В итоге была создана, а позднее и расширена HardiTraining – программа по обучению жизнестойкости. Жизнестойкость рассматривается в ней в качестве реализации человеком, находящимся в травмирующих обстоятельствах, своих психологических возможностей. Развитие жизнестойкости понимается как рост «психологической живучести» и «мужества быть» [32,

с. 241]. Программа оказывает предупреждающий эффект, а также информирует и обучает, как превратить стрессовые события жизни в возможности личностного роста. Она включает пять сфер жизни: преодоление трудностей, социальную поддержку и три области самообслуживания (релаксацию, питание и физические упражнения) [275]. При этом отмечается возможность использования HardiTraining в качестве первичной профилактики для молодых людей, которые не сталкивались с серьезными стрессами, но, скорее всего, в будущем могут столкнуться [295]. HardiTraining можно использовать и как вторичную профилактику для людей, подвергающихся потрясениям или риску. Сюда входят люди с рискованной и стрессовой профессией (например, военнослужащие, полицейские, пожарные и др.), или люди, чья личная жизнь или работа подверглись стрессовым событиям (например, развод, смерть или осуждение родственника, увольнение и др.) [296]. Рассматривалась вероятность применения программы и в качестве третичной профилактики, которая предназначена для людей, чье здоровье или работоспособность уже поставлено под угрозу. Сюда можно отнести людей, страдающих от дегенеративных заболеваний (например, болезни сердца, рак), и правонарушителей, которые нуждаются в ресоциализации. В этом случае применение HardiTraining поможет не подвергаться дальнейшему отрицательному влиянию и поспособствует вероятности улучшения.

Исходя из изложенного можно утверждать, что компоненты жизнестойкости поддаются целенаправленному формированию и развитию. В частности, в книге «Военная психология: Понятия, тенденции, варианты вмешательства» (2016) описаны программы обучения жизнестойкости, которые варьируются по сложности от довольно простых самостоятельных учебных модулей до более сложных подходов, включающих дополнительные факторы, связанные со здоровьем.

Учеными рассматривается и другой подход к повышению жизнестойкости – использование преимущества мощного влияния лидеров на группы. Лидеры с высокой жизнестойкостью могут оказывать положительное влияние на реагирование подчиненными на стресс [252, с. 231–248; 92, с. 224].

В недавнем интервью Р. Т. Bartone на вопрос о том, можем ли мы формировать жизнестойкость у себя самостоятельно, отметил, что поощрение проявлений жизнестойкости у ребенка способствует быстрому ее развитию. При этом особое влияние оказывают разные факторы окружающей среды, в частности занятия со специально подготовленными педагогами.

В целом, приведенные данные зарубежных исследований свидетельствуют, о том, что жизнестойкость – это интегральная личностная характеристика, которая включает три базовые установки: вовлеченность, контроль и готовность к риску, которые за счет стимулирования жизнестойкого совладания и поиска социальной поддержки способствуют превращению стрессовых обстоятельств в преимущества для развития, при этом сохраняя соматическое и психическое здоровье человека и оказывая стремление к здоровому образу жизни. Кроме того, жизнестойкость человека основывается на ценностях: кооперация (cooperation), доверие (credibility) и креативность (creativity) [2]. Выявлено, что жизнестойкость важна не только в стрессовых ситуациях, но и в монотонной деятельности [103, с. 20], так как эффективнее влияет в борьбе со стрессами, чем оптимизм и религиозность [294].

В связи с тем, что зарубежные исследования в области жизнестойкости массово стали вестись с 1980-х годов, ими были охвачены самые разные социальные и возрастные группы: медицинские сестры [273; 317], иммигранты [285], военные [243; 245; 323], студенты [268; 319], спортсмены [259; 263; 291], пожарные [271; 292], работники образования [277; 313] и др. Однако анализ зарубежных публикаций свидетельствует о том, что и до сих пор большинство эмпирических исследований жизнестойкости осуществляется на узко специализированных выборках.

Важно отметить, что в исследованиях зарубежных авторов особое значение придавалось изучению и развитию жизнестойкости как базовой составляющей психического здоровья и благополучия личности. Но подход к жизнестойкости в исследованиях часто расширялся, ибо, кроме базовых установок личности, изучались такие компоненты, как когнитивные (оценка) и поведенческие (навыки

взаимодействия и др.). Как следствие, феномен жизнестойкости часто трактовался в ракурсе различных конструктов:

- системы убеждений;
- личностного свойства;
- ресурса личности;
- динамического процесса психики;
- интегрального личностного образования.

Нами разделяется мнение отечественного психолога А. Н. Фоминой, которая, обобщая исследования зарубежных ученых, констатировала, что *hardiness* как личностное качество является определенным буфером на пути перехода стресса в болезнь [209, с. 16]. Кроме того, в аспекте выбранных нами методологических ориентиров – методология субъектно-бытийного [66] и психодинамического [177] подходов – в рамках планируемого исследования интерес представляют выводы Е. А. Рыльской, касающиеся различий между жизнестойкостью и жизнеспособностью:

- 1) понятие «жизнестойкость», в отличие от термина «жизнеспособность», ассимилировано русским языком путем калькирования (прямого заимствования);
- 2) явления имеют различные онтологические корни;
- 3) присутствуют и функциональные отличия (шире понятие «жизнеспособность»);
- 4) жизнестойкость в большей мере относится к подструктуре направленности, а жизнеспособность входит в подструктуру индивидуально-психологических свойств, так как является способностью [165, с. 62–65].

Проблема преодоления человеком трудных жизненных ситуаций, и прежде всего кризисных и экстремальных, активно разрабатывалась в последние два десятилетия и в отечественной психологии (Л. И. Анцыферова, Ф. Е. Василюк, Т. А. Крюкова, Д. А. Леонтьев, М. Ш. Магомед-Эминов, А. Г. Маклаков, Н. В. Тарабрина, Н. Е. Харламенкова, В. Д. Шадриков и др.), в том числе в аспекте таких явлений, как жизнеспособность, мотивация, способности, воля, стратегии совладания с трудными жизненными ситуациями, посттравматические стрессовые состояния и расстройство, надежность личности [3, с. 17].

Следует отметить, что феноменология, отражающая различные аспекты успешного преодоления субъектом кризисных ситуаций, обозначалась отечественными учеными посредством разных конструктов: воля, сила Я, локус контроля, адаптивность, личностный потенциал и др. Были предприняты и попытки реализации интегрального подхода к рассмотрению личностных характеристик, ответственных за совладание с жизненными трудностями. Это и психологическое содержание термина «пассионарность», предложенного Л. Н. Гумилевым, и предложенный А. Г. Маклаковым конструкт «личностный адаптационный потенциал», обозначающий устойчивость человека к любым стрессовым ситуациям или факторам экстремального характера, и понятие «личностный потенциал», разрабатываемое коллективом исследователей под руководством Д. А. Леонтьева. Рассмотрим подробнее, в какой мере продуктивны указанные конструкты в рамках планируемого нами исследования.

При исследовании феномена жизнестойкости человека следует обратить внимание на эвристичность взглядов С. Л. Рубинштейна, так как им постулировалась важность изучения ориентаций человека на высшие ценности бытия. Хотя С. Л. Рубинштейн и не использовал в своих работах термин «жизнестойкость», в них раскрывалась сущность психодинамики развития человека как процесса непрерывного восхождения [60, с. 253].

А. Г. Маклаков рассматривал понятие «личностный адаптационный потенциал» в аспекте способности к адаптации и на индивидуальном, и на личностном уровне. По мнению ученого, способности человека к адаптации зависят от психологических особенностей личности, которые определяют и возможности соответствующего ситуации регулирования физиологических состояний. Чем выше адаптационные способности, тем вероятнее сохранение человеком нормальной функциональности при влиянии негативных факторов и ситуаций внешней среды [117, с. 17–18].

Согласно А. Г. Маклакову, адаптационный потенциал личности включает в себя самооценку человека. Она определяет степень адекватности восприятия условий деятельности и собственных возможностей человека. Сюда включаются

нервно-психическая устойчивость, уровень развития, который позволяет толерантно относиться к стрессу; степень склонности личности к конфликтам; ощущение поддержки со стороны социума, поддерживающее ощущение собственной значимости для других людей; опыт социального общения. А. Г. Маклаков считает, что все характеристики, перечисленные выше, являются значимыми в момент, когда нужно дать оценку или спрогнозировать, насколько быстро и успешно произойдет адаптация человека к сложным для него обстоятельствам, а также в ситуации, когда осуществляется оценивание скорости восстановления внутреннего спокойствия человека [117, с. 19, 22].

В целом поддерживая позицию А. Г. Маклакова, считаем важным при изучении поведения человека в стрессогенных жизненных ситуациях опираться на труды ряда отечественных психологов (В. А. Бодров, Л. А. Китаев-Смык, В. И. Лебедев, М. Ш. Магомед-Эминов и др.), которыми изучены механизмы адаптации и личностного роста человека.

Д. А. Леонтьев ввел понятие «личностный потенциал» как базовую интегральную индивидуальную характеристику, характеризующую уровень личностной зрелости, так как в основе его проявлений лежат самодетерминация и психические ресурсы личности. Личностный потенциал позволяет личности преодолеть как заданные жизненные обстоятельства, так и саму себя, выражая меру прикладываемых ею усилий [102, с. 56]. При этом неблагоприятные обстоятельства могут быть и определены внешне заданными неблагоприятными условиями, и обусловлены соматическими заболеваниями и генетическими особенностями [209, с. 13]. В рамках настоящего исследования будем рассматривать личностный потенциал как интегративный комплекс психологических свойств, который дает человеку возможность регулировать свое поведение и принимать решения, учитывая и оценивая ситуацию, но опираясь, прежде всего, на свои внутренние представления и критерии [158]. В связи с этим нами поддерживается мнение Е. И. Рассказовой и Д. А. Леонтьева о включении конструкта «жизнестойкость» в качестве базовой составляющей личностного потенциала [105, с. 178–209].

Нами разделяется позиция Л. И. Анцыферовой [9] относительно того, что зрелая личность при выборе в пользу конкретного типа поведения способна преобразовывать внешние события. Обработка внешних событий предполагает превращение их в закономерные, структурированные и понятные с позиций собственного внутреннего мира субъекта. При попытке справиться с жизненными трудностями его активность оказывается направленной не только на внешние факторы, но и на изменение самого себя. Поэтому конструктивным будет опереться на идеи компликологической концепции, разрабатываемой отечественным психологом А. Н. Поддьяковым [141, с. 191–193].

Анализ публикаций свидетельствует о том, что феномен жизнестойкости не должен сводиться к копинг-стратегиям. Если под копинг-стратегиями понимается определенный порядок действий, к которому человек привык, то *hardiness* следует рассматривать как интегральное образование личности, обеспечивающее не только «сопротивляемость», но и достижение позитивного исхода в затрудненной ситуации. Поэтому если при сопротивляемости копинг-стратегии могут быть как продуктивными, так и непродуктивными, ведущими к регрессу, то «жизнестойкость» позволяет справляться с дистрессом эффективно, в направлении личностного развития [302, с. 27].

Исследование феномена жизнестойкости, на наш взгляд, важно вести с позиции интегральной индивидуальности. Это позволит операционализировать проявления жизнестойкости, рассмотрев роль психологических и иных свойств в ее развитии, а также понять влияние факторов внешней среды. Определенные исследования в данном направлении уже проводились.

В научной группе Д. А. Леонтьева при рассмотрении феномена жизнестойкости акцент был сделан на мотивационно-смысловой контекст и многоаспектность в толковании такой категории, как «жизнь» (в частности, на «полноту проявления физических, психических и духовных сил» и др.) [103; 169]. Л. А. Александрова раскрыла многоплановость оригинального психологического термина *hardiness* и его взаимосвязь с другими смежными терминами: «воля», «ресурс», «потребность преодоления препятствий», «адаптация», «личностный

адаптационный потенциал», «психологическая устойчивость», «жизнеспособность», «субъектность» [2]. При этом в анализе раскрыты особенности феномена «стойкость», которые связаны с такими проявлениями человека, как «не отступать перед трудностями, не отказываться от своих убеждений, намерений, планов» [25, с. 1272].

Концептуальные идеи и результаты исследований С. Мадди стали широко известны общественности России с выходом переведенной книги «Теории личности» и с момента адаптации третьего варианта теста С. Мадди «The Personal Views Survey III-R» отечественными психологами Д. А. Леонтьевым и Е. И. Рассказовой [88, с. 34]. Адаптированный тест получил название «Тест жизнестойкости» [103]. Как следствие, появился ряд монографических исследований, которые базируются на применении данного методического инструментария. Например, изучены социально-психологические факторы жизнестойкости (О. И. Егорова и др., 2019; О. И. Ефимова и др., 2011), ее связь с конкретными свойствами личности и иными ресурсами (Н. В. Калинина, 2012; Е. Н. Митрофанова, 2019; Т. В. Наливайко, 2006; Р. И. Стецишин, 2008; А. Н. Фоминова, 2012; С. М. Хаммад, 2016 и др.), а также выявлены особенности проявления жизнестойкости у женщин (С. Б. Калинина, 2011), детей-сирот (Е. А. Байер, 2012), учеников школ (С. В. Книжникова, 2005; В. Р. Петросянц, 2011; А. Н. Фоминова, 2014; Е. В. Шварева, 2012), студентов (Г. В. Ванакова, 2008, 2012, 2015; Н. М. Волобуева, 2012; М. Ю. Кузьмин, 2012; Н. О. Леоненко, 2013; М. В. Логинова, 2010; Ю. И. Сова, 2009), курсантов образовательных организаций МВД России и МЧС России (А. А. Земскова, 2020; С. В. Книжникова, 2010).

Отечественными психологами формирование «жизнестойкости» изучается как в аспекте проблем развития подрастающего поколения, так и психодинамики трансформации личностных проявлений у людей, побывавших в экстремальных ситуациях. Так, Е. А. Байер выявила, что сначала у ребенка формируется жизнестойкость, а затем по специальной программе должна развиваться жизнеспособность [14, с. 8]. В. Р. Петросянц, обследуя старшеклассников – участников буллинга в образовательной среде, обнаружила, что жизнестойкость

«старшекласников-жертв» имеет более низкий уровень, а «старшекласники-обидчики» обладают значительно более интегрированной структурой жизнестойкости. Исследователь также выявила личностные ресурсы повышения жизнестойкости «старшекласников-жертв» в ситуации буллинга, какими являются, по ее мнению, позитивное самоотношение, развитые коммуникативные способности, смелость как личностная черта [136, с. 173–175].

С. В. Книжниковой изучена роль жизнестойкости как личностной возможности сопротивления суицидогенным факторам, а в итоге в ее детерминанты включены следующие компоненты: адекватная самооценка, оптимальная смысловая регуляция, высокий уровень социальной компетентности, развитые волевые качества, развитые коммуникативные умения и способности [78, с. 125].

Отечественные психологи разрабатывали проблематику жизнестойкости людей, успешно преодолевших затрудненные (кризисные) ситуации, в аспекте индивидуальной активности личности. Было установлено, что подобная активность неизбежно ведет к саморазвитию, возрастанию уровня мотивации к достижению результатов, в том числе с учетом рефлексивности сознания, индивидуализации и воли [107, с. 66]. Согласно Л. А. Александровой, жизнестойкость важно изучать в ракурсе блоков способностей – общих (базовые установки, ответственность, самосознание, интеллект и смысл) и специальных (навыки преодоления проблем, взаимодействия с людьми и др.) [3, с. 17].

Развитие жизнестойкости как специфической способности устанавливается в работах В. Д. Шадрикова, который представляет ее «как свойство функциональных систем, реализующих отдельные психические функции, которые отражают индивидуальную меру выраженности, проявляющуюся в успешности и качественном своеобразии освоения и реализации деятельности» [226, с. 35]. В результате в жизнестойкости им были выделены такие основные признаки, как: индивидуальная мера выраженности (индивидуальная особенность, поддающаяся измерению), функциональность (обеспечивает функцию поддержания и сохранения жизни), связь с эффективностью деятельности (насколько удовлетворение жизненно важной потребности зависит от результатов деятельности).

Изучение жизнестойкости в аспекте стилевых характеристик личности и ее смысложизненных ориентаций проведено Т. В. Наливайко. В рамках проведенного ею диссертационного исследования на тему «Исследование жизнестойкости и ее связей со свойствами личности» (2006) изучена связь жизнестойкости с ценностно-смысловой сферой личности и, в частности, со смысложизненными ориентациями у людей из различных социальных и возрастных групп. Автор приходит к выводу о том, что жизнестойкость – это интегральное образование, которое хоть и опирается на биологические природные свойства человека, но в большей мере это личностный феномен, который начинает проявляться уже у подростков, и в дальнейшем личностном развитии ее роль возрастает. По мнению ученого, жизнестойкость включает в себя смыслы и цели, которые значимы для личности, самоотношение как составляющую самосознания, стилевые характеристики поведения. Причем связи между жизнестойкостью и смысложизненными ориентациями, самоотношением и стилевой саморегуляцией определяются возрастными, социальными и половыми факторами [128, с. 7–8].

Конструктивной представляется позиция Т. В. Наливайко, заявившей, что жизнестойкость включает в себя две стороны. Первая сторона – деятельностьная. В нее входят действия человека, которые способствуют достижению его главной цели в жизни. Соответственно они помогают человеку справляться со стрессом, экстремальной ситуацией. Благодаря этим действиям человек для себя четко определяет и осознает, что с ним происходит в каждый момент совершенных действий. Вторая сторона – психологическая. Она заключается в том, что жизнестойкость может влиять на то, каким образом человек развивает взаимоотношения между людьми. Жизнестойкость помогает человеку чувствовать любовь, строить с другими людьми здоровые отношения. Такой человек открыт перед другими людьми, потому что к ним он проявляет интерес. Жизнестойкого человека также характеризует и интерес к окружающему миру, он точно знает, благодаря чему можно заручиться поддержкой посторонних людей, если это необходимо [128, с. 9].

С. А. Богомаз (2007) определяет жизнестойкость человека как важный личностный ресурс, связанный со способностью преодолеть стресс. Автор считает, что жизнестойкость способствует поддержанию высокого уровня психического и физического здоровья, а также повышает удовлетворенность собственной жизнью. Человек с высоким уровнем жизнестойкости старается руководствоваться неким идеальным образом мира, ему свойствен значительный эмоциональный интеллект [23]. Близкую позицию занимает и Е. В. Медведева (2008), которая предлагает определять жизнестойкость как способность оказывать сопротивление трудной ситуации, стрессам, продолжая действовать в нужном направлении и сохраняя внутренний баланс [119, с. 172].

Р. И. Стецишин (2008) изучал жизнестойкость у врачей-клиницистов и пришел к выводу, что жизнестойкость – это личностно-психологический ресурс, который позволяет человеку, трудящемуся в сфере помогающих профессий, противостоять состояниям личностной и профессиональной дезадаптации. Он относит жизнестойкость к системному психическому свойству, формирующемуся в процессе персоно- и профессиогенеза личности и расширяющему потенциал поля адаптации личности. Он выявил гендерную специфику процесса становления жизнестойкости, ее компонентов и личностно-психологических ресурсов [182, с. 190].

Проблему смысловой саморегуляции жизнестойкого отношения к кризисным ситуациям разрабатывала Ю. И. Сова (2009). Автор понимает под жизнестойкостью качество личности, благодаря которому человек не воспринимает сложные обстоятельства как нечто, что может причинить ему вред или нанести психологическую травму. Для формирования жизнестойкости необходима субъектная активность, глубокий анализ своих возможностей, занятие саморазвитием. Только при наличии такой позиции возможна успешность в преодолении психологического кризиса и извлечение из него положительного опыта [169, с. 19]. Исследователь выделяет в жизнестойкости два компонента: жизнестойкое поведение (т. е. ориентацию на сохранность и сбережение личного здоровья, избегание крайностей, активность в преодолении неблагоприятных

ситуаций, мобилизацию сил, личностных ресурсов) и жизнестойкое отношение (восприятие жизненных событий, их субъективная оценка как менее травмирующих, значимых, неблагоприятных, извлечение из них опыта) [169, с. 11].

М. В. Логинова (2010) считает, что понятие «жизнестойкость» имеет сложную структуру. Этот конструкт является по своей сути психологическим образованием, которое зависит во многом от убеждений человека. На их основе формируется и развивается готовность человека брать на себя ответственность и контролировать происходящее даже в самых сложных для него обстоятельствах. Установлено, что содержание и уровень жизнестойкости предопределяются пластичностью, экстраверсией, интернальной локализацией контроля, активностью. Существует взаимосвязь компонентов жизнестойкости с личностными ресурсами (темпераментом, локализацией контроля, копинг-поведением). М. В. Логиновой разработан двухдневный «Тренинг формирования жизнестойкости личности» [108, с. 7].

С. М. Хаммад (2016), изучая на примере палестинских беженцев взаимосвязь самореализации и жизнестойкости, видит в жизнестойкости «многомерное психологическое образование, детерминированное внешними условиями и внутренними факторами», обеспечивающее поддержание жизнедеятельности человека в сложных жизненных условиях [216, с. 8].

Т. Д. Василенко (2011) считает, что жизнестойкость проявляется в качестве личностного ресурса в сложных жизненных обстоятельствах, в том числе ситуациях, связанных с телесным опытом, когда требуется преодоление, например, хронического соматического заболевания [39, с. 184].

А. Н. Фомина (2012) дает следующее определение жизнестойкости: это личностное образование, которое формируется и проявляется на протяжении личной истории человека, в ходе приобщения к культуре, включения в социальное взаимодействие, сознательного совершения выбора. В процессе разных жизненных взаимодействий человек развивает в себе конкретные качества и свойства, активизирует и усиливает возможные способности и психические свойства [209, с. 100].

М. Ю. Кузьмин (2012) приходит к выводу о том, что жизнестойкость личности имеет связи с компонентами идентичности, которые претерпевают изменения кризисного характера. У студентов младших курсов жизнестойкость тесно связана с семейной и профессиональной идентичностью, в то время как у обучающихся старших курсов жизнестойкость чаще всего связана с семейной и деятельностной идентичностью. Также было установлено, что у студентов разного возраста обнаруживаются специфические различия в выраженности отдельных составляющих жизнестойкости [97, с. 5].

Н. В. Коптева вводит в своей работе экзистенциально-феноменологическую трактовку понятия «онтологическая уверенность» и постулирует его связь с жизнестойкостью (на базе концепции Р. Лэйнга) [87]. Е. В. Шварева занималась созданием программы психологического сопровождения такого вопроса, как «жизнь-смерть». Свое исследование она проводила на старшеклассниках, у которых измеряла уровень жизнестойкости. На основании полученных результатов выстраивалось психологическое сопровождение в дальнейшем [228].

Н. М. Волобуева (2012), обследуя группу студентов, изучала жизнестойкость как личностный ресурс, который позволяет им развиваться и самосовершенствоваться [45, с. 139]. К условиям, влияющим на развитие жизнестойкости, были отнесены осмысленность жизни, сформированные смысловые образования, развитые эмоциональный интеллект, коммуникативные способности, психологическая культура, саморегуляция, адекватная самооценка, активность и сформированная мотивация достижения [45, с. 40]. Ею же разработана программа тренинга из 14 занятий, направленных на развитие у студентов жизнестойкости как внутреннего ресурса [45, с. 180].

В отечественной литературе встречаются также мнения, отличные от ранее рассмотренных интерпретаций феномена «жизнестойкость». Так, Н. В. Калинина (2001) считает, что жизнестойкость – это комплекс, в который входят личностные свойства человека и его поведенческие реакции. Это позволяет ему объективно подходить к разрешению сложных жизненных проблем и принимать конструктивные решения [73].

Вслед за Я. А. Долженко (2011), базирующейся на концепции Дианы Кутейль – исследователя Бостонского психоаналитического института, считаем возможным выделить следующие качества жизнестойкого человека:

- 1) способность видеть и принимать действительность такой, какова она есть;
- 2) умение находить смысл в различных аспектах жизни, сохраняя верность определенным ценностям;
- 3) способность импровизировать, в том числе находя неочевидные выходы из проблемной ситуации, не выходя при этом за рамки собственных возможностей [61].

Для выявления психологических механизмов актуальность приобретают труды, посвященные изучению потенциала жизнестойкости с учетом гендерных особенностей [88, с. 132], в том числе педагогов – статья Т. В. Володиной [47], сотрудников органов внутренних дел – работа Е. Р. Куашевой [96], спасателей МЧС – работа Л. Н. Молчановой и А. И. Редькина [124]. Интерес представляет и работа по изучению жизнестойкости, стратегий совладания и адаптации военнослужащих Д. М. Сотниченко [171].

В рамках докторской диссертации Д. А. Циринг (2008) исследовалась личностная беспомощность, выступающая диаметрально противоположным жизнестойкости явлением. Ученый выявила разницу в обусловленности и развития составляющих данных феноменов у беспомощных и самостоятельных подростков и, как следствие, обосновала взаимосвязь самостоятельности с уровнем жизнестойкости человека [220, с. 341].

Итак, анализ отечественных и зарубежных публикаций, направленных на исследование жизнестойкости, позволяет констатировать, что данный конструкт – целостная система, базирующаяся на социокультурном взаимодействии и проявляющаяся как интегральная особенность личности [3, с. 20].

Отечественные ученые изучали жизнестойкость с разных точек зрения. Одни считают жизнестойкость системой убеждений, другие – интегральной способностью личности, которая проявляется в процессе ее жизнедеятельности.

Исследователи определяют жизнестойкость также как состояние человека, которое дает возможности для психического развития. Есть ученые, рассматривающие жизнестойкость как личностную характеристику, которая способна проявить себя в момент противостояния человека трудным ситуациям [184, с. 111].

Проведенный анализ подходов к изучению феномена «жизнестойкость» показывает, что наиболее полная его трактовка дана в рамках экзистенциально-гуманистического подхода, поскольку именно здесь выявляется ее взаимосвязь с индивидуальными чертами каждого человека, его уровнем активности, ориентированной на то, чтобы понять, в чем заключается смысл жизни. Кроме этого, жизнестойкость связана с творческой деятельностью, стремлением достигать поставленных целей, планировать свое будущее и заниматься саморазвитием, совершенствованием себя.

Жизнестойкость следует понимать как стержневую интегральную личностную характеристику, лежащую в основе «мужества быть» (по П. Тиллиху) и в значительной степени обеспечивающую успешность личности в преодолении неблагоприятных обстоятельств жизни. В структуре жизнестойкости следует выделять три взаимно обуславливающих друг друга компонента: вовлеченность, контроль и принятие риска.

На сегодняшний день внимание исследователей привлекает изучение динамики выбора и реализации людьми разных возрастов активных поведенческих стратегий. В детстве развитие компонентов жизнестойкости находится в зависимости от детско-родительских отношений [103, с. 15], а с подросткового возраста люди, испытывающие состояние «потока» [224], повышают жизнестойкость.

Субъектная вовлеченность в процесс просоциальной деятельности, на наш взгляд, должна рассматриваться как один из механизмов проявления жизнестойкости и ее базового компонента «включенности». При этом именно просоциальная вовлеченность поддерживает чувство личностной значимости, важности в системе межличностных отношений, причастности, стимулирует

человека к достижению поставленных целей, накоплению ресурсной базы [3, с. 21]. Контроль как установка и компонент жизнестойкости продвигает и стимулирует личность к изысканию приемов воздействия на стрессогенную ситуацию, уклонению от состояния беспомощности, убежденности субъекта в наличии обоснованной связи между его поступками, действиями и результатами и т. п. Принятие человеком риска подразумевает, что он должен совершать выбор неизвестности (будущего) для того, чтобы двигаться вперед и определить перспективу развития в поле социокультурного пространства [103, с. 27].

В заключение настоящего параграфа, базируясь на проведенном анализе работ зарубежных и отечественных исследователей, мы можем констатировать, что жизнестойкость – это:

- определенный психологический ресурс или потенциал личности (может включать в себя различные психологические свойства), крайне востребованный при нахождении человека в кризисе или экстремальной ситуации;
- интегральная характеристика личности, способствующая успешной социально-психологической адаптации, в том числе прежде всего на основании изменений в смысловой детерминации и саморегуляции, с опорой на выработанные установки активного взаимодействия с людьми.

В контексте темы нашего диссертационного исследования, проводимого среди осужденных с длительными сроками отбывания наказания в условиях изоляции, актуально учесть позицию зарубежных ученых, уделивших особое внимание изучению жизнестойкости как общей меры психологического здоровья личности. Однако учтем, что в данном случае благодаря исследованиям отечественных ученых подход к изучению феномена жизнестойкости расширяется, так как в него включаются, кроме базовых ее установок, особенности поведенческого (навыки взаимодействия) и когнитивного (оценка) компонентов личности. Как следствие, феномен жизнестойкости изучается в ракурсе таких конструктов, как ресурс личности и динамический процесс психики.

В целом, в нашем исследовании мы будем руководствоваться следующим определением дефиниции: жизнестойкость – это интегральное качество личности,

позволяющее осмысленно воспринимать внешний мир и участвовать в ситуациях повышенной сложности, преодолевая трудности и препятствия, противостоя страху в опасных условиях и идя на оправданный риск для достижения поставленной цели, а в итоге обеспечивая дальнейший личностный рост.

1.2. Влияние условий отбывания наказания в виде длительного срока лишения свободы на трансформацию личности различных категорий осужденных

Проблема негативного влияния длительного срока отбывания наказания на личность осужденного анализировалась в трудах многих зарубежных (D. Augustine, M. Barragan, T. Blair, K. Chesnut, B. Crewe, P. Dashtgard, G. Gonzalez, S. Hulley, D. Lovell, N. Pifer, K. Reiter, J. Strong, J. Ventura, S. Wright) и отечественных ученых (С. С. Акуленко, Ю. М. Антонян, А. Н. Баламут, В. И. Белослудцев, И. Ю. Бобылева, Т. Н. Волкова, А. Я. Гришко, С. И. Дементьев, А. С. Детков, М. Г. Детков, А. И. Зубков, Б. Б. Казак, Е. Н. Казакова, М. И. Коваль, С. И. Лихторович, А. С. Михлин, В. В. Николайченко, В. В. Попов, С. А. Салаутдинов, Ю. В. Славинская, А. М. Смирнов, Е. Ф. Штефан, В. У. Ялунин и др.). Но до настоящего момента не удалось подкрепить доводами научные основания по критичности срока нахождения в условиях изоляции, чтобы блокировать развитие патологических изменений личности у осужденных. Поэтому среди ученых до сих пор само понятие «длительный срок лишения свободы» носит дискуссионный характер [1].

Анализ публикаций свидетельствует о том, что для каждой страны мира характерны свои особенности в понимании термина «длительный срок наказания». Так, в США, в соответствии с Примерным Уголовным кодексом за фелонии¹ предусмотрено: при установлении фелонии I степени – наказание от 1–10 лет до пожизненного тюремного заключения, за фелонию II степени – от 1–3

¹ Фелониями в США обозначаются наиболее опасные преступления.

до 10 лет, а за фелонию III степени – от 1–2 до 5 лет лишения свободы [154, с. 104]. Кроме того, подход к определению срока наказания за преступления уточняется в соответствии с уголовным законодательством штата [84, с. 9], поэтому даются тюремные сроки заключения, которые настолько длительны, что выходят за рамки обычной продолжительности жизни. Американскими учеными отмечается, что озабоченность общественности серьезными преступлениями до сих пор является движущей силой поддержки длительных тюремных сроков и обеспечения безопасности в США [312, с. 5–6]. Во Франции продолжительное заключение определяется сроком от 10 до 30 лет [201], а в ФРГ [200], Голландии [192] и Японии [203] длительное уголовное наказание назначается до 15 лет. В Италии предусмотрено лишение свободы на срок до 24 лет [193]. Уголовное законодательство Великобритании относит к длительным срокам лишения свободы сроки свыше 5 лет [191]. В Швеции максимальный срок лишения свободы составляет 10 лет [202, с. 24]. В Республике Армения, Республике Беларусь, Республике Казахстан, Республике Таджикистан и Республике Узбекистан временные сроки наказаний варьируются в зависимости от характера и степени общественной опасности. За тяжкие преступления срок наказания в Республике Армения и Республике Узбекистан не превышает 10 лет, в Республике Беларусь, Республике Казахстан, Республике Таджикистан – 12 лет [90; 194; 195; 196; 197; 198].

Понятие «длительный срок лишения свободы» в Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 г. (далее – УК РФ) не определено. При этом в УК РФ значительно увеличены максимальные сроки наказания в виде лишения свободы (по сравнению с ранее действовавшим Уголовным кодексом РСФСР 1960 г. (далее – УК РСФСР)): если ст. 24 УК РСФСР предусматривала лишение свободы на срок до 10 лет, а за особо тяжкие преступления – не свыше 15 лет, то в действующем УК РФ высший предел срочного лишения свободы предусматривается в 20 лет (ч. 2 ст. 56 УК РФ). Однако при установлении с учетом ст. 15 УК РФ факта наличия особо тяжкого преступления наказание со сроком лишения свободы по совокупности преступлений или по совокупности

приговоров уже может составлять соответственно 25 или 30 лет (ч. 4 ст. 56 УК РФ). При совершении хотя бы одного из преступлений, предусмотренного перечнем положений ч. 5 ст. 56 УК РФ, т. е. при частичном или полном сложении сроков лишения свободы при назначении наказаний по совокупности преступлений, максимальный срок лишения свободы не может быть более 30 лет, а по совокупности приговоров – более 35 лет [199]. Нами разделяется мнение В. И. Попова о том, что рост удельного веса тяжких и особо тяжких преступлений, рецидивной преступности, отрицательно влияющих на правовые представления в обществе и нравственность, способствовал принятию жестких правовых решений и увеличению в постсоветской России максимального предела лишения свободы [151, с. 32].

Анализ публикаций свидетельствует о том, что многие современные ученые к длительным срокам относят наказания свыше 5 лет (В. В. Чернышов [222, с. 13], В. Л. Полозюк [149, с. 389] и О. В. Старков [180, с. 222], А. М. Смирнов [167, с. 24]). М. Г. Детков [57, с. 56] предлагает отнести к длительному лишению свободы также сроки свыше 5 лет, но при этом выступает категорически против пожизненного лишения свободы. В. У. Ялунин [236, с. 5] считает длительным срок более 6 лет, А. С. Детков [58, с. 105] – срок от 7 до 15 лет. Ю. В. Славинская и Б. Б. Казак к длительным относят сроки от 10 лет лишения свободы и вплоть до пожизненного лишения свободы [71, с. 231]. По мнению Е. Н. Казаковой [72, с. 41], длительным можно считать срок, назначаемый за тяжкие и особо тяжкие преступления, – от 5 до 20 лет. Расширенное раскрытие понимания длительного наказания в виде лишения свободы в России представлено в нашей публикации [91]. С позиции действующего уголовного законодательства в аспекте количественно-временного выражения к длительному сроку отбывания наказания следует относить наказания, превышающие половину от верхнего предела срока лишения свободы, т. е. более 10 лет. Однако будем учитывать, что специальная перепись осужденных 2009 г. подразделяла всех осужденных, которые отбывают длительный срок наказания, на несколько категорий:

– 10–15 лет;

- 15–20 лет;
- 20–25 лет;
- 25–30 лет [132].

Согласно УК РФ (1996) к длительным срокам лишения свободы (более 10 лет) приговаривают:

- а) при осуждении лица за особо тяжкое преступление;
- б) при осуждении лица за преступление, повлекшее за собой тяжкие телесные последствия;
- в) при осуждении особо опасного рецидивиста.

Итак, длительное лишение свободы – вид наказания, оказывающий действенное влияние на личность осужденного. Считается, что это наказание способствует восстановлению общественной справедливости и может обезопасить социум от человека, способного совершить особо тяжкое преступление [85, с. 21, 111]. Однако ученые до сих пор спорят относительно того, может ли этот вид наказания предотвратить повторение преступления после того, как преступник отбудет срок наказания. Если учесть высокий уровень рецидивной преступности, то можно прийти к критичному выводу: пенитенциарные учреждения нередко порождают новую преступность, а не содействуют ресоциализации отбывавших наказание [36, с. 51].

Учитывая позиции, высказываемые видными юристами дореволюционного (М. Н. Гернет, С. П. Мокринский [123, с. 139] и др.), советского (И. Ю. Бобылева, А. С. Михлин, М. Д. Шаргородский [227] и др.) и современных периодов (С. С. Акуленко, В. И. Селиверстов, А. М. Смирнов, В. А. Уткин, А. И. Чучаев и др.), а также с учетом данных исследований современных психологов (М. Г. Дебольский, П. Н. Казберов, В. С. Мухина, Г. В. Рогач, Ю. В. Славинская и др.) считаем, что для каждого впервые осужденного дальнейшее нахождение в изоляции свыше 8–10 лет является психотравмирующим периодом. В результате проведенного мета-анализа научных работ мы убеждены, что после отбывания этого срока наказания осужденный нередко оказывается в состоянии фрустрации, становится более

агрессивным, утрачивает социально полезные связи, его просоциальная активность значительно снижается [36, с. 51].

Учеными выявлен ряд неблагоприятных особенностей пенитенциарной среды (прежде всего принудительная физическая изоляция осужденных от общества, жесткий контроль и регламентация поведения во всех сферах жизнедеятельности, искусственный характер способа создания сообщества осужденных [219, с. 233–246]; принудительное включение в однополюсные группы на уравнительных началах [217] и др.), которые могут негативно влиять на трансформацию личности осужденных. Однако комплексного монографического изучения детерминант, влияющих на трансформацию личности и поведения осужденных при длительном лишении свободы, пока не проводилось, а значит, эту задачу надо реализовать в нашей диссертации через опрос спецконтингента.

В современной науке личность осужденного рассматривается в качестве одного из ключевых объектов пенитенциарной психологии (наряду с «исправлением» и «ресоциализацией») [7; 69, с. 184–328; 205], а анализ психодинамики ее изменения является одной из востребованных тем [143; 147, с. 100–116]. При этом критично заметим, что многими учеными личность осужденного с длительными сроками заключения до сих пор продолжает рассматриваться преимущественно в формально-правовом значении, т. е. через комплекс уголовно-правовых, криминологических, социально-демографических признаков, прямо или косвенно обуславливавших поведение человека, совершившего преступное деяние [120, с. 248]. В итоге в пенитенциарной практике часто игнорируются данные о личности разных категорий осужденных и их подтипы, выявленные в пенитенциарно-психологических исследованиях. Почему так происходит, рассмотрим подробнее.

Анализ публикаций свидетельствует о том, что индивидуально-дифференцированный подход к исправлению осужденных, требующий изучения личности различных категорий спецконтингента, был возрожден в нашей стране с 1960-х годов. Первоначально исследования велись преимущественно в аспекте выявления и описания типов личности осужденных (А. Г. Ковалев, 1969).

Методолого-теоретические основы более дробной дифференциации преступников в рамках ценностно-нормативной концепции были обоснованы А. Р. Ратиновым [161]. В последующем с их учетом и на основе иных теоретических ориентиров целенаправленному изучению были подвергнуты изменения в ряде сфер личности разных категорий осужденных при нахождении в местах лишения свободы: мотивационной (В. Г. Деев и др.), эмоциональной (А. Д. Глоточкин, В. Ф. Пирожков и др.), волевой (М. В. Тимашев, А. И. Ушатиков и др.). С 1990-х годов исследователи стали уделять внимание воздействию изоляции на изменения парциальных личностных характеристик осужденных, в том числе свойств мотивационно-смысловой (А. А. Истомин, Н. А. Полянин, Г. В. Щербаков, В. В. Яковлев и др.), когнитивной (Ю. В. Макарова, Е. В. Чернышева и др.) и эмоционально-волевой (В. А. Семенов, Н. А. Харина, Г. С. Човдырова и др.) сфер личности. Особенности пенитенциарного ролевого поведения осужденных и явления в их среде многосторонне изучались И. П. Башкатовым, М. Г. Дебольским, О. Г. Ковалевым, В. Ф. Москаленко, А. Н. Олейником, А. И. Папкиным, Е. В. Петуховым, В. Ф. Пирожковым, А. Н. Суховым и др. [143, с. 165–169]. В первое десятилетие XXI века концептуальные основы психодинамического подхода и разноплановый инструментарий по выявлению изменений личностных особенностей разных категорий осужденных были изучены Д. В. Сочивко (2004, 2007, 2010) и его учениками. В исследованиях последних лет выявлено, что в аспекте специфики негативных переживаний необходимо особое внимание обращать на осужденных, отбывших более 10 лет в местах лишения свободы и имеющих разный статус в колонии [162, с. 11].

Общее количество осужденных с длительными сроками лишения свободы среди спецконтингента мужского пола в 2019 г. в исправительных учреждениях России достигло 55 % от общей численности и имеет тенденцию к росту [134]. Поэтому считаем важным провести анализ публикаций, в которых выявлены детерминанты, закономерности и механизмы негативных трансформаций у осужденных, длительно находящихся в условиях лишения свободы. При этом сразу отметим, что использование в настоящем исследовании понятия

«трансформация» (от позднелат. *transformatio* – преобразование, превращение [166, с. 504]) будет вестись с учетом семантики данного термина, многопланово раскрытой отечественными филологами [130, с. 701].

В зарубежной пениitenciарной психологии феномен «трансформации личности» обычно трактуется или с позиций деструктивных изменений, или применительно к реабилитационно-коррекционной проблематике. Росту внимания к изучению проблематики психологических закономерностей трансформации личности в условиях жесткой насильственной изоляции способствовали работы таких зарубежных психологов – узников немецких концентрационных лагерей, как Бруно Беттельхайм, Виктор Франкл и некоторых других [146, с. 35]. При этом Б. Беттельхайм отмечал, что при увеличении срока нахождения в концлагере некоторые узники пытались подражать нацистам-охранникам, а иные заключенные оставляли попытки выжить и превращались в «зомби» [19]. В. Франкл охарактеризовал специфический характер реагирования заключенных в концентрационном лагере. В качестве критерия характеристики исследователь взял фазу нахождения:

- шок поступления;
- типичные деструктивные изменения характера при длительном пребывании в лагере;
- освобождение [213, с. 130–156].

Близкая фазная дифференциация наблюдается и у криминолога А. Коэна. Он считает, что в период пребывания в условиях лишения свободы заключенный проходит три специфичные стадии, которые определены ученым следующим образом: 1) фаза первичной реакции; 2) фаза адаптации, 3) фаза апатии [210].

Зарубежными учеными с конца 1950-х годов велось расширенное изучение влияния условий разных мест лишения свободы на трансформацию личности и среды заключенных (Ю. Гальтунг [261, с. 135–156], Д. Клеммер [254, с. 298–306] и др.), а также обоснованы пути повышения эффективности средств ресоциализации разных категорий спецконтингента (Т. Р. Клеар, Р. Мартинсон и др.) [253, с. 344–

373, 507–523]. Однако зарубежные исследования жизнестойкости заключенных (К. Porazynski, E. Sygit-Kowalkowska, J. Szrajda, M. Weber-Rajek, M. Ziolkowski) пока не привели к широкому внедрению программ ее повышения [321].

Филипп Зимбардо, проведший в 1971 г. знаменитый Стэнфордский «тюремный эксперимент», в книге «Эффект Люцифера» (2013), в которой представлены и исследования по современным «внешним американским тюрьмам», раскрыл, что именно побуждает в пенитенциарных условиях даже «хороших людей творить зло», так как «ситуационные процессы и групповые взаимодействия при насильственной изоляции объединяются в одну страшную силу, способную превратить людей в монстров». При этом жестокое обращение с заключенными на американской базе Гуантанамо показало, что происходят негативные трансформации чувств, мыслей, характера и действий людей [65].

В контексте темы нашего исследования важной является и позиция американского психолога Ролло Мэя, который под негативной трансформацией личности понимает возникновение у нее установок, которые не способствуют адекватной регуляции психических напряжений [126, с. 137]. В итоге возникают страдания, и, когда они становятся невыносимыми, человек не готов сам отказаться от своих ошибочных позиций [126, с. 140–143]. Как отмечал Р. Мэй, именно в этой ситуации человеку нужна психологическая помощь, в том числе на основе воздействия на него специалистов в процессе эмпатических взаимоотношений и обеспечения самопонимания им проблемы [126, с. 141]. Однако этого нет в местах лишения свободы, так как осужденные получают из своего окружения, прежде всего, подавляющие личность воздействия.

Исследователи из Института криминологии Кембриджского университета, основываясь на результатах интервью с сотнями заключенных, пришли к выводу, что длительная тюремная изоляция «меняет людей до глубины души» [270].

Зарубежными исследователями выявлено, что лица, совершившие особо тяжкие преступления, часто страдают расстройством личности диссоциального типа, связанным, в частности, с низким уровнем толерантности к лишениям и высокой восприимчивостью к фрустрации, которая, накапливаясь за годы

изоляции в колонии, может трансформироваться в агрессию как во время пребывания осужденного в исправительном учреждении, так и после его освобождения [262, с. 95].

S. Hulley, B. Crewe, S. Wright, проведя обследование 294 заключенных мужского и женского пола с длительным сроком лишения свободы, выявили, что адаптация к долгосрочному заключению оказывает глубокое и очень сильное влияние на заключенных, это влияние ведет к фундаментальным изменениям личности, которые намного глубже, чем изменения в сознании [267]. При этом ученые приходят к выводу, что женщины реагируют на длительное заключение намного острее, особенно негативно на них влияют такие факторы, как потеря контакта с семьей, автономности, контроля над ситуацией, психологического благосостояния и психического здоровья, доверия и личного пространства. Исследователи отмечают, что невозможно понять, как повлияло длительное заключение на каждую конкретную женщину, без учета того, какого рода жестокому обращению она ранее подвергалась, ее биографии и эмоциональных привязанностей [256].

Согласно результатам исследования датских ученых, чем моложе возраст длительного заключения человека, тем более негативно влияние на его психическое здоровье [252]. При проведении исследования психологического дистресса у заключенных в США, отбывающих долгосрочное одиночное заключение, выявлены симптомы депрессии, волнения, вины, серьезных психических заболеваний и самоповреждения. Интервью показало и иные симптомы, такие как социальная изоляция, потеря самоидентичности, сенсорная гиперчувствительность [316].

По мнению S. Hulley, B. Crewe, S. Wright, после того как заключенный на длительный срок «приспосабливается» к императивам длительного периода изоляции, он становится более эмоционально отстраненным, более социально замкнутым и, возможно, менее пригодным к жизни после освобождения [267].

В исследованиях отечественных пенитенциарных психологов по трансформации осужденных в условиях длительной изоляции выявлено негативное влияние конкретных атрибутов криминальной субкультуры в местах

лишения свободы [150; 178, с. 168–179]. В ряде исследований отмечается, что стрессовый и экстремальный жизненный опыт не всегда оказывает пагубное влияние на личностное развитие. Так, М. Г. Дебольский и А. И. Колесникова, изучавшие особенности копинг-стратегий осужденных с разным уровнем жизнестойкости, выявили, что они нередко преодолевают трудности путем снижения степени эмоционального реагирования и отрицания существующей проблемы. При этом положительная переоценка позволяет реагировать на сложившуюся ситуацию и отыскать в ней стимул для развития личности. Данные авторы видят перспективы исследований в создании и апробировании специализированных психопрофилактических программ для осужденных с симптомами депрессии, с малоадаптивными стратегиями совладающего поведения, с низким уровнем жизнестойкости, а также для лиц с шантажно-демонстративным типом поведения [56].

Н. Д. Узловым и С. Ш. Араслановым, проведшими изучение жизнестойкости и психологического благополучия у 87 осужденных в аспекте их тюремного статуса в следственном изоляторе (далее – СИЗО), установлено, что наиболее психически болезненно воспринимают свое пребывание лица с пенитенциарным статусом «мужики» [204]. Учитывая, что данная категория является весьма массовой и в ИК, нами поддерживается позиция указанных авторов по вопросу важности изучения связи жизнестойкости и психологического благополучия осужденных, в том числе в целях осуществления адекватной личностно-ориентированной психокоррекционной работы [204, с. 84].

Согласно исследованию В. А. Гвоздева более двух третей из 147 обследованных им осужденных, отбывших небольшой срок наказания в виде лишения свободы (от полугода до года), можно рассматривать как жизнестойких. В то же время имеется и значительное число испытуемых с низким уровнем жизнестойкости (22,5 %). Сравнивая результаты по компонентам жизнестойкости, автор приходит к выводу, что данные по «Вовлеченности» и «Контролю» соответствуют достаточно высокому уровню (более чем 60 % испытуемых), чего нельзя сказать о показателе «Принятие риска» (у 68 % сниженный уровень

принятия риска). По мнению автора, который провел также индивидуальные беседы с осужденными, это свидетельствует об активизации личностных механизмов, компенсирующих ослабление психофизиологического и психического уровней адаптации (нарушения эмоциональной сферы и интеллектуальная недостаточность), причем из-за влияний на социально-психологическом уровне, так как респонденты указали, что криминальная субкультура достаточно жестко регламентирует их жизнедеятельность, внося в поведение дисциплину [49].

В. А. Алехин и Е. М. Кравцова по результатам исследования 72 осужденных мужского пола по ст. 158 УК РФ (за кражи, а поэтому имеющих небольшие сроки наказания), пришли к выводу, что осужденные с высоким уровнем депрессии имеют низкий уровень психологической жизнестойкости [4]. Однако украинский психолог Н. В. Брагина при сравнении жизнестойкости осужденных за кражу и правопослушных граждан выявила, что первые имеют меньший объем позитивного индивидуального опыта, и прежде всего накопленного в детстве, но, оказавшись в ситуации социальной депривации, справляются с ней, хотя и сталкиваются с негативными последствиями для личностного развития, а также для психологического и соматического здоровья [27].

Многие из приведенных выше публикаций, посвященных изучению личности осужденных, к сожалению, не имеют четкой градации данных по сроку отбытия наказания в условиях лишения свободы, поэтому в настоящем исследовании представляется необходимым реализовать квотирование выборки в аспекте нахождения в исправительном учреждении и провести комплексную психодиагностику, с тем чтобы выявить имеющиеся место трансформации личности, причем с учетом того, что пенитенциарные психологи (В. Г. Рогач, 2015; Е. Л. Сучкова, 2012; Е. Ф. Штефан, 2008) у осужденных выявили специфику реагирования на «тюремный стресс» после 10 лет отбытия наказания.

Анализ публикаций свидетельствует о том, что понятие «трансформация личности» все чаще используется в современной науке при изучении затруднений психологической репрезентации осужденными социальной и пространственно-

предметной среды, так как им приходится разрешать фундаментальный вопрос единства «человека изменчивого», т. е. обретать идентичность в череде постоянной трансформации [135; 237]. В контексте темы нашего исследования актуальной является позиция М. Ш. Магомед-Эминова, обосновавшего важность рассмотрения психологической трансформации личности одновременно в структурном плане и в плане существования [113]. Здесь под трансформацией личности (в узком смысле) понимается изменение идентичности человека из предшествующей формы в последующую на основе преобразующей транзитной работы личности. При этом экстремальные условия, согласно М. Ш. Магомед-Эминову, могут иметь для человека разные последствия – негативные, нейтральные или позитивные, так как ситуация экстремального опыта в зависимости от того, какую смысловую позицию занимает человек, может стать как источником страдания, так и источником стойкости, роста и мужества, просветления.

В связи с этим ученый, описывая психологию человека, побывавшего в экстремальных условиях и «уцелевшего», рассматривает организацию им жизни по 5 параметрам: экстенсивность (открытость новому), интенсивность (глубина вовлечения в жизненные сферы), устойчивость, удовлетворенность, самореализованность (решение жизненных задач, осмысленность). При этом уровни трансформации применительно к адаптивным и неадаптивным изменениям выражаются в том, что человек, с одной стороны, приспосабливается к требованиям той реальности, в которой он находится, но, с другой стороны, он нацелен на изменение обстоятельств, в которых оказался, в соответствии с его личными требованиями. По мнению ученого, 3 вида развития личности, обусловленные экстремальным опытом, согласуются с 3 формами жизнетрансформации, которые могут быть обозначены как:

- жизневозрождение (жизневосстановление) – соответствует привычному уровню жизни, социальной нише (нормальное развитие личности);
- жизненисхождение – жизнь приобретает черты неукорененности, беспочвенности, так как субнормальное существование ведет к уменьшению

полноты и самодостаточности личности, ослаблению ее единства, создает дезинтеграцию личности, диффузию Эго-идентичности;

– жизневосхождение – процессы положительно направленного жизненного развития, прогресс, подъем и другие «горние» мотивы (по Н. А. Бердяеву), так как человек в ходе супернормального существования покидает границы наличного бытия, самоактуализируется с целью развить, расширить, продвинуть собственную жизнь в новые продуктивные сферы [112, с. 16–17].

Опора в настоящем исследовании на концепцию М. Ш. Магомед-Эминова представляется важной и для понимания закономерностей и механизмов разнопланового изменения личности в экстремальных условиях, т. е. того, как происходит идентификация и изменяются психические образования. Поскольку осужденные, длительное время находящиеся в изоляции, испытывают воздействия, которые могут влиять на личность положительно и оптимизировать их жизнедеятельность, а могут влиять отрицательно, вплоть до полной дезорганизации. В связи с этим необходимо принять во внимание подходы к изучению феномена трансформации личности в экстремальных условиях, в том числе в аспекте смысла и состояний личности в кризисной ситуации [83, с. 66–107; 110], особенностей проявления духовности и религиозной веры [173; 93], трансформации личности в процессе проживания горя утраты [67], персональных деструкций личности у возможного суицидента и попыток суицидного поведения в силу разных обстоятельств [139].

Анализ публикаций свидетельствует о том, что к негативным трансформациям личности и поведения осужденных при длительном нахождении в ИК и воздействии факторов пенитенциарной среды относят следующие: рост числа жалоб на плохое самочувствие, в том числе из-за состояний апатии, депрессии, тревожности, тоски и безнадежности (А. Д. Глоточкин, В. Ф. Пирожков, Г. Ф. Хохряков и др.); попытки суицида и самоповреждений (Ю. М. Антонян, И. Б. Бойко, Д. Е. Дикопольцев, А. М. Сысоев и др.); агрессия (Ю. М. Антонян, С. Н. Ениколопов, Е. Н. Казакова, А. И. Ложкин и др.); усвоение субкультурных атрибутов и криминогенное общение (И. П. Башкатов,

А. Н. Олейник, В. М. Поздняков, А. Н. Сухов и др.); деформация мотивационно-смысловой сферы (В. Г. Деев, А. В. Наприс, Г. В. Щербаков, В. В. Яковлев и др.).

В. В. Попов, Е. Н. Казакова, А. Л. Иевский, исходя из результатов исследования, отмечают, что с увеличением срока пребывания в условиях изоляции снижается количество осужденных, поддерживающих связь с семьей, имеющих положительные планы и жизненные перспективы, утрачиваются социальные мотивация и инициатива, уменьшается количество верующих. С увеличением отбытого срока наказания уменьшается число осужденных, которые считают наказание справедливым. Происходит адаптация осужденных к тюремной среде, но одновременно углубляется их десоциализация. По данным опроса, проведенного теми же исследователями, многие сотрудники пенитенциарной системы указывают, что по истечении 10 лет у осужденных наблюдаются необратимые изменения психологического и физиологического характера [152, с. 101–103].

Многими психологами (В. У. Ялунин, Т. Н. Волкова, А. И. Зубков и др.) отмечалась малоэффективность длительных сроков лишения свободы для исправления осужденного и предупреждения новых преступлений с его стороны. Исследования психологов, проведенные как в России, так и за рубежом, показывают, что исправительный эффект наказания в виде лишения свободы наблюдается в первые 5–6 лет. Далее количество положительно характеризующихся осужденных начинает стремительно уменьшаться, ибо многие из них не могут противостоять негативным воздействиям условий изоляции и криминальной субкультуры мест лишения свободы. Согласно М. О. Бикметовой и С. Б. Гнедовой, на это часто влияет отсутствие связи с родителями или полный разрыв с семьей [20]. В. В. Городнянская отмечает, что чем длительнее время пребывания в условиях изоляции осужденных, тем быстрее после выхода из колонии на свободу ими совершается новое преступление [51, с. 11].

Результаты исследования Г. Ф. Хохрякова свидетельствуют о том, что неформальной системе норм в колонии свойственно то, что она регламентирует и определяет жесткий порядок поведения, присваивая каждому осужденному закрепленное за ним конкретное место в системе отношений пенитенциарного

сообщества [218]. По мнению ученого, в итоге снимается неизвестность и нивелируются ненужные психические механизмы и состояния, но это также предполагает выстраивание более грубых статусных и ролевых требований, строгих и тесных границ из-за структуры неформальных норм. В целом, данная субкультурная специфика пенитенциарного сообщества уничтожает просоциальную активность у многих осужденных, так как неформальная нормативная система аморальна.

Л. В. Ковтуненко рассмотрены разные негативные факторы и условия влияния пенитенциарного социума на личность осужденного [81]. Опора на публикации позволяет раскрыть влияние условий пенитенциарной среды на трансформацию личности осужденного при длительном сроке отбывания наказания с учетом специфики отношений к ней самих осужденных и ее следующих особенностей:

- она не делится на бытовую, досуговую или производственную;
- осужденные осуществляют взаимодействие со средой, в которой находятся, в целом, а не фрагментарно, потому что и на производстве, и в бытовой жизни обстоятельства мало отличаются друг от друга;
- осужденные большую часть времени проводят в помещениях, в которых находится и живет много человек, ввиду чего у многих возникает эмоциональное напряжение, переживание синдрома «одиночества в толпе». Такие переживания вполне могут оказаться дополнительными причинами срывов в поведении.

Итак, осужденным очень сложно адаптироваться к условиям заключения. Выявлено, что наибольшие сложности испытывают люди, которые попали в такие условия впервые [225, с. 28–36]. Большинство возникающих трудностей связаны с новым образом жизни и многочисленными предписаниями по поведению в местах лишения свободы. У осужденного возникает желание реализовать свое отношение к тем обстоятельствам, в которых он оказался. Период адаптации обычно длится в течение не менее полутора-двух лет, и уже в этот срок осужденным необходимо проявлять жизнестойкость [52].

А. И. Мокрецов и И. В. Шмаров выявили, что в местах лишения свободы функционирует огромное разнообразие малых групп, а вокруг находятся люди с отрицательными и положительными чертами, к которым каждый вновь прибывший должен адаптироваться. Чаще всего в этих целях осужденный находит «авторитета» и примыкает к его окружению, ведь если не обозначить свою причастность, есть шанс оказаться в группе людей, по отношению к которой постоянно осуществляются агрессивные действия [122, с. 16].

Микросреда исправительного учреждения состоит из лиц, значительная часть которых имеет криминальную зараженность и нравственно-педагогическую запущенность. На взгляд В. Э. Лапшина, воздействие длительного лишения свободы на человека будет различным у людей с высоким уровнем интеллектуального развития, наличием значительного жизненного и профессионального опыта и у людей с низким интеллектом, малограмотных, условия жизни которых были просты [100].

По данным Е. А. Антомян, большинство осужденных, длительно находящихся в местах лишения свободы, испытывают глубокие переживания, связанные с возникшими лишениями. У них отмечаются заторможенная реакция, апатичность, безразличие к происходящему, раздражительность, нервозность, агрессивность и т. д. Многие осужденные из-за неспособности адаптироваться к условиям ИК живут в состоянии постоянного пенитенциарного стресса. У них идет медленное угасание сознательной человеческой жизни, теряются цель и смысл жизни. При длительной изоляции может происходить и все более полное приспособление к пенитенциарно-субкультурной среде с замещением в сознании осужденного нравственных и общечеловеческих ценностей суррогатами тюремной субкультуры, в том числе через пригодные для жизни в местах лишения свободы поведенческие установки и стереотипы поведения, адекватные обстановке учреждения [8].

Т. А. Рассадина, раскрывая механизм трансформации ценностей у осужденных, выделяет макросубъективный, мезосубъективный (социальные общности, группы) и микросубъективный (личностный) уровни детерминации их

поведения. При раскрытии деструкций у осужденных она опирается на концептуальные взгляды ряда видных зарубежных ученых, в том числе Р. Мертона, который установил, что ограниченность возможностей для удовлетворения желаний, неопределенность и отсутствие действенных норм для самоуправления часто ведут к разнообразным защитным, но иногда деструктивным способам адаптации. Исследователь учитывает и позицию Э. Фромма, доказавшего, что рост отклонений может вести к саморазрушительному поведению или порождать различные защитные формы «бегства», а также повышать конформизм и демонстрацию двойных стандартов [159, с. 57].

Т. Н. Волкова отмечает, что большой срок наказания вызывает у осужденных чувство подавленности, безразличия к себе и окружающим. Они неохотно вступают в контакт с сотрудниками, не проявляют активности в труде, учебе и общественной жизни. Уже после 5–7 лет наступает период «застоя» (регресс) личности. При этом осужденные становятся безразличными к воспитательному воздействию, доминирующая у них асоциальная направленность личности проявляется в импульсивности, ситуативной агрессии и эмоциональных вспышках из-за ситуаций, которые не имеют глобального значения, они стремятся обвинить во всем других людей, непредсказуемо себя ведут, не могут конструктивным способом уладить конфликтную ситуацию [43, с. 355].

Э. В. Зауторова, рассматривая сообщество осужденных, указывает на их кризисные состояния во время отбывания наказания, характеризующиеся депрессивными состояниями, высокой тревожностью, неустойчивостью, уходом в себя, когда теряется смысл жизни, причина которого часто лежит в потере надежды на освобождение, и т. д. Промежутки первых кризисов (спустя 3–5 лет у осужденных в колониях строгого режима, 6–8 лет – в колониях особого режима) она относит к травмирующим из-за восприятия длительности наказания [64, с. 396].

Н. И. Щипанова и Т. В. Кухтина выявили, что у впервые осужденных под влиянием мест лишения свободы появляются новые негативные качества

личности, в том числе тревожность, подозрительность, раздражительность, агрессивность, чувство собственной неполноценности, эмоциональная неустойчивость и др. Обстановка строгой регламентации и вероятность усвоения негативных взглядов, возрастающая под влиянием лиц отрицательной направленности, вырабатывает у них пассивность, ибо обесценивается значимость собственного Я [233].

По мнению Е. В. Ермасова, переживание осужденным изоляции является основным воздействием на его личность. В результате он адаптируется к пенитенциарным условиям, но продуктивные изменения во внутренней позиции личности осужденного в исправительном учреждении происходят редко, что и повышает риск совершения им повторного преступления после освобождения [63].

К. С. Тумаров, характеризуя личность осужденного, отмечает, что физическая изоляция от общества приводит прежде всего к фрустрации личности, проявляющейся либо в агрессивности, либо в бездеятельности. Отсутствие самостоятельности в решении вопросов повседневной жизни, удовлетворения своих базовых потребностей формирует у осужденных иждивенческие настроения, приводящие к снижению способностей к адаптации и утрате социальных навыков, пренебрежению трудовой деятельностью [189].

Анализ публикаций свидетельствует о том, что в ходе отбывания длительного срока наказания у осужденных происходит заметная трансформация ценностей (в особенности – инструментальных) [70]. На наш взгляд, данное изменение в первую очередь связано с влиянием атрибутов криминальной субкультуры. Близкую позицию занимают В. Т. Волов и В. В. Волов, отмечая, что изоляция осужденных не способствует их исправлению и перевоспитанию, а инициирует десоциализацию их личности. Осужденный не способен противостоять криминогенному микросоциуму закрытого учреждения, а поэтому продолжительное нахождение в ИК часто ведет к разрушению нормативно-ценностной сферы осужденного и рецидивам асоциального поведения [46].

У осужденных, отбывающих длительный срок наказания, накапливаются негативные эмоциональные переживания. Это происходит на фоне психического

утомления и физического истощения. Агрессия, являющаяся адаптивной реакцией на угрозы выживания, – одно из наиболее выраженных воплощений такой субкультуры. По свидетельству исследователей, озлобленность, недоверие, агрессивность, раздражительность особенно часто проявляются в среде осужденных к длительным срокам лишения свободы [232, с. 60–61].

Итак, в результате заключения на долгий период у осужденных происходит пересмотр субъективных ценностей, активизируются и формируются новые субъективные особенности, причем поведение нередко регулируется лишь на эмоционально-импульсивном уровне. В то же время осужденный, погрузившись в свои мысли и опираясь на принятый в тюрьме девиз «Не верь, не бойся, не проси», нередко убежден, что является единовластным хозяином своей судьбы (а иногда и судеб других людей), и в связи с этим проявляет склонность к насилию, воспринимая различные виды агрессии как нормальное явление.

При длительном отбывании наказаний в условиях изоляции возможно и развитие психологических аномалий личности. Так, по данным американских ученых, психотравматизация происходит у 20–25 % лиц, отбывающих наказания. Исследования отечественных ученых показывают, что при длительном лишении свободы более чем у 40 % осужденных проявляются психические аномалии [28, с. 21]. При этом многолетним сравнительным исследованием Б. А. Спасенникова доказано, что у преступников-рецидивистов в 5,5 раза чаще встречаются расстройства личности (и прежде всего психопатия). Кроме того, у многих осужденных выявлялись нарушения мыслительной деятельности, чаще в виде недостатков прогнозирования своих действий [179]. Р. Е. Джансараева выявила, что у них на фоне развития психических аномалий различного рода в условиях пенитенциарной среды обостряется восприимчивость к реагированию при неустойчивости пенитенциарно-криминогенных факторов [59, с. 113].

В последние два десятилетия активизированы монографические исследования психологов, посвященные анализу характера изменений личности представителей различных групп осужденных. Особо следует отметить работы психологов «вологодской школы»: А. Н. Баламута (2007), рассмотревшего

психодинамику трансформации личности на разных этапах отбывания пожизненного срока заключения; Е. Ф. Штефана (2008), изучавшего взаимосвязь уровня проявления агрессивного поведения у осужденных с длительными сроками лишения; А. С. Араповой (2011), изучившей динамику деструктивных изменений личности заключенных после пребывания в СИЗО; А. Н. Михайлова (2012), установившего причины внутриличностных конфликтов у осужденных-бесконвойников; В. Г. Рогача (2015), выявившего изменения в переживаниях осужденных при отбывании длительного срока лишения свободы. Остановимся на их анализе подробнее.

Как выявлено Е. Ф. Штефаном, уровень проявления агрессивного поведения у осужденных с длительными сроками лишения свободы в зависимости от времени отбытого наказания носит нелинейный характер: количество различных по своей форме агрессивных проявлений возрастает на начальном и на конечном этапах нахождения в ИК. На первом этапе отбывания наказания агрессия в большинстве случаев выражает поведение по реализации стратегии поисковой активности в учреждении, в то время как на последнем этапе агрессия детерминируется состоянием неопределенности, связанным с предстоящим выходом на свободу [231].

А. С. Арапова, рассматривая влияние на осужденных субкультуры СИЗО, отмечает, что имевшие там место криминально-субкультурные воздействия уменьшают адаптационный потенциал осужденных и негативно влияют на их психику [10].

С позиции А. Н. Михайлова (2012), изучавшего различные (как конструктивные, так и деструктивные) трансформации личности осужденных молодежного возраста при использовании ими права бесконвойного передвижения, выявлено, что при длительном пребывании в данных условиях (свыше 18 месяцев) начинается деструктивная трансформация личности [121].

В целом, проведенный нами анализ публикаций и личный опыт работы психологом в колонии позволяют констатировать, что осужденный в исправительном учреждении становится частью специфичной пенитенциарной системы.

Составляющими системы выступают и малые социальные объединения со своими ценностями и стандартами. Например, помещение в штрафной изолятор за совершение каких-либо проступков не снижает, а повышает авторитет осужденного. А оказание им содействия администрации, напротив, угрожает осужденному стать объектом буллинга, что, в свою очередь, снижает его пенитенциарный статус со всеми вытекающими из этого последствиями.

Нельзя не согласиться с А. В. Пищелко и Д. В. Сочивко в том, что в период отбывания длительного наказания становится очевидным недостаток социально-нравственной активности осужденных. Атрибуты пенитенциарной субкультуры крайне негативно влияют на осужденного, у него даже не остается шанса исправиться, пользуясь только «полумерами», достигая лишь частично каких-то усовершенствований [138]. К сожалению, на долгосрочном этапе в ИК возможности для социально-нравственной активности и просоциальных взаимоотношений между осужденными в процессе отбывания уголовного наказания используются в малой степени. Анализ практики колоний свидетельствует о том, что большая часть осужденных даже сотрудниками воспринимаются в «образе врага». В. М. Поздняков по этому поводу отмечает, что в местах лишения свободы складывается сложная психологическая обстановка, в которой все друг к другу относятся враждебно. Сотрудники колонии, по словам ученого, формируют особенную мораль, связанную с профессиональной деятельностью. В соответствии с ней они вынуждены общаться с заключенными жестко и строго. Однако «враждебно настроенное» мышление не способствует развитию рационального и контролируемого поведения [142; 206].

Отечественные ученые, исходя из принципа индивидуализации наказания, разработали различные типологии и классификации осужденных, отбывающих длительное наказание. Так, юристами они традиционно дифференцируются по интенсивности антиобщественных проявлений на следующие типы: случайные, ситуационные, неустойчивые, злостные, особо злостные преступники. Социологи в основу классификаций осужденных часто кладут индивидуальные (пол, возраст,

наследственные заболевания) и социально-демографические (образование, род деятельности, уровень доходов, семейное положение) критерии [6; 140]. Криминолог Г. М. Миньковский разработал классификацию, опирающуюся на понятие «направленности личности», в основе которой лежит деление по признаку того, насколько совершенное преступление соответствует общей направленности личности или противоречит ей [106]. Л. А. Высотина и В. Д. Лутанский критерием, по которому целесообразно разделение осужденных, считали «уровень социальной запущенности», а также принцип «вставшие / не вставшие на путь исправления» [48]. Однако в последующем дифференциация осужденных осуществлялась с выделением более парциальных характеристик личности.

Среди психологов одну из первых типологий личности осужденных по критерию степени «криминальной заряженности» обосновал А. Г. Ковалев [79]. До сих пор на практике часто применяется и классификация В. П. Голубева и Ю. Н. Кудрякова, в основании которой лежит доминирующая мотивация совершения преступления, а поэтому выделяются: корыстолюбивые преступники; лица, совершившие насильственные действия», лица, совершившие неосторожные преступления, осужденные за сексуальные преступления [50].

Нами поддерживается позиция, согласно которой наиболее продуктивной является классификация, основанная на базовых психологических признаках (интеллекте, темпераменте, просоциальной активности личности и др.) [40]. Но заметим, что пенитенциарно-психологические дифференциации осужденных до сих пор базируются на парциальных основаниях: отношении к режиму, степени просоциальной адаптации; отношении к наказанию, способности к саморегуляции поведения, аномалиях психического развития и др. При этом из разработанных специализированных психологических классификаций многие не получили должного распространения в пенитенциарной системе, сотрудники которой опираются в работе с осужденными на уголовно-правовую классификацию, отраженную в УИК РФ [190], где личность осужденного рассматривается с учетом следующих характеристик: вид и тяжесть преступления, однократность / многократность совершения преступного деяния, пол, возраст преступника.

На наш взгляд, одной из востребованных психологических классификаций осужденных является разработанная психологической службой ГУФСИН России по Саратовской области. В ней во главу угла поставлен именно исправительный признак: дифференциация осужденных производится исходя из вида коррекционного воздействия. Подобная классификация интересна для нашего исследования как раз в аспекте практической направленности на трансформацию личности. Осужденные подразделяются в ней на шесть категорий, к каждой из которых подобраны рекомендации исправительного воздействия и указаны возможные положительные личностные изменения [157].

В заключение представляется важным отметить, что негативная трансформация личности у осужденных с длительными сроками отбывания наказания идет из-за потери многими смысла жизни, социальных связей, переживания тревожности, фрустрации и других негативных состояний, а поэтому востребована реализация индивидуально-дифференцированного подхода в подборе психокоррекционных методик. Именно это отмечается в ряде современных публикаций [125; 184].

Нахождение в ИК свыше 10 лет принято считать длительным сроком отбывания наказания. Значительная часть осужденных с такими сроками отбывания наказания утрачивают смысл жизни, социально полезные связи, теряют социальную активность, мотивацию к общественно полезной деятельности и одновременно проявляют агрессивность, состояния страха, пенитенциарной фрустрации, неопределенности, тюремного стресса и т. д.

На сегодняшний день имеет место затрудненность искоренения обычаев и традиций криминальной субкультуры в местах лишения свободы, что в итоге оказывает отрицательное воздействие на личность осужденного, особенно отбывающего длительный срок лишения свободы, и затрудняет работу по его исправлению [99]. В то же время стремительно меняются социально-культурные условия жизни на свободе, поэтому, когда осужденный после продолжительного времени изоляции освободится, есть большая доля вероятности, что он будет «отверженным» в обществе. Это подтверждает необходимость пересмотра старых

подходов к исправлению осужденных и поиск принципиально новых эффективных методов воздействия. Повышение уровня жизнестойкости осужденных с длительными сроками лишения свободы, на наш взгляд, поможет противостоять неблагоприятным условиям социальной изоляции и воздействиям, приводящим к трансформации поведения, деформации и деградации личности.

В целом, в условиях отбывания длительного наказания важно помочь осужденному сохранить просоциальную субъектность. Возникновению негативной трансформации личности в экстремальных условиях способствуют дефициты личности, однако жизнестойкие убеждения человека вместе с социальной поддержкой способствуют осуществлению жизнестойкого совладания, которое помогает ослабить стрессогенность воздействий. Уменьшение вероятности стресса достигается за счет мотивации и активного преодоления трудностей, стрессовых обстоятельств, а не регрессивно-приспособительного поведения. В связи с этим психологическая помощь осужденным, отбывающим длительные сроки наказания, должна основываться на психотехниках, базирующихся на экзистенциально-гуманитарной парадигме, с тем чтобы повышать жизнестойкость, направляя осужденного (прежде всего с использованием метода логотерапии) на осознание себя как субъекта жизнедеятельности и проявление субъектной ответственности при разрешении разноплановых возникающих проблем.

Жизнестойкость у осужденных – это интегральное качество личности, позволяющее осмысленно и заинтересованно решать проблемы в ситуациях повышенной сложности, преодолевая трудности и препятствия, противостоя страху в опасных условиях и идя на оправданный риск для достижения поставленной цели. Повышение уровня жизнестойкости у осужденных с длительными сроками отбывания наказания подразумевает психологическую коррекцию деструкций среди компонентов жизнестойкости, воздействие на характеристики личности, оказывающие на нее действенное влияние с целью снижения эмоционального напряжения, конструктивного преодоления трудностей и формирования просоциальной жизненной позиции.

Итак, повышение уровня жизнестойкости осужденных, отбывающих длительные сроки наказания в виде лишения свободы, на наш взгляд, поможет противостоять негативной трансформации личности при длительной социальной изоляции.

1.3. Организация и методика диссертационного исследования

Для проверки выдвинутых гипотез и решения поставленных задач была разработана комплексная программа диссертационного исследования. При ее создании мы руководствовались изложенными выше теоретико-методологическими ориентирами в понимании сущности жизнестойкости и особенностей трансформации личности осужденных с длительными сроками отбывания наказания в виде лишения свободы. Программа включила в себя четыре этапа: 1) информационно-аналитический; 2) поисково-эмпирический; 3) экспериментальный; 4) обобщающе-внедренческий.

На *информационно-аналитическом этапе* исследования (2013–2014 гг.) изучены нормативно-правовые источники, проведен сравнительный анализ публикаций зарубежных и отечественных ученых, определены основные подходы к пониманию сущности феномена жизнестойкости личности, выявлены теоретико-методологические ориентиры его изучения. Проанализированы данные ведомственной статистики по осужденным с длительными сроками лишения свободы.

Кроме того, на основе анализа публикаций отечественных юристов и психологов представлены особенности личности осужденных и влияния длительного лишения свободы на поведение осужденного, на трансформацию его личности. Это позволило обосновать комплексную программу исследования жизнестойкости и путей ее повышения у осужденных с длительными сроками лишения свободы.

Для целенаправленного изучения особенностей жизнестойкости у осужденных, отбывающих длительные сроки наказания в виде лишения свободы, подтверждения сформулированных гипотез нами были выбраны

разноплановые средства, которые представлены в матрице методик юридико-психологического исследования¹ [234, с. 20–21] (см. приложение А).

На *втором эмпирическом этапе* исследования (2014–2015 гг.) решались следующие задачи:

- выявление внешних детерминант, особенностей личности, влияющих на уровень жизнестойкости осужденных с длительными сроками лишения свободы;
- психодиагностическое изучение закономерностей трансформации личности осужденных, пребывающих в данных условиях;
- анкетирование сотрудников, непосредственно взаимодействующих с осужденными.

С целью решения поставленных задач были разработаны и применены авторская анкета для осужденных (см. приложение Б) и экспертный опрос сотрудников пенитенциарных учреждений (см. приложение В), а также реализован комплекс психодиагностических методик. При выборе методик учитывались их валидность и надежность, возможность применения для групповой диагностики, степень доступности для обследуемых лиц. С целью изучения объективных и субъективных детерминант их жизнестойкости и поведения в трудных жизненных ситуациях проводился анкетный и экспертный опрос, анализировались личные дела осужденных с длительными сроками отбывания наказания.

Пилотажное исследование проводилось в феврале – апреле 2014 г. с целью апробирования разработанных анкет на базе ФКУ ИК-17, ФКУ ИК-20 УФСИН по Вологодской области и ФКУ ИК-49 УФСИН по Республике Коми. Исследованием было охвачено 134 осужденных с длительными сроками отбывания наказания и 36 сотрудников исправительных учреждений.

Осужденным предлагалась анкета, состоящая из 34 пунктов. Анкету предваряла инструкция: *«Просим Вас принять участие в исследовании, целью которого является изучение способности человека противостоять трудным*

¹ Матрица методик юридико-психологического исследования разрабатывалась по алгоритму, обоснованному профессором А. М. Столяренко.

жизненными ситуациями, что в дальнейшем позволит определить факторы, способствующие сохранению психологического здоровья личности. Исследование проводится анонимно. Данные строго конфиденциальны и будут использованы только в обобщенном виде». Экспертный опрос включал 14 вопросов преимущественно открытого типа. После проведенного пилотажного исследования была проведена коррекция анкеты и экспертного опроса с целью их дальнейшего применения.

В основном обследовании приняли участие 632 осужденных к длительным срокам отбывания наказания (137 женского пола и 495 мужского пола). Оно проводилось в исправительных учреждениях строгого и особого режимов (для мужчин) и общего (для женщин) в Белгородской, Вологодской, Кировской, Ленинградской, Нижегородской, Свердловской, Ярославской областях, Красноярского края, Республики Коми. Возраст обследуемых – от 20 до 67 лет. Срок лишения свободы респондентов составил от 10 до 27 лет. Средний срок отбытия наказания в исправительном учреждении на момент проведения исследования составил 9 лет 3 месяца. Наши публикации частично отразили результаты проведенного исследования [29, с. 34].

Экспертный опрос 264 сотрудников исправительных учреждений проводился в ГУФСИН России по Красноярскому краю, Кемеровской, Нижегородской, Новосибирской, Свердловской областям и УФСИН России по республикам Бурятия, Дагестан, Коми, Амурской, Белгородской, Брянской, Вологодской, Ивановской, Кировской, Ленинградской, Орловской, Ярославской областям. В экспертном опросе принимали участие сотрудники отделов по воспитательной работе с осужденными, отделов безопасности, оперативных отделов, психологических лабораторий, центров трудовой адаптации осужденных, групп социальной защиты осужденных, медицинских и пожарных частей, преподаватели школ и профессиональных училищ, которые непосредственно взаимодействуют с осужденными на длительные сроки лишения свободы. Большинство опрошенных сотрудников имеют высшее образование (77,7 %), многие работают в учреждении свыше 10 лет (38,3 %).

Для того чтобы изучить способность осужденных проживать стрессовые обстоятельства, преодолевать трудности, сохраняя при этом внутреннюю стойкость, использовалась методика «Тест жизнестойкости» С. Мадди (в адаптации Д. А. Леонтьева, Е. И. Рассказовой) [103]. Это адаптированный, по своей сути, опросник Hardiness Survey, автором которого является С. Мадди. Методика состоит из 45 вопросов, которые, в свою очередь, дифференцированы по направленности в три компонентные шкалы:

1) первая шкала – вовлеченность. Она определяет, насколько сильно и глубоко осужденные вовлечены, включены в ту действительность, в которой оказались;

2) вторая шкала – контроль. Она определяет, насколько сильно осужденные убеждены в том, что они способны оказывать влияние на происходящее вокруг, могут ли они самостоятельно выбирать для себя действия;

3) третья шкала – принятие риска. Она определяет, готовы ли осужденные идти на риск с целью приобретения опыта, усваивают ли они опыт из ситуаций, которые с ними происходят, применяют ли полученные знания в последующем.

Кроме того, с помощью теста жизнестойкости можно было определить общий уровень развития жизнестойкости осужденных с длительными сроками лишения свободы.

Результатом анализа психологических исследований сущности жизнестойкости и ее компонентов стал ряд личностных характеристик, способствующих развитию данного качества. В батарею тестов нами были включены следующие психодиагностические методики: «Тест смысложизненных ориентаций» (Д. Крамбо, Л. Махолик, адаптированный вариант Д. А. Леонтьева), «Индивидуально-типологический опросник» (Л. Н. Собчик), «Индекс жизненного стиля» (Р. Плутчик, адаптированный вариант Л. И. Вассермана, О. Ф. Ерышева, Е. Б. Клубовой), Опросник способов совладания (копинг-тест) (Р. Лазарус, С. Фолкман, адаптированный вариант Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтяк, М. С. Замышляевой), Шкала субъективного благополучия (А. Перуэ-Баду, адаптированный вариант М. В. Соколовой), опросник «Уровень субъективного

контроля» (Дж. Роттер, адаптированный вариант Е. Ф. Бажина, С. А. Голынкиной, А. М. Эткинды), «Ценностный профиль личности» (Ш. Шварц, адаптационный вариант В. Н. Карандашева), «Линия жизни» (А. А. Кроник, Е. И. Головаха), «Тест мотивации достижения» (А. Мехрабиан, адаптационный вариант М. Ш. Магомед-Эминова), «Временная перспектива личности» (Ф. Зимбардо, в модификации А. Сырцовой, Е. Т. Соколовой, О. В. Митиной).

«Тест смысложизненных ориентаций» Дж. Крамбо, Л. Махолика (в адаптации Д. А. Леонтьева) [104] использовался при исследовании осмысленности жизни осужденными с длительными сроками лишения свободы. Он является русскоязычной версией теста «Цель в жизни» (Purpose-in-Life Test, PIL) и включает 20 пар противоположных утверждений и дифференциальную шкалу от –3 до 3. На этой шкале исследуемые отмечают тот вариант ответа, который соответствует их выбору. Тест включает в себя общий показатель осмысленности жизни, а также 5 субшкал, которые отражают 3 определенные смысложизненные ориентации («цели в жизни», «процесс жизни, интерес и эмоциональная насыщенность», «результативность жизни, удовлетворенность самореализацией») и 2 аспекта локуса контроля («локус контроля – Я», «локус контроля – жизнь»).

Для определения индивидуального профиля личности, ее базисных свойств, ведущих черт характера использовался *Индивидуально-типологический опросник Л. Н. Собчик* [168]. Он содержит 91 утверждение. Результаты, полученные с помощью данной методики, позволяют оценить выраженность таких свойств личности, как экстраверсия, интроверсия, агрессивность, спонтанность, сензитивность, тревожность, эмотивность, ригидность, коммуникабельность, индивидуализм, конфликтность, компромиссность, конформность, нонконформизм, лидерство, зависимость. Шкалами лжи и аггравации определялся уровень искренности, достоверности результатов.

Методика «Индекс жизненного стиля» Р. Плутчика (в адаптации Е. С. Романовой и Л. Р. Гребенникова) [163] призвана обеспечить диагностику механизмов психологической защиты «Я», которые представлены в виде восьми отдельных шкал: отрицание, подавление, регрессия, компенсация, проекция,

замещение, интеллектуализация и реактивное образование. Опросник содержит 97 утверждений, которые требуют ответа по типу «верно – неверно».

На определение копинг-механизмов, способов преодоления трудностей, копинг-стратегий направлен *опросник способов совладания (копинг-тест) Р. Лазаруса, С. Фолкмана (в адаптации Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтяк, М. С. Замышляевой)* [95]. Респонденту предлагались 50 утверждений, касающихся поведения в трудной жизненной ситуации и группируемых в 8 шкал: конфронтационный копинг, дистанцирование, самоконтроль, поиск социальной поддержки, принятие ответственности, бегство-избегание, планирование решения проблемы, положительная переоценка.

Шкала субъективного благополучия А. Перуэ-Баду (адаптирована М. В. Соколовой) [170], состоящая из 17 пунктов, призвана измерять эмоциональную составляющую субъективного благополучия в диапазоне от оптимизма, бодрости и уверенности в себе до раздражительности, подавленности, ощущения одиночества. Пункты подразделяются на 6 кластеров: изменения настроения, напряженность и чувствительность, признаки, сопровождающие основную психиатрическую симптоматику, самооценка здоровья, степень удовлетворенности повседневной деятельностью, значимость социального окружения.

С целью изучения индивидуальных особенностей субъективного контроля у осужденных был использован *опросник «Уровень субъективного контроля» Дж. Роттера (в адаптации Е. Ф. Бажина, С. А. Голынкиной, А. М. Эткинда)* [15]. Он состоит из 44 пунктов. Уровень субъективного контроля определяется семью шкалами: общая интернальность, интернальность в области достижений, интернальность в области неудач, интернальность в семейных отношениях, интернальность в области производственных отношений, интернальность в области межличностных отношений, интернальность в отношении здоровья и болезни.

Методика *«Ценностный профиль личности» Ш. Шварца (адаптирована В. Н. Карандашевым)* [75] применялась для изучения ценностей осужденных.

Данная методика базируется на концепции Ш. Шварца о том, что у всех ценностных ориентаций есть мотивационная цель, что все базовые человеческие ценности универсальны по своей природе. Также методика основана и на теории М. Рокича: у каждого индивида есть терминальные и инструментальные ценности. Методика включает в себя ценности по 10 базовым мотивационным типам, которые соответствуют их направленности: власть, достижение, гедонизм, стимуляция, самостоятельность, универсализм, доброта, традиции, конформность, безопасность. В опроснике предлагается 40 описаний некоторых людей, а обследуемому следует определить, насколько каждое из них подходит или не подходит к его личности.

Для выявления и анализа особенностей модели жизненного пути осужденных использовалась методика «*Линия жизни*» А. А. Кроника, Е. И. Головахи [68]. При выполнении каузометрического опроса соблюдалась такая последовательность: прямая самооценка психологического возраста; прямая самооценка продолжительности жизни; оценивание пятилетних интервалов; выбор наиболее значимых событий картины жизни; прямое ранжирование событий по важности; оценка событий по шкале «приятное – неприятное»; цветовые ассоциации событий; обозначение сфер принадлежности событий; причинный и целевой анализ межсобытийных отношений.

Использовался «*Тест мотивации достижения*» А. Мехрабиана (адаптирован М. Ш. Магомед-Эминовым) [207, с. 98–102] (в вариантах – для мужчин и женщин). Он направлен на измерение уровня выраженности мотивации достижения. Респонденту предстоит определить степень согласия с каждым из предлагаемых утверждений (для мужчин 32, для женщин 30 утверждений) по шкале от –3 до +3.

Опросник «*Временная перспектива личности*» Ф. Зимбардо (модифицирован А. Сырцовой, Е. Т. Соколовой, О. В. Митиной) [185] призван диагностировать систему отношений субъекта к временному континууму. В нем 66 утверждений, которые объединены в 6 шкал: негативное прошлое, гедонистическое настоящее, будущее, позитивное прошлое, фаталистическое настоящее, трансцендентное будущее.

С целью отношения сотрудников к изучаемой проблеме, установления направлений и возможностей использования психотехник для повышения жизнестойкости использовалась методика *фокус-групп* (Focus Group Interviews), впервые разработанная Р. Мертоном и Р. Кендаллом. Ее модификация в соответствии рекомендациями С. А. Белановского [18] была применена среди сотрудников психологических лабораторий, непосредственно работающими с осужденными, отбывающими длительные сроки наказания. Проводилось обсуждение проблемы жизнестойкости, высказывание своих мнений психологами исправительных учреждений (см. приложение Г).

Проанализировав по перечисленным методикам данные проведенного эмпирического исследования с точки зрения нормальности распределения, мы подсчитали средние арифметические значения основных параметров. При статистической обработке результатов психодиагностики использовались методы описательной статистики, которые позволили определить средние значения, средние отклонения исследуемых переменных. Корреляционный анализ проводился с целью выявления связи между переменными. Применяя U-критерий Манна – Уитни, провели подсчет различий между двумя независимыми выборками. T-критерий Вилкоксона использовался для сопоставления показателей в двух разных условиях на той же самой выборке исследуемых. Благодаря этому критерию мы установили направленность изменений и их выраженность.

Для обработки данных использовалась многофункциональная компьютерная диагностическая система Psychometric Expert, а также система статистического анализа данных SPSS 14.0.

Типологизировать осужденных с длительными сроками отбывания наказания в виде лишения свободы по критерию особенностей их жизнестойкости позволили проведенные нами факторный и кластерный анализ данных.

Третий этап исследования (2015–2016 гг.) был посвящен формирующему эксперименту по повышению уровня жизнестойкости у осужденных, отбывших более 10 лет наказания в виде лишения свободы. Приложение Д содержит научно обоснованную нами модель повышения уровня жизнестойкости, психотехнология

которой применялась в отношении участников экспериментальных групп.

Эксперимент проводился с августа по декабрь 2015 г. В нем приняли участие отбывающие наказание в ФКУ ИК-12 УФСИН России по Вологодской области (48 мужчин, осужденных к длительным срокам лишения свободы). С целью более эффективной отработки психотехнологии нами были сформированы 2 экспериментальные (24 человека) и 2 контрольные (24 человека) группы из лиц с эквивалентными исходными особенностями, в том числе по данным диагностического обследования и пенитенциарных характеристик.

В рамках эксперимента реализовывалась прежде всего групповая форма психокоррекционной работы. Она проводилась по модели постдиагностического тренинга-коррекции «Повышение уровня жизнестойкости у осужденных с длительными сроками отбывания наказания» (приложение Е). Тренинг включил в себя 15 занятий, проведенных в течение 3 месяцев. Программа тренинга представлена во второй главе и подробно в приложении диссертации. Занятия проводились в кабинете психологической лаборатории исправительного учреждения, предусмотренной для групповой работы с осужденными. Занятие продолжалось в течение 2–2,5 часа, встречи – с периодичностью 2 раза в неделю. Тренинговая работа с группой была направлена на коррекцию эмоционально-волевой и когнитивной сфер, развитие мотивации и духовно-экзистенциального потенциала личности, закрепление паттернов просоциального поведения.

Оценка эффективности экспериментальной психотехнологии повышения уровня жизнестойкости у осужденных с длительными сроками отбывания наказания осуществлялась с помощью анализа отсроченных изменений по объективным критериям (дисциплина, проявление активности в различных сферах), самоотчетов осужденных, экспертного опроса сотрудников исправительных учреждений, анализа результатов первичной, контрольной и отсроченной психодиагностики.

На *четвертом (обобщающе-внедренческом) этапе* исследования, приходящемся на 2017–2019 гг., проводилась фокус-группа [18] с сотрудниками ИК-12 УФСИН России по Вологодской области по проблеме «Целесообразность

и особенности применения программы постдиагностического тренинга-коррекции «Повышение уровня жизнестойкости у осужденных с длительными сроками отбывания наказания» (см. приложение Ж) с целью разработки комплекса рекомендаций, в том числе с учетом данных, собранных при проведении диссертационного исследования.

В дискуссии приняли участие начальники отрядов, начальник и психологи психологической лаборатории, сотрудники отдела безопасности (10 человек).

В русле дискуссии состоялось обсуждение, направленное на решение изучаемой в рамках исследования проблемы. Состоялся и обмен мнениями по ряду вопросов, связанных с рассматриваемой проблемой. После высказанного экспертами мнения проводилось обобщение, анализ и систематизация полученных результатов исследования, формулировались выводы, разрабатывались и внедрялись результаты исследования в работу сотрудников психологических лабораторий исправительных учреждений.

С учетом эмпирического и экспериментального исследований были разработаны комплексные рекомендации сотрудникам ФСИН России по учету жизнестойкости осужденных, отбывающих длительные сроки лишения свободы в исправительных учреждениях, при реализации с ними ресоциализирующей деятельности в разные периоды отбывания наказания.

Результаты диссертационного исследования в виде обзорно-аналитической информации, лекций, методических рекомендаций были внедрены в деятельность отделов и служб структурных подразделений ФСИН России, а также в образовательный процесс ведомственных высших учебных заведений, что подтверждено соответствующими актами.

Выводы по первой главе

1. Проведенный анализ подходов к изучению феномена «жизнестойкость» показывает, что наиболее полная его трактовка дана в рамках экзистенциально-гуманистического подхода, так как именно там она оказывается связанной с активностью и индивидуальностью личности, направленной на осознание смысла

жизни, творческую деятельность, на целеустремленность в проектировании будущего саморазвития. Жизнестойкость – стержневая характеристика личности, которая составляет основу «мужества быть» (по П. Тиллиху). Она обеспечивает успешность личности в преодолении неблагоприятных обстоятельств жизни. В структуре жизнестойкости следует выделять три компонента: вовлеченность, контроль и принятие риска. При этом жизнестойкость базируется на таких базовых ценностях, как кооперация, доверие и креативность.

2. Особое внимание зарубежных исследователей сосредоточено на изучении жизнестойкости в качестве общей меры психологического здоровья личности. Однако при этом феномен жизнестойкости часто расширяется, так как в него включаются, кроме базовых установок личности, особенности когнитивной (оценка) и поведенческой (навыки взаимодействия) составляющих. Как следствие, жизнестойкость начинает изучаться в ракурсе различных конструктов: системы убеждений, ресурсов личности, динамического процесса психики, интегрального личностного образования. Разрабатывая проблему детерминант и повышения субъектной активности индивида, ведущей к саморазвитию и мотивированности на преодоление трудностей, отечественные психологи дополняют зарубежных авторов. Они обращаются к воле, сознанию, индивидуализации, к вопросам связи жизнестойкости с социально-экономическими процессами, что наполняет новым содержанием категорию жизнестойкости и открывает перспективные направления изучения феномена.

3. На возникновение негативной трансформации личности в экстремальных условиях влияют врожденные и приобретенные характеристики личности, но проявляемые с учетом роста субъектности жизнестойкие убеждения способствуют осуществлению совладания, которое помогает ослабить стрессогенность воздействий. Уменьшение вероятности стресса достигается за счет мотивации и активного преодоления трудностей, стрессовых обстоятельств, а не регрессивно-адаптивного поведения.

4. К категории осужденных с длительными сроками отбывания наказания следует относить лиц, отбывших в исправительном учреждении 10 и более лет.

При этом подавляющее большинство таких осужденных утрачивает социально полезные связи, теряет смысл жизни; их субъектная активность существенно снижается, как и мотивация к общественно полезной деятельности; одновременно они проявляют агрессивность, состояния пенитенциарной фрустрации из-за неопределенности восприятия своего будущего. Отношение осужденного к ресоциализирующим влияниям обуславливается степенью его социально-нравственной запущенности, подверженности атрибутам криминальной субкультуры.

5. Жизнестойкость у осужденных – это интегральное образование личности, позволяющее осмысленно и заинтересованно участвовать в ситуациях повышенной сложности, преодолевая трудности, противостоя страху в опасных условиях и идя на оправданный риск для достижения поставленной цели. Повышение уровня жизнестойкости у осужденных с длительными сроками отбывания наказания подразумевает психологическое воздействие на них в ракурсе предварительно выявленной развитости компонентов жизнестойкости и ресурсного потенциала личности. Развитая жизнестойкость у осужденных поможет им противостоять негативному воздействию длительной социальной изоляции на трансформацию личности и поведение в направлении субкультурной деформации, а также повысит готовность к просоциальной жизни после освобождения.

6. Психологическая помощь осужденным, отбывающим длительные сроки наказания, будет действенной, как свидетельствует проведенный анализ публикаций, если она реализуется с учетом особенностей трансформации их личности на разных этапах нахождения в ИК и базируется на психотехниках, обеспечивающих развитие жизнестойкости, направляя их на самоосознание (прежде всего с использованием возможностей логотерапии) и проявление субъектной ответственности в разрешении разноплановых возникающих проблем (обучение с использованием средств когнитивно-поведенческой терапии).

Глава 2. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ У ОСУЖДЕННЫХ С ДЛИТЕЛЬНЫМИ СРОКАМИ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ И ПУТИ ЕЕ ПОВЫШЕНИЯ

2.1. Психологическая характеристика детерминант и особенностей жизнестойкости у осужденных с длительными сроками отбывания наказания

В рамках исследования осужденные информировались о конфиденциальности анкетирования и использовании его результатов лишь в обобщенном виде, а также о возможности отказа от участия в психодиагностике по личным мотивам. Бланки анкеты и психологических методик скреплялись между собой для каждого человека. Указывать фамилию и имя не требовалось, т. е. сохранялась анонимность ответов.

Анализ биографических данных проанкетированных осужденных свидетельствует, что из 632 респондентов (495 мужчин и 137 женщин) 76,3 % от всей выборки имеют среднее образование. До осуждения большинство (88,5 %) имели постоянное место работы или учились. Характеризуя семейное положение респондентов, отметим, что каждый второй состоял в браке (321 человек, или 50,8 % от всей выборки), а каждый четвертый был холост/не замужем – 173 человека (27,4 %). В полных семьях воспитывались две трети (408 человек, или 64,6 %). В период отбывания наказания 549 респондентов поддерживали связь с родственниками (86,9 %). Считают себя верующими 464 человека (73,4 %).

Все респонденты выборки отбывают наказание за тяжкие и особо тяжкие преступления, причем многие по статье 105 УК РФ (62,8 % от всей выборки). Каждый второй из респондентов (318 осужденных, или 50,3 %) ранее уже отбывал наказание в виде лишения свободы. Среди респондентов признал вину в совершенном преступлении лишь 381 человек (60,3 % от всей выборки). Каждый второй из респондентов (50 %) имеет друзей в исправительном учреждении. Почти три четверти респондентов (73,1 %) довольны своим положением, занимаемым в среде осужденных. Кроме того, три четверти опрошенных (74,5 %)

считают себя относящимися к категории осужденных, положительно характеризующихся по дисциплине в колонии.

Перейдем к анализу результатов анкетирования осужденных с длительными сроками отбывания наказания в аспекте проблематики жизнестойкости.

На рисунке 2 представлено распределение ответов осужденных на вопрос: «Какой этап отбывания наказания, по Вашему мнению, наиболее трудный?»

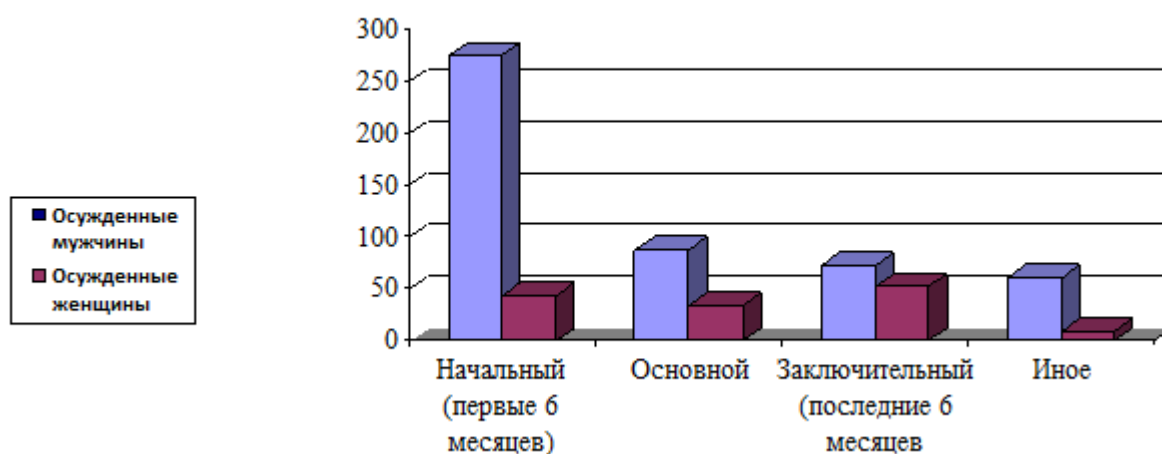

Рисунок 2 – Распределение ответов осужденных на вопрос: «Какой этап отбывания наказания, по Вашему мнению, наиболее трудный?»

На рисунке 2 видно, что наиболее трудным для спецконтингента является адаптация в колонии (первые 6 месяцев). При этом более дифференцированный анализ ответов респондентов свидетельствует, что данный этап как наиболее трудный воспринимают более 70 % осужденных к лишению свободы впервые, а среди неоднократно судимых на это указали лишь 34,7 %.

Анализ ответов осужденных на вопрос: «Какие состояния Вы испытывали, находясь на конкретном этапе отбывания наказания в исправительном учреждении?» – показал, что для впервые осужденных в первые 6 месяцев в колонии наиболее характерны (в порядке встречаемости): тоска, растерянность, тревожность, вина, одиночество, безысходность, раздражение. Для основного этапа лишь для 45,1 % респондентов характерны уверенность в себе и стремление улучшить свою жизнь, а у 44,3 % сохраняются психологические состояния тоски, безысходности, тревожности, одиночества, раздражения, агрессии. Последнее, как

нам представляется, связано с тем, что на вопрос анкеты: «В настоящее время есть ли у Вас род занятий, где Вы смогли бы реализовать себя, проявить индивидуальное творчество?» – лишь 249 респондентов (39,4 %) ответили положительно. Следовательно, многие осужденные считают невозможным в ИК претворять в жизнь даже ситуативно задуманное.

Специфичным по переживаниям, по мнению осужденных, является и заключительный этап (последние 6 месяцев). В этот период у многих из них нет уверенности в себе, так как с получением «свободы» предстоит после длительного нахождения в условиях изоляции входить в новую жизнь, налаживать утерянные социально полезные связи и др. Как следствие, анализ данных анкетирования свидетельствует о том, что имеет место увеличение встречаемости таких ответов, как тревожность, растерянность.

При анализе публикаций в главе 1 констатировалось, что жизнестойкость позволяет людям и в экстремальных условиях сохранять себя здоровыми физически и психически, несмотря на негативное влияние окружающей среды. В связи с этим при анкетировании выяснялось мнение респондентов об их здоровье (таблица 1).

Таблица 1 – Распределение ответов осужденных на вопрос «Как Вы оцениваете свое состояние здоровья?»

Состояние здоровья	Количество указанных ответов (муж. / жен.), %
1. Отличное	16,8 / 12,4
2. Хорошее	39,4 / 21,2
3. Удовлетворительное	32,7 / 27,0
4. Плохое	9,7 / 29,2
5. Очень плохое	1,4 / 10,2

По данным таблицы 1 видно, что каждый второй респондент мужского пола (56,2 %) оценивает свое здоровье как «хорошее» и «отличное», и лишь каждый девятый утверждает, что оно «плохое» и «очень плохое». В большей мере на ухудшение здоровья указывают осужденные женщины (более 39 % оценивают его как «очень плохое» и «плохое»). Обнаруженный факт ориентирует на проведение специального исследования. Его актуальность обусловлена приведенными

выводами недавно опубликованного монографического исследования осужденных женского пола с расстройствами личности, которое проведено под научным руководством профессора Д. В. Сочивко [155, с. 64–103].

С целью выявления просоциальной активности у осужденных с длительными сроками им предлагалось ответить на ряд вопросов: «Интересуетесь ли Вы общественной жизнью страны?», «Участвуете ли Вы в общественной жизни исправительного учреждения?», «Вам нравится знакомиться с новыми людьми?» По первому вопросу 527 респондентов (83,4 %) ответили утвердительно, 79 (12,5 %) – отрицательно, а 26 человек (4,1 %) воздержались от ответа. На второй вопрос положительно ответил 391 респондент (61,9 %), отрицательно – 192 человека (30,4 %), остальные воздержались. Из индивидуальных бесед с осужденными выявлено, что респонденты, отрицательно ответившие на указанные вопросы, в большинстве своем объясняют это обидой на несправедливость наказания, на его необоснованную строгость. На вопрос: «Вам нравится знакомиться с новыми людьми?» – 432 респондента (68,4 %) ответили утвердительно, а отрицательно – 124 (19,6 %). Воздержались от ответа 76 человек (12 %). В индивидуальных беседах представителями последней группы осужденных (особенно женским спецконтингентом) было пояснено, что в принципе им нравится знакомиться с новыми людьми, но на свободе, а не в стенах исправительного учреждения, так как в отношении ряда осужденных они испытывают чувства вражды и ненависти.

Приведенные данные анкетирования и беседы свидетельствуют о том, что среди осужденных, отбывающих длительные сроки лишения свободы, имеется значительное число лиц, которые не стремятся без нужды взаимодействовать и общаться в колонии, не участвуют в общественной жизни. Занятая ими позиция не способствует преодолению многочисленных трудностей, которые возникают при нахождении в колонии. Отметим, наши данные корреспондируют с выводами исследований Ю. В. Макаровой о том, что для части осужденных характерна плохо сформированная социальная идентичность и неадекватное восприятие социальной реальности [116], а также Е. Ф. Штефана, что в случае возникновения

эксquisite ситуаций у данной категории спецконтингента могут быть и агрессивные проявления [230].

На вопрос анкеты: «Вы удовлетворены своей жизнью?» – ответы респондентов по контрастным критериям – «удовлетворен» или «нет» – разделились практически поровну. Так, не удовлетворены своей жизнью 265 респондентов (41,9 %), а удовлетворен – 251 респондент (39,7 %). В то же время 116 респондентов (18,4 %) выбрали вариант «иное». Из индивидуальных бесед с ними выяснено, что невозможно быть удовлетворенными жизнью, находясь в условиях колонии.

С целью выявления стремления осужденных контролировать различные ситуации своей жизни в колонии в анкету был включен вопрос: «Стремитесь ли вы контролировать ситуацию?». 519 респондентов (82,1 %) ответили на него утвердительно, а 67 (10,6 %) – отрицательно. Кроме того, определяя склонность осужденных к постановке личных целей, в т. ч. действовать в отсутствие надежных гарантий успеха, им предлагалось ответить на вопрос: «Ставите ли Вы перед собой труднодостижимые цели?». 411 респондентов (65 %) ответили, что стремятся ставить перед собой труднодостижимые цели. Отрицательно ответили 182 респондента (28,8 %), причем поясняя тем, что просто не видят в этом смысла.

На вопрос анкеты: «Вас привлекает известное прошлое или неведомое будущее?» – почти две трети респондентов (61,6 %) отмечали, что «неведомое будущее». На уточняющий вопрос: «Чем планируете заниматься в будущем?» – почти каждый второй из респондентов (46,8 %) отвечал, что в дальнейшем хотят устроиться на работу, заниматься домом, быть с семьей или ее создать. Стоит отметить, что 194 респондента (30,7 %) отмечают, что их привлекает «настоящее». Дополнительный анализ показал, что это характерно для лиц, неоднократно отбывавших наказание. «Прошлое» привлекает 97 респондентов (15,3 %). Отметим, что общее количество ответов превышает 100 %, так как респонденты могли указывать несколько вариантов ответов. В связи этим представляется важным проведение в перспективе целевого исследования по

влиянию атрибутов криминальной субкультуры на спецконтингент. Приведенные данные свидетельствуют о том, что эмоциональная дисфункциональность, имеющийся у значительного числа респондентов пессимизм в отношении своего будущего могут затруднять исправительную работу с этой категорией осужденных.

Особое место в анкетировании и в рамках индивидуальных бесед с осужденными уделялось выяснению того, каким они видят жизнестойкого человека. По мнению осужденных, жизнестойкий человек (в порядке частоты указания) обладает: уверенностью в себе, терпением, целеустремленностью, решимостью, оптимизмом. Встречались и такие мнения: «обладает силой духа», «внутренней силой», «внутренним стержнем», «наличие духовности», «душевно здоров», «не отчаивается в любых ситуациях», «человек, проходящий все трудности в жизни и невзгоды», «стойко переносит удары судьбы», «умеет контролировать ситуацию», «не ломается, когда тяжело, верит, что могло быть и хуже» и др. На конкретный вопрос: «Считаете ли вы себя жизнестойким человеком?» – были получены следующие результаты: жизнестойкими себя считают 517 респондентов, что составляет 81,8 % от всей выборки, а 74 респондента (11,7 %) относят себя к нежизнестойким, 41 (6,5 %) затруднились ответить на поставленный вопрос, объясняя это тем, что не знают значения этого личностного качества. Превалирование среди респондентов числа лиц, которые считают себя жизнестойкими, может свидетельствовать о наличии у данной категории осужденных завышенной самооценки. При этом установлена контрастность по подгруппам спецконтингента: среди неоднократно судимых осужденных мужского пола таких лиц 77,2 %, а среди впервые осужденных – 89,5 %; по выборке осужденных женщин соответственно 69,1 и 83,9 %. В связи с этим представляется важным проведение в перспективе целевого исследования по влиянию атрибутов криминальной субкультуры на самооценки и самоотношение у спецконтингента.

Анализ данных проанкетированных осужденных по вопросу: «Какие ситуации для Вас являются трудными в условиях колонии?» – позволил выделить 11 групп ответов респондентов:

- 1) конфликты с другими осужденными (84 %);
- 2) проблемы с семьей, и прежде всего смерть родных, разрыв связи с близкими, ограниченность общения с родственниками, тоска по родным, отсутствие родных и близких (77,4 %);
- 3) большой срок ожидания свободы и пессимизм переживаний по поводу досрочного получения свободы, причем у многих с общей констатацией – «сидеть и ждать, когда же все это закончится», «знать, что впереди уже ничего хорошего» (43 %);
- 4) невозможность работать или «ограниченный выбор трудовой деятельности», а также отсутствие условий для занятий спортом, а в итоге «превалирует безделье» (по 34,7 %);
- 5) невозможность побыть одному, «наедине с собой», даже в тишине, так как «все время вокруг люди, а ты одинок» (20,7 %);
- 6) проблемы взаимодействия с администрацией ИК (9,5 %);
- 7) жесткие режимные мероприятия (8,1 %);
- 8) первые дни после прибытия в колонию и адаптация (7,3 %);
- 9) состояние личного здоровья, болезни (6,8 %);
- 10) плохие бытовые условия (6 %);
- 11) «закрытое пространство» (5,1 %).

Представленные данные, характеризующие иерархию трудностей, испытываемых осужденными, отбывающими длительные сроки наказания, примерно поровну представляют причины объективного и субъективного характера, но с большей значимостью вторых по сравнению с первыми. Дифференцированный анализ по специализированным выборкам респондентов свидетельствует о том, что неоднократно судимые часто отмечали (73,4 %) отсутствие для них в условиях колонии трудных ситуаций, а также позицию, что любую ситуацию можно разрешить положительно. Представляется, что в данном случае сказывается их опытность и пенитенциарный статус, требующий придерживаться заповеди «Не верь. Не бойся. Не проси».

По выборке осужденных женщин всего 21 % неоднократно судимых указывают на наличие трудностей в учреждении.

После определения трудностей, с которыми сталкиваются осужденные в местах лишения свободы, им предлагалось ответить на вопрос: «Что Вам помогает преодолевать трудные ситуации в исправительном учреждении?». Результаты представлены на рисунке 3.

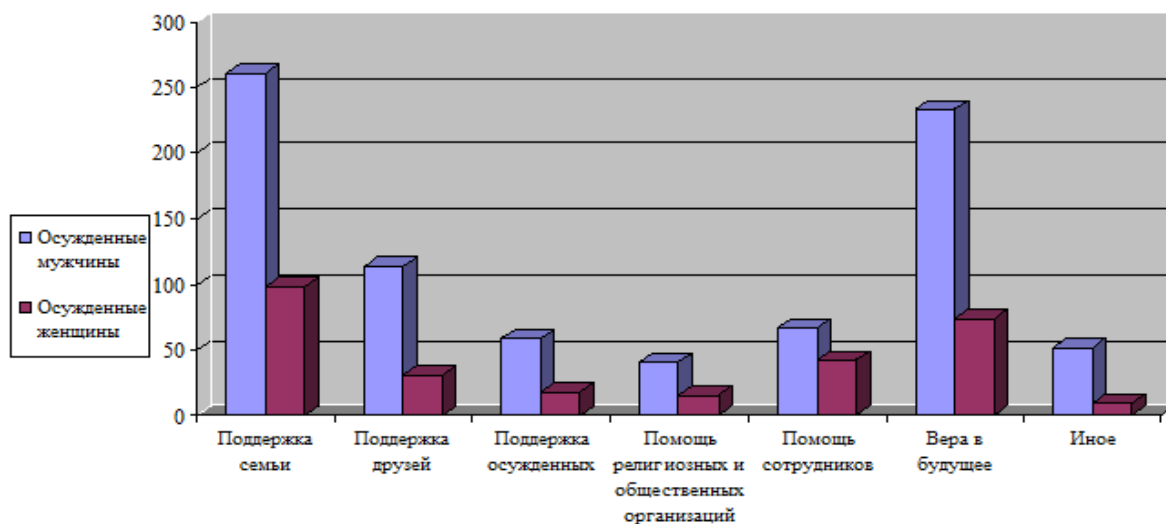

Рисунок 3 – Распределение ответов осужденных на вопрос: «Что Вам помогает преодолевать трудные ситуации в исправительном учреждении?»

Примечание: респондентам разрешалось указывать несколько вариантов ответов.

По рисунку 3 видно, что многим осужденным (более 55 %) в преодолении жизненных трудностей в колонии оказывает поддержку именно семья. При этом дополнительный анализ свидетельствует о том, что это больше присуще осужденным впервые (69,8 %) по сравнению с осужденными-рецидивистами (27,4 %). Также почти половина респондентов отмечает, что их вера в позитивное будущее способствует преодолению трудных ситуаций в условиях колонии. Каждый пятый респондент указал важность «поддержки друзей» и «сотрудников учреждений». По выборке женщин на важность поддержки семьи часто указывают как впервые, так и неоднократно осужденные (более 70 %).

Беспокоит, что полученные данные анкетирования осужденных свидетельствуют о низкой оценке ими влияния «помощи религиозных и общественных организаций». Это в определенной мере контрастирует с

материалами публикаций последних лет Д. В. Сочивко, в которых отмечается расширяющаяся позитивность влияний конфессий и институтов гражданского общества [176]. Вероятно, респонденты, делая оценку возможностей получения от них поддержки, надеются на более индивидуализированный подход.

От осужденных поступили следующие (в порядке ранговой значимости) предложения по развитию готовности и способности преодолевать трудные жизненные ситуации и стресс в исправительном учреждении:

- предоставить бóльшую возможность общения с родственниками;
- стимулировать осужденных на постоянное стремление к получению условно-досрочного освобождения;
- обеспечить возможность большего общения сотрудников ИК с осужденными, реализовывать при этом индивидуальный подход;
- создать возможность найти себе в ИК занятие по душе, учиться, работать;
- помощь психологов, организовывать индивидуальные беседы и тренинги, психокоррекцию;
- проводить спортивные состязания.

Подробнее рекомендации представлены в нашей публикации [30, с. 57].

В целом, данные анкетирования и индивидуальные беседы с осужденными позволяют сделать ряд выводов. Значительный процент осужденных не имеют возможности субъектно реализовываться при длительном сроке отбывания наказания в ИК, причем наиболее трудными считают первые 6 месяцев пребывания в колонии. Свое состояние здоровья большинство (особенно осужденные мужского пола) оценивают как хорошее и удовлетворительное. Многие стремятся участвовать в общественной жизни исправительного учреждения, активно интересуются развитием страны, готовы идти на контакт с новыми людьми, ожидают поддержки от сотрудников учреждений в плане помощи в решении имеющихся индивидуальных проблем и по подготовке к освобождению.

Анализ данных экспертного опроса (см. приложение В) свидетельствует о том, что для многих осужденных, отбывающих длительные сроки наказания, типично проявление импульсивности. Длительность срока нахождения в колонии

актуализирует активность спецконтингента в поддержании своего здоровья. В случае нарушений дисциплины и конфликтов в пенитенциарной среде для многих осужденных типичным является перенос ответственности за собственные действия на других людей или сложившиеся обстоятельства. Полученные от экспертов данные коррелируют и с результатами исследования Е. В. Чернышевой о переживании многими осужденными собственного бессилия, в том числе из-за оценки себя как «неудачника» [221].

Каузометрическая психодиагностика осужденных с длительными сроками отбывания наказания выявила соответствие психологического возраста хронологическому или незначительное отличие от него у 82 % опрошенных. В ходе личных бесед с осужденными выявлено, что у них бывают кризисы опустошенности и бесперспективности, так как у многих преобладают воспоминания прошлого и ощущение невозможности реализации в настоящем. Подробнее результаты каузометрической психодиагностики представлены в публикации [30, с. 59–60].

В аспекте особенностей интерпретации возникающих у спецконтингента лиминальных состояний, базируясь на позиции Р. А. Ахмерова, изучавшего специфику «биографического кризиса» [13], отметим наличие у респондентов разных «форм переживания непродуктивности своей жизни». У осужденных состояние «опустошенности» обычно возникает в ситуации, когда доминируют астенические переживания, обусловленные тем, что нет привлекающих в будущем конкретных целей. «Кризис бесперспективности» у осужденного чаще возникает при потере смысла самореализации, когда в сознании слабо представлены потенциальные связи с событиями будущего, а поэтому он не видит для себя и новых путей самосовершенствования.

Для выявления особенностей жизнестойкости осужденных и потенциала их личности в исследовании использовался разноплановый психодиагностический инструментарий. Интерпретировать результаты будем по группам осужденных, дифференцированным по следующим пяти критериям и с использованием для оценки различий статистического U-критерия Манна – Уитни:

- 1) гендерный признак;
- 2) пенитенциарный опыт;
- 3) возраст респондентов;
- 4) время пребывания в исправительном учреждении;
- 5) признание вины в совершенном преступлении.

Данные в зависимости от пола респондентов по методикам «Тест жизнестойкости» и «Тест смысловых ориентаций» представлены соответственно в таблицах 2 и 3.

Таблица 2 – Средние значения по шкалам методики «Тест жизнестойкости» в группах осужденных мужчин и осужденных женщин

Шкалы	Осужденные мужчины	Осужденные женщины	U-критерий различий
Вовлеченность	38,0	33,6	0,05
Контроль	32,6	28,9	0,05
Принятие риска	15,7	10,4	0,01
Жизнестойкость	86,3	72,9	0,01

По данным, указанным в таблице 2, видно, что средние значения по всем шкалам «Теста жизнестойкости» в группе осужденных мужчин существенно выше таких же показателей по группе осужденных женщин.

Таблица 3 – Средние значения по шкалам «Теста смысловых ориентаций» в группах осужденных мужчин и осужденных женщин

Шкалы	Осужденные мужчины	Осужденные женщины	U-критерий различий
Цели в жизни	31,4	27,4	0,05
Процесс жизни, интерес и эмоциональная насыщенность	28,6	26,1	–
Результативность жизни, удовлетворенность самореализацией	24,3	22,6	–
Локус контроля – Я (Я – хозяин жизни)	22,5	18,4	0,05
Локус контроля – жизнь, управляемость жизни	26,8	23,8	–
Общий показатель осмысленности жизни	99,2	89,6	0,01

Осужденные мужчины, по сравнению с осужденными женщинами, имеют более высокий «общий показатель осмысленности жизни» и в большей степени расположены определять цели на будущее и относить себя к личностям, обладающим свободой выбора в аспекте «Я – хозяин жизни». Обнаруженная

контрастность доказывает большую направленность осужденных мужчин на самоутверждение в жизни [235]. Расширенные содержательные комментарии по результатам указанных выше методик представлены в одной из наших публикаций [29, с. 35].

Обратимся к данным, полученным по методике «Индивидуально-типологический опросник», разработанной Л. М. Собчик (рисунок 4).

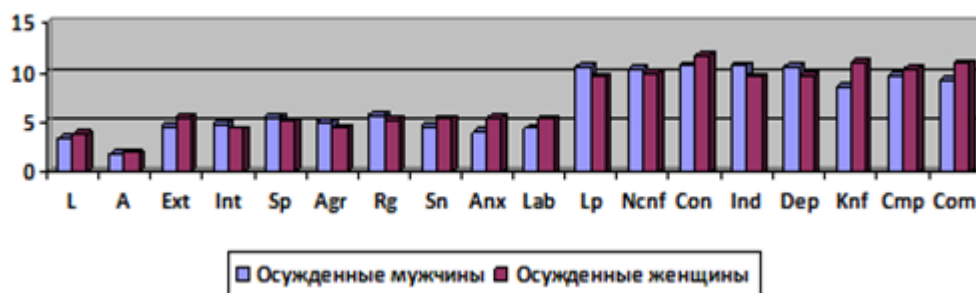

Рисунок 4 – Средние величины личностных характеристик осужденных с длительными сроками отбывания наказания разного пола

Примечание: L – ложь; A – аггравация; Ext – экстраверсия; Int – интроверсия; Sp – спонтанность; Agr – агрессивность; Rg – ригидность; Sn – сензитивность; Anx – тревожность; Lab – лабильность; Lp – лидерство; Ncnf – неконформность; Con – конфликтность; Ind – индивидуализм; Dep – зависимость; Knf – конформность; Cmp – компромиссность; Com – коммуникативность

На рисунке 4 показано, что значимые различия по контрастным группам обследованных наблюдаются по шкале «тревожность» ($p \leq 0,05$). Это позволяет утверждать, что для осужденных женщин в большей степени характерны неуверенность, боязливость. По остальным шкалам статистически значимых различий между группами респондентов не выявлено, но выше значения у женщин по шкалам «экстраверсии», «сензитивности», «лабильности», «конформности», что позволяет предположить, что в целом они реагируют как лица, более психологически ранимые и мнительные.

Исходя из анализа данных по методике «Шкала субъективного благополучия» можно говорить о том, что осужденные женщины, по сравнению с осужденными мужчинами, в большей мере ($p \leq 0,01$) испытывают эмоциональный дискомфорт (у 62,8 % женщин и 36,2 % мужчин соответственно). Отметим, что значимые различия также выявлены между такими кластерами, как «напряженность и чувствительность», «изменения настроения» и «самооценка

здоровья», которые выше (при $p \leq 0,05$) у осужденных женщин. Как следствие, осужденные женщины менее способны контролировать свои эмоции, негибки, более недоверчивы к окружающим, склонны к депрессии и тревогам.

В таблице 4 представлены результаты по контрастным группам осужденных по методике «Уровень субъективного контроля».

Таблица 4 – Средние значения по методике «Уровень субъективного контроля» в группах осужденных мужчин и осужденных женщин

Шкалы	Осужденные мужчины	Осужденные женщины	U-критерий различий
Общая интернальность	6,9	4,1	0,01
Интернальность в сфере достижений	5,2	4,5	–
Интернальность в сфере неудач	6,1	3,9	0,05
Интернальность в сфере семейных отношений	5,3	4,7	–
Интернальность в сфере производственных отношений	7,4	3,8	0,01
Интернальность в сфере межличностных отношений	7,6	6,4	–
Интернальность в сфере здоровья	5,3	4,5	–
Самообвинение	5,7	8,3	0,01

Данные таблицы 4 показывают, что осужденные женщины в большей степени убеждены, что события их жизни – это результат действий других людей и внешних обстоятельств. Они отличаются склонностью к самообвинениям ($p \leq 0,01$). В то же время у осужденных мужчин больше общая интернальность, а также ее уровень в сферах неудач и производственных отношений. Считаем, что интернальность надо будет учитывать в развитии жизнестойкости у осужденных.

В таблице 5 представлены результаты по методике «Ценностный профиль личности» (в адаптации В. Н. Карандашева). Данные таблицы 5 показывают, что статистически значимыми являются различия показателей по шкалам «безопасность» ($p \leq 0,01$), «универсализм» ($p \leq 0,01$), «достижение» ($p \leq 0,05$), «доброта» ($p \leq 0,05$). Представленные показатели существенно выше в группе осужденных женщин. Это свидетельствует о большей мере выраженности понимания, терпимости, стремления к сохранению благополучия людей, с которыми человек состоит в личных контактах.

Таблица 5 – Средние значения по шкалам «Ценностного профиля личности» в группах осужденных мужчин и осужденных женщин

Шкалы	Осужденные мужчины	Осужденные женщины	U-критерий различий
Власть	4,1	4,5	–
Достижение	8,5	11,5	0,05
Гедонизм	5,9	7,9	–
Стимуляция	5,9	8,1	–
Самостоятельность	10,8	12,7	–
Универсализм	13,6	18,0	0,01
Доброта	9,8	12,5	0,05
Традиции	8,1	10,5	–
Конформность	9,1	10,7	–
Безопасность	12,2	16,5	0,01

Из индивидуальных бесед с осужденными женского пола выяснено, что для них важны социальная компетентность и поддержка. Большая же ориентация женщин на стремление к безопасности, думается, связана с тем, что сегодня усилился криминогенный состав данного спецконтингента и появились жесткие способы разрешения конфликтов в их среде. На это могут указывать и выявленные ценностные приоритеты осужденных женского пола, когда их показатели близки к мужским по таким характеристикам, как «лидерство», «агрессивность», «неконформность», «конфликтность», «индивидуализм».

Результаты, полученные при психодиагностике осужденных по методике «Временная перспектива личности» Ф. Зимбардо (в адаптации А. Сырцовой, Е. Т. Соколовой, О. В. Митиной), представлены в таблице 6.

Таблица 6 – Средние значения по шкалам методики «Временная перспектива личности» в группах осужденных мужчин и осужденных женщин

Шкалы	Осужденные мужчины	Осужденные женщины	U-критерий различий
Негативное прошлое	29,7	36,1	0,05
Гедонистическое настоящее	42,8	43,7	–
Будущее	43,9	28,9	0,01
Позитивное прошлое	30,6	19,3	0,01
Фаталистическое настоящее	23,8	32,0	0,01
Трансцендентное будущее	33,2	40,0	0,01

По таблице 6 видно, что наблюдаются статистически значимые различия между осужденными мужского и женского пола по всем шкалам, кроме шкалы

«гедонистическое настоящее». Осужденные женщины в большей степени склонны оценивать свое прошлое как полное боли и разочарований. При этом в индивидуальных беседах выявлено, что они в меньшей степени считают приобретенный там опыт способствовавшим их самореализации. По фактору восприятия «фаталистического настоящего» показатель у осужденных женщин также значимо выше, чем у мужчин ($p \leq 0,01$), т. е. они сильнее верят в «рок судьбы», а поэтому настоящее им видится независимым от их воли, т. е. изначально predetermined, где собственная личность подчинена судьбе.

Степень ориентации на будущее ($p \leq 0,01$) у мужчин значимо выше, чем у осужденных женщин. Это связано, вероятно, с тем, что в отечественной культурной ментальности сохраняется традиционный аспект главных гендерных ролей и поведения. Для осужденных женщин в меньшей степени характерно наличие определенных целей, планов на будущее, в том числе с учетом, как представляется, фертильного возраста, приходящегося на период длительного срока отбывания наказания и вносящего дополнительные ограничения [187]¹.

В то же время по показателю «трансцендентное будущее» значимость различий на уровне $p \leq 0,01$ характеризует то, что осужденные женщины в большей степени верят в жизнь после смерти, возможно, они более религиозны. В этом аспекте наши данные корреспондируют с выводами исследования Д. В. Сочивко, вскрывшего отличия в приобщении и соблюдении религиозных ритуалов осужденными женщинами, в отличие от осужденных мужчин [172].

Данные по тесту «Мотивация достижения» представлены в таблице 7.

Таблица 7 – Средние значения по тесту «Мотивация достижения» в группах осужденных мужчин и осужденных женщин

Название шкалы	Осужденные мужчины		Осужденные женщины		U-критерий различий
	Среднее	Ст. откл.	Среднее	Ст. откл.	
Избегание неудач	139,5	18,4	119,0	16,8	0,01

¹ В данном случае сделанный вывод корреспондирует с результатами ранее проведенных пенитенциарными психологами диссертационных исследований.

По таблице 7 видно, что различия между контрастными группами значимы на уровне $p \leq 0,01$, причем со значительно большим средним показателем в группе осужденных мужчин. Однако, учитывая, что средние значения по обеим группам попадают в диапазон от 76 до 164, можно говорить лишь о доминировании тенденции к избеганию неудач как у осужденных мужчин, так и у осужденных женщин.

Итак, в связи с тем, что многие из полученных результатов психодиагностики отражают разницу в психологии мужчин и женщин, необходимо учитывать тренды трансформации их личности при длительном отбывании наказания в условиях ИК. Наши данные корреспондируют с ранее установленными фактами того, что осужденные женщины более зависимы от чужого мнения, больше предпочитают общение и демонстрируют конформность, что контрастно поведению осужденных мужчин, которым чаще присущи самоуверенность, прямолинейность [53]. Характерна женскому спецконтингенту большая эмоциональность и тревожность, по сравнению с мужчинами, что может предрасполагать к обращению к мистицизму и религии [175].

Перейдем к рассмотрению контрастных групп по второму критерию – в зависимости от привычности отбывания наказаний в местах лишения свободы. В первую из них вошли 314 осужденных (49,7 % от всей выборки обследуемых), которых условно можно назвать «осужденные впервые», а во вторую группу 318 (соответственно 50,3 %), которых условно можно назвать «осужденные-рецидивисты». В таблице 8 представлены данные по жизнестойкости и ее составляющим в сравниваемых группах.

Таблица 8 – Средние значения по тесту «Жизнестойкость» в группах осужденных впервые и осужденных, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы

Шкалы	Осужденные впервые	Осужденные-рецидивисты	U-критерий различий
Вовлеченность	39,3	36,3	0,05
Контроль	32,9	29,8	0,05
Принятие риска	14,4	11,1	0,05
Жизнестойкость	86,6	77,2	0,01

Как видно по таблице 8, средние значения по всем шкалам «Теста жизнестойкости» (вовлеченность, контроль, принятие риска), а также ее общий показатель в группе впервые осужденных существенно выше аналогичных показателей лиц, отбывавших лишение свободы неоднократно.

В таблице 9 представлены средние показатели двух контрастных групп по методике «Тест смысложизненных ориентаций».

Таблица 9 – Средние значения по шкалам «Теста смысложизненных ориентаций» среди осужденных впервые и осужденных, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы

Шкалы	Осужденные впервые	Осужденные-рецидивисты	U-критерий различий
Цели в жизни	32,5	27,8	0,01
Процесс жизни, интерес и эмоциональная насыщенность	29,4	25,7	0,05
Результативность жизни, удовлетворенность самореализацией	24,5	22,7	–
Локус контроля – Я (Я – хозяин жизни)	22,6	18,3	0,01
Локус контроля – жизнь, управляемость жизни	27,2	24,4	0,05
Общий показатель осмысленности жизни	103,4	88,0	0,01

Расширенные содержательные описания по результатам проведения «Теста жизнестойкости» и «Теста смысложизненных ориентаций» в группах осужденных в зависимости от пенитенциарного опыта, а также данные индивидуальных бесед с испытуемыми представлены в нашей публикации [35, с. 84].

Данные, полученные по методике «Индивидуально-типологический опросник», представлены на рисунке 5. По нему видно, что у «осужденных-рецидивистов» имеется большая выраженность значений, по сравнению с «осужденными впервые», по шкалам «лидерство» ($p \leq 0,01$), а также «ложь», «экстраверсия», «коммуникативность» ($p \leq 0,05$). Это может свидетельствовать о том, что они чувствуют себя более уверенными при реализации поведения в колонии, больше стремятся к самоутверждению в среде осужденных. Более высокие у «осужденных впервые» значения по шкалам «агравация» ($p \leq 0,01$), а также «тревожность» ($p \leq 0,05$) указывают на то, что они испытывают бóльшую психическую напряженность в условиях колонии, причем часто могут

преувеличивать свои проблемы. Кроме того, данные диагностики свидетельствуют, что они более индивидуалистичны, лабильны и одновременно осторожны в принятии решений.

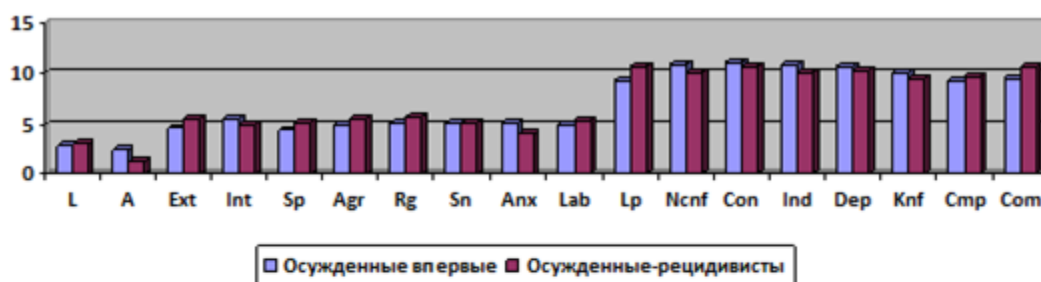

Рисунок 5 – Средние величины личностных характеристик осужденных с длительными сроками отбывания наказания в зависимости от пенитенциарного опыта

Примечание: L – ложь; A – аггравация; Ext – экстраверсия; Int – интроверсия; Sp – спонтанность; Agr – агрессивность; Rg – ригидность; Sn – сензитивность; Anx – тревожность; Lab – лабильность; Lp – лидерство; Ncnf – неконформность; Con – конфликтность; Ind – индивидуализм; Dep – зависимость; Knf – конформность; Cmp – компромиссность; Com – коммуникативность

По тесту «Шкала субъективного благополучия» выявлен эмоциональный дискомфорт у значительного количества испытуемых в обеих группах (у 28,2 % осужденных впервые и 39,3 % «осужденных-рецидивистов» соответственно). При этом значимо выше ($p \leq 0,05$) показатели в группе «осужденных-рецидивистов». Выявлены значимые различия в кластерах «напряженность и чувствительность», «значимость социального окружения», «удовлетворенность повседневной деятельностью», значения по которым выше ($p \leq 0,05$) в группе «осужденных-рецидивистов». Указанные различия ориентируют на возможные трудности в организации психологической работы с «осужденными-рецидивистами», так как они более замкнуты, насторожены, лишены доверия к окружающим и не верят, что их ждет хорошее будущее.

Правомочность сделанного выше вывода подтверждается данными по методике «Уровень субъективного контроля» (см. таблица 10).

Исходя из данных таблицы 10, можно говорить о том, что «осужденные-рецидивисты» более нетерпимы к неудачам, менее ориентированы на семейные традиции и межличностные отношения.

Таблица 10 – Средние значения по методике «Уровень субъективного контроля» в группах осужденных впервые и осужденных, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы

Шкалы	Осужденные впервые	Осужденные-рецидивисты	U-критерий различий
Общая интернальность	5,8	3,9	0,05
Интернальность в сфере достижений	6,5	5,7	–
Интернальность в сфере неудач	6,3	3,1	0,01
Интернальность в сфере семейных отношений	4,1	5,8	0,05
Интернальность в сфере производственных отношений	6,7	6,1	–
Интернальность в сфере межличностных отношений	5,4	6,5	–
Интернальность в сфере здоровья	6,8	7,4	–
Самообвинение	6,1	7,3	–

В таблице 11 представлены результаты по методике «Ценностный профиль личности».

Таблица 11 – Средние значения по шкалам методики «Ценностный профиль личности» в группах осужденных впервые и осужденных, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы

Шкалы	Осужденные впервые	Осужденные-рецидивисты	U-критерий различий
Власть	4,3	3,8	–
Достижение	8,4	9,3	–
Гедонизм	6,1	5,8	–
Стимуляция	6,3	5,7	–
Самостоятельность	10,8	11,5	–
Универсализм	13,9	15,1	–
Доброта	9,6	11,7	0,01
Традиции	7,7	9,8	0,01
Конформность	8,8	10,0	–
Безопасность	11,9	13,6	0,05

Данные таблицы 11 подтверждают, что для «осужденных-рецидивистов» более значимы сохранение традиций, а также проявление доброты в отношении окружающих ($p \leq 0,01$). Из бесед с осужденными данной категории выявлено, что они ориентированы прежде всего на существующие атрибуты пенитенциарной субкультуры, в том числе с реализацией статуса и ролевого поведения. Кроме того, у них значимо выше показатели ($p \leq 0,05$) по шкале «безопасность», чем у впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы. Это может

характеризовать их, прежде всего, как более бдительных. Выявлено, что они меньше подвержены стимуляции и одновременно имеют большую ориентацию на достижения и самостоятельность, а также имеют доминантность по временной перспективе «настоящее» (см. также таблицу 12).

В таблице 12 приведены данные по шкалам методики «Временная перспектива личности» в контрастных группах осужденных.

Таблица 12 – Средние значения по шкалам методики «Временная перспектива личности» в группах осужденных впервые и осужденных, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы

Шкалы	Осужденные впервые	Осужденные-рецидивисты	U-критерий различий
Негативное прошлое	27,3	31,3	0,01
Гедонистическое настоящее	40,9	47,6	0,01
Будущее	43,3	45,6	–
Позитивное прошлое	30,3	28,4	–
Фаталистическое настоящее	22,5	26,9	0,01
Трансцендентное будущее	31,8	37,0	0,01

По данным таблицы 12 видно, что существует бóльшая выраженность ($p \leq 0,01$) у «осужденных-рецидивистов», по сравнению с «осужденными впервые», по показателям шкал «негативное прошлое», «гедонистическое настоящее», «фаталистическое настоящее» и «трансцендентное будущее». Из бесед с «осужденными-рецидивистами» выяснено, что они воспринимают «настоящее» как независимое от их воли и изначально предопределенное, а также оторванное от «прошлого» и «будущего». И хотя многие из них не готовы принять собственное «прошлое», так как привыкли к условиям исправительных учреждений и плохо представляют свою жизнь иной, но с возрастом при рассмотрении «будущего», как отмечалось ими в беседах, все чаще задумываются о смерти и о том, что ждет человека после нее.

Данные обследования осужденных по методике «Тест мотивации достижения» представлены в таблице 13.

Результаты свидетельствуют о статистически значимых различиях на уровне $p \leq 0,01$ по указанным контрастным группам. При этом уровень мотивации достижения по типу «стремление к успеху» выше в группе впервые осужденных.

Однако следует особо отметить, что в обеих группах высока мотивация по типу «избегание неудачи» (средние значения оказались в диапазоне 164).

Таблица 13 – Средние значения по тесту «Мотивация достижения» в группах осужденных впервые и осужденных, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы

Название шкалы	Осужденные впервые		Осужденные-рецидивисты		U-критерий различий
	Среднее	Ст. откл.	Среднее	Ст. откл.	
Избегание неудач	144,0	15,6	132,8	12,3	0,01

В беседах с «осужденными-рецидивистами» подтвержден факт, ранее установленный в исследовании К. А. Бахтиаровой, обнаружившей наличие у них большого числа псевдокомпенсаций (одновременно «комплекса жалости к себе», «комплекса ущербности» и «комплекса превосходства»), имеющих отрицательные связи со смысловыми образованиями личности [17].

Делая обобщение данных психодиагностики по контрастным группам осужденных – впервые и неоднократно отбывавших наказание в виде лишения свободы, можно констатировать негативное влияние на жизнестойкость человека факта неоднократности пребывания в местах лишения свободы, так как начинают доминировать субкультурные стереотипы восприятия и шаблонность поведения.

Далее перейдем к анализу данных психодиагностики контрастных групп осужденных по критерию возраста лиц, отбывающих длительные сроки наказания. При анализе указанных данных осуществлялось деление респондентов на следующие возрастные группы:

- 1) от 18 до 24 лет (43 человека);
- 2) от 25 до 30 лет (122 человека);
- 3) от 31 до 39 лет (234 человека);
- 4) от 40 до 49 лет (130 человек);
- 5) от 50 до 60 лет (65 человек);
- 6) старше 61 года (17 человек).

В таблице 14 отражены показатели по средним параметрам жизнестойкости и ее составляющим в ракурсе выделенных нами групп.

Таблица 14 – Средние значения по методике «Тест жизнестойкости» в группах осужденных различного возраста

Шкалы / Возрастные группы	1. От 18 до 24 лет	2. От 25 до 30 лет	3. От 31 до 39 лет	4. От 40 до 49 лет	5. От 50 до 60 лет
Вовлеченность	41,9*	35,1	35,7	36,2	34,3
Контроль	30,3	31,5	35,8**	31,4	30,8
Принятие риска	19,0**	12,3	12,9	12,1	10,5
Жизнестойкость	91,2**	78,9	84,4	79,7	75,6

Примечание: Группа осужденных в возрасте старше 61 года не сравнивалась с другими в связи с недостаточным количеством в ней респондентов. Знаком «**» обозначены различия на уровне $p \leq 0,01$; знаком «*» обозначены различия на уровне $p \leq 0,05$.

Анализируя данные, отметим, что именно у категории лиц в возрасте от 18 до 24 лет при диагностике получены низкие значения по шкале «контроль». Это объясняется тем, что первому периоду молодежного возраста (от 18 до 24 лет) свойствен, по мнению психологов, неустоявшийся стиль поведения [77; 174]. Поэтому многие испытуемые указанного возраста могут быть включены (прежде всего, с учетом особенностей личности) в группу пенитенциарного риска.

Подробное описание и анализ результатов по «Тесту жизнестойкости» по критерию возраста сделан в нашей публикации [33, с. 46].

Данные по методике «Тест смысложизненных ориентаций», представленные в таблице 15 (в зависимости от возраста респондентов), обнаруживают, что статистически значимые различия между возрастными группами осужденных с длительными сроками отбывания наказания наблюдаются по «общему показателю осмысленности жизни», а также по ряду шкал – «локус контроля – жизнь, управляемость жизни», «результативность жизни, удовлетворенность самореализацией» и «локус контроля – Я (Я – хозяин жизни)», значения которых выше у группы в возрасте от 31 до 39 лет. Однако выявление значимо более высоких показателей у респондентов в возрасте от 50 до 60 лет (по шкале «процесс жизни, интерес и эмоциональная насыщенность»), по сравнению со всеми иными возрастными подгруппами ($p \leq 0,05$), на первый взгляд, кажется непонятным. Индивидуальные беседы, проведенные с представителями данной возрастной категории осужденных, показали, что в процессе отбывания наказания многие из них приобрели специальность и работают,

обучая молодых, у них образовался круг неформального общения, но многие говорят, что общаются и с семьей, хотят быстрее освободиться, чтобы заниматься со своими внуками.

Таблица 15 – Средние значения по шкалам теста «Смысложизненные ориентации» в группах осужденных различного возраста

Шкалы / Возрастные группы	1. От 18 до 24 лет	2. От 25 до 30 лет	3. От 31 до 39 лет	4. От 40 до 49 лет	5. От 50 до 60 лет
Цели в жизни	32,1	30,5	32,6	31,4	30,1
Процесс жизни, интерес и эмоциональная насыщенность	27,5	26,6	28,7	28,8	32,2*
Результативность жизни, удовлетворенность самореализацией	24,5	22,9	25,3*	24,4	23,4
Локус контроля – Я (Я – хозяин жизни)	22,1	20,8	23,3*	20,7	19,1
Локус контроля – жизнь, управляемость жизни	26,9	25,9	28,4*	26,6	27,8
Общий показатель осмысленности жизни	97,9	94,5	102,0*	98,2	97,3

Примечание: знаком «**» обозначены различия на уровне $p \leq 0,01$; знаком «*» обозначены различия на уровне $p \leq 0,05$.

Вместе с тем отсутствие статистически значимых различий по шкале «цели в жизни» между возрастными группами подтверждает факт, выявленный в исследовании В. В. Яковлева, что большинство осужденных живет в колонии по принципу «здесь и теперь», и это негативно сказывается на индивидуально осмысленном целеобразовании [235, с. 8]. Из бесед с осужденными выяснено, что цели у них иногда имеют и реально не осуществимый характер.

Рассмотрим данные, представленные на рисунке 6, которые получены по методике «Индивидуально-типологический опросник».

По шкалам «агрессивность» ($p \leq 0,05$), а также «спонтанность» ($p \leq 0,05$), «неконформность» ($p \leq 0,05$) выявлены значимые различия между группами респондентов в возрасте от 18 до 24 лет и от 25 до 30 лет. Это свидетельствует о том, что представители первой группы молодежного возраста более нацелены на самоутверждение, но одновременно им более свойственна повышенная чувствительность к происходящим событиям и ориентация на авторитет более сильной личности. При этом и осужденные в возрасте от 25 до 30 лет податливы

влиянию, т. е. склонны изменять свои мнения и свое поведение под влиянием других людей.

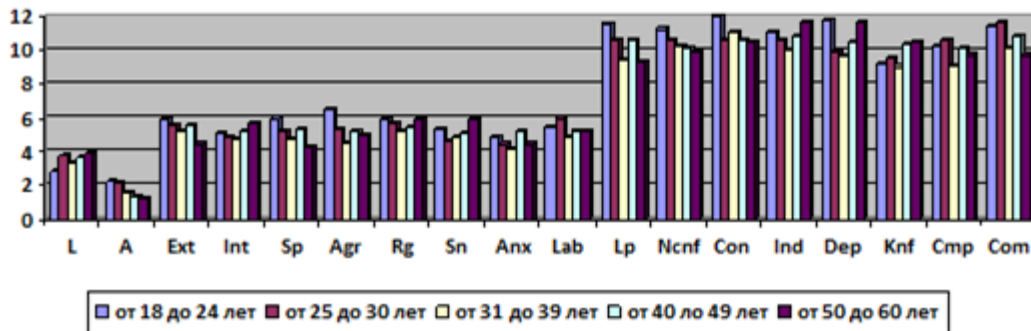

Рисунок 6 – Средние величины личностных характеристик осужденных с длительными сроками отбывания наказания различного возраста

Примечание: L – ложь; A – аггравация; Ext – экстраверсия; Int – интроверсия; Sp – спонтанность; Agr – агрессивность; Rg – ригидность; Sn – сензитивность; Anx – тревожность; Lab – лабильность; Lp – лидерство; Ncnf – неконформность; Con – конфликтность; Ind – индивидуализм; Dep – зависимость; Knf – конформность; Cmp – компромиссность; Com – коммуникативность

Значимость различий на уровне $p \leq 0,01$ по шкалам «спонтанность», «агрессивность», «неконформность» у подгруппы 18 до 24 лет выявлена и в группе в возрасте от 31 года до 39 лет. Это говорит о том, что осужденные в возрасте от 18 до 24 лет в большей степени склонны к отвержению общепринятых канонов и жесткому отстаиванию своей позиции. Показатели по шкалам «агрессивность» ($p \leq 0,05$) и «неконформность» ($p \leq 0,01$) выше в группе осужденных в возрасте от 18 до 24 лет не только по сравнению с осужденными в возрасте от 40 до 49 лет, но и по сравнению с группой от 50 до 60 лет (по обеим шкалам на уровне $p \leq 0,01$).

Исходя из полученных результатов интересен факт, что осужденные в возрасте от 25 до 30 лет отличаются выраженной изменчивостью настроения, но готовы выражать большее стремление и умение достигать согласия, взаимного понимания. Это показывает, что условия изоляции способствуют росту конформизма личности данной категории спецконтингента.

Значимо выше результаты по шкалам «сензитивность» ($p \leq 0,05$), «зависимость» ($p \leq 0,01$) и «конформность» ($p \leq 0,05$) в группе респондентов в возрасте от 50 до 60 лет, в сравнении с группой в возрасте от 31 до 39 лет. Из

бесед с ними выявлено, что она базируется на усвоенной ориентированности на общепринятые субкультурные нормы, причем у них это проявляется как стиль взаимодействия, прежде всего, с микросоциумом.

По тесту «Шкала субъективного благополучия» выявлено, что наиболее часто показатели эмоционального дискомфорта встречаются в группах респондентов в возрасте от 40 до 49 лет и от 50 до 60 лет (при $p \leq 0,05$, $p \leq 0,01$ соответственно). Эмоциональный дискомфорт выявлен у 34,7 % в группе осужденных в возрасте от 50 до 60 лет и у 69,2 % в группе в возрасте от 50 до 60 лет. В особенности проявления заметны в кластерах «изменения настроения» и «значимость социального окружения». Данные результаты могут быть также обусловлены мнением осужденных из указанных групп, что они неудачно прожили жизнь, страхом одиночества, тем, что они не нужны обществу.

В таблице 16 представлены результаты по методике «Уровень субъективного контроля».

Таблица 16 – Средние значения по методике «Уровень субъективного контроля» в группах осужденных различного возраста

Шкалы	1. От 18 до 24 лет	2. От 25 до 30 лет	3. От 31 до 39 лет	4. От 40 до 49 лет	5. От 50 до 60 лет
Общая интернальность	3,7	5,9**	6,4**	4,8	7,8***
Интернальность в сфере достижений	7,1**	6,5*	4,2	5,6	5,3
Интернальность в сфере неудач	2,4	3,3	5,8**	5,2***	5,6**
Интернальность в сфере семейных отношений	4,6	5,4	4,9	5,3	5,2
Интернальность в сфере производственных отношений	3,4	5,1	6,2**	5,8**	6,3**
Интернальность в сфере межличностных отношений	6,5	5,7	6,3	5,9	5,6
Интернальность в сфере здоровья	3,8	4,6	5,5	5,1	5,9*
Самообвинение	5,9	6,7	5,8	6,4	7,5

Примечание: знаком «**» обозначены различия на уровне $p \leq 0,01$; знаком «*» обозначены различия на уровне $p \leq 0,05$.

По таблице 16 видно, что выявлены значимые различия по отдельным показателям шкал между группами. Так, осужденные в возрасте от 18 до 24 лет

чаще склонны проявлять напористость в поведении, приписывать ответственность за свои неудачи другим людям, для них характерна меньшая толерантность к окружающим. В то время как осужденные в возрасте от 50 до 60 лет характеризуются большей ориентацией на себя по сравнению с другими группами.

В таблице 17 представлены результаты по методике «Ценностный профиль личности» между группами осужденных, различных по возрасту.

Таблица 17 – Средние значения по шкалам «Ценностного профиля личности» в группах осужденных различного возраста

Шкалы / Возрастные группы	1. От 18 до 24 лет	2. От 25 до 30 лет	3. От 31 до 39 лет	4. От 40 до 49 лет	5. От 50 до 60 лет
Власть	3,1	5,1	4,3	3,8	3,0
Достижение	6,8	8,9	9,2*	8,8	8,4
Гедонизм	5,6	6,6	6,2	5,8	5,3
Стимуляция	5,9	5,7	6,5	6,2	6,0
Самостоятельность	9,5	9,7	11,8	11,5	11,0
Универсализм	8,9	10,6	14,8**	16,7***	14,7**
Доброта	8,8	9,0	10,6	11,1*	9,2
Традиции	8,1	6,3	8,7**	9,1**	9,3**
Конформность	6,4	8,1	9,4**	10,1***	10,9***
Безопасность	7,9	10,5	13,0**	14,6**	14,2***

Примечание: знаком «**» обозначены различия на уровне $p \leq 0,01$; знаком «*» обозначены различия на уровне $p \leq 0,05$.

Между группами респондентов в возрасте от 18 до 24 лет и от 31 года до 39 лет выявлены значимые различия при $p \leq 0,01$ по шкалам «универсализм», «конформность» и «безопасность», а при $p \leq 0,05$ по шкале «достижение». Выше показатели в группе осужденных в возрасте от 31 года до 39 лет.

Значимые различия выявлены между группами респондентов в возрасте от 18 до 24 лет и от 40 до 49 лет по шкалам «универсализм» ($p \leq 0,01$), «доброта» ($p \leq 0,05$), «конформность» ($p \leq 0,01$) и «безопасность» ($p \leq 0,01$). Показатели выше в группе осужденных в возрасте от 40 до 49 лет. По перечисленным выше шкалам, за исключением шкалы «доброта», значимо выше показатели и в группе от 50 до 60 лет по сравнению с группой респондентов в возрасте от 18 до 24 лет.

Значимо выше показатели ($p \leq 0,01$) по шкалам «универсализм» и «традиции» в группе респондентов в возрасте от 31 года до 39 лет, по сравнению с

осужденными в возрасте от 25 до 30 лет. Это показывает, что у них в большей степени проявляется понимание, терпимость, уважение, принятие традиций и следование им.

Очевидна значимость различий между группами респондентов в возрасте от 25 до 30 лет и от 40 до 49 лет по шкалам «универсализм» ($p \leq 0,01$), «традиции» ($p \leq 0,01$), «конформность» ($p \leq 0,05$), «безопасность» ($p \leq 0,01$). Кроме того, по шкале «универсализм» значимо выше показатели ($p \leq 0,05$) респондентов в возрасте от 40 до 49 лет по сравнению с осужденными других групп. Это говорит о том, что осужденные в возрасте от 40 до 49 лет в большей степени стремятся к стабильности, пониманию и терпимости, уважают обычаи и идеи, сдерживают действия и побуждения, которые могут навредить другим.

По шкалам «универсализм», «конформность» и «безопасность» показатели выше ($p \leq 0,01$) в группе респондентов в возрасте от 50 до 60 лет по сравнению с осужденными в возрасте от 18 до 24 лет.

Результаты по методике «Временная перспектива личности» в группах осужденных, различных по возрасту, представлены в таблице 18.

Из таблицы 18 видно, что между группами в возрасте от 18 до 24 лет и от 25 до 30 лет выявлены значимые различия при $p \leq 0,05$ и $p \leq 0,01$ по шкалам «фаталистическое настоящее» и «трансцендентное будущее» соответственно. Показатели выше в группе респондентов в возрасте от 18 до 24 лет, т. е. сегодня происходящее с ними видится им независимым от воли и изначально predetermined, но уже свойственно задумываться о жизни после смерти.

Таблица 18 – Средние значения по шкалам методики «Временная перспектива личности» в группах осужденных, различных по возрасту

Шкалы / Возрастные группы	1. От 18 до 24 лет	2. От 25 до 30 лет	3. От 31 до 39 лет	4. От 40 до 49 лет	5. От 50 до 60 лет
Негативное прошлое	23,2	23,1	27,8*	32,1**	37,0***
Гедонистическое настоящее	40,5	41,0	40,9	45,3**	53,9***
Будущее	32,8	37,2	45,0**	45,4**	44,1*
Позитивное прошлое	30,8	30,5	28,3	32,5**	34,6**
Фаталистическое настоящее	24,4***	22,1	21,3	25,9***	27,4**
Трансцендентное будущее	42,5**	35,4	32,7	34,9**	40,6*

Примечание: знаком «**» обозначены различия на уровне $p \leq 0,01$; знаком «*» обозначены различия на уровне $p \leq 0,05$.

Значимые различия выявлены между группами респондентов в возрасте от 18 до 24 лет и от 31 года до 39 лет по шкалам «негативное прошлое» ($p \leq 0,01$), «будущее» ($p \leq 0,01$), «фаталистическое настоящее» ($p \leq 0,01$) и «трансцендентное будущее» ($p \leq 0,01$). Осужденные в группе от 18 до 24 лет в большей степени принимают собственное прошлое, считают свое настоящее изначально predetermined, верят в жизнь после смерти. В группе же от 31 года до 39 лет у осужденных более выражено наличие целей и планов на будущее.

По всем шкалам, за исключением «фаталистическое настоящее», выявлены значимые различия между группами от 18 до 24 лет и от 40 до 49 лет. Итак, осужденных в возрасте от 40 до 49 лет можно характеризовать как в большей степени воспринимающих собственное прошлое, причем как вызывающее отвращение, боль и разочарование ($p \leq 0,01$). Для них настоящее видится оторванным от прошлого и будущего ($p \leq 0,01$), но в то же время принимают свое прошлое ($p \leq 0,01$) и активно строят планы на будущее ($p \leq 0,01$).

Значимые различия между группами респондентов в возрасте от 18 до 24 лет и от 50 до 60 лет выявлены по шкалам «негативное прошлое» ($p \leq 0,01$), «гедонистическое настоящее» ($p \leq 0,01$), «будущее» ($p \leq 0,01$) и «позитивное прошлое» ($p \leq 0,01$). Показатели по указанным шкалам выше в группе осужденных в возрасте от 50 до 60 лет.

Между группами в возрасте от 25 до 30 лет и от 31 до 39 лет выявлены значимые различия по шкалам «негативное прошлое» ($p \leq 0,05$) и «будущее» ($p \leq 0,01$). Выше показатели в возрасте от 31 года до 39 лет.

Кроме того, выявлены значимые различия на уровне $p \leq 0,01$ между группами респондентов в возрасте от 25 до 30 лет и от 40 до 49 лет по шкалам «негативное прошлое», «гедонистическое настоящее» и «будущее», а на уровне $p \leq 0,05$ по шкале «фаталистическое настоящее». Результаты выше в группе осужденных более старшего возраста. Они более воспринимают свое прошлое как неприятное, полное разочарований, но принимают его как опыт и считают, что прошлое привело к их сегодняшнему положению, строят планы на будущее. При

этом настоящее видится им независимым от воли, изначально predetermined, а личность – подчиненной судьбе.

По шкалам «негативное прошлое», «гедонистическое настоящее», «позитивное прошлое» и «фаталистическое настоящее» выявлены значимые различия на уровне $p \leq 0,01$ между группами респондентов в возрасте от 25 до 30 лет и от 50 до 60 лет. По этим шкалам показатели выше в группе осужденных в возрасте от 50 до 60 лет.

Между группами респондентов в возрасте от 31 года до 39 лет и от 40 до 49 лет выявлены значимые различия по шкалам «негативное прошлое», «фаталистическое настоящее», «позитивное прошлое» ($p \leq 0,01$). Таким образом, в возрасте после 39 лет осужденные, возможно, если и оценивают свое прошлое негативно, способны принимать его с точки зрения приобретения опыта.

По всем шкалам, кроме шкалы «будущее», выявлены значимые различия между группами в возрасте от 31 года до 39 лет и от 50 до 60 лет. В последней группе показатели по указанным шкалам выше. Также по шкалам «негативное прошлое», «гедонистическое настоящее» и «трансцендентное будущее» показатели значимо выше ($p \leq 0,05$) у осужденных в возрасте от 50 до 60 лет по сравнению с группой от 40 до 49 лет.

Итак, показатели по всем шкалам, за исключением «будущее» и «трансцендентное будущее», выше в группе осужденных в возрасте от 50 до 60 лет, но они имеют меньше целей и планов на будущее, в меньшей степени верят в жизнь после смерти.

Контрастные результаты по методикам «Временная перспектива личности» и «СЖО» в разновозрастных группах осужденных свидетельствуют о важности внедрения тестов в практику психологов ИК, так как появляются данные об их ментальных самопроекциях во времени и субъектной активности, специфичной для людей на разных возрастных этапах жизни.

По «Тесту мотивации достижения» результаты исследования представлены в таблице 19.

Таблица 19 – Средние значения по тесту «Мотивация достижения» в группах осужденных, различных по возрасту

Название шкалы / Возрастные группы	1. От 18 до 24 лет		2. От 25 до 30 лет		3. От 31 до 39 лет		4. От 40 до 49 лет		5. От 50 до 60 лет	
	Среднее	Ст. откл.	Среднее	Ст. откл.	Среднее	Ст. откл.	Среднее	Ст. откл.	Среднее	Ст. откл.
Избегание неудач	122	11,3	144,5**	17,6	143,3*	14,5	136,5	13,7	135,5	12,6

Примечание: знаком «**» обозначены различия на уровне $p \leq 0,01$; знаком «*» обозначены различия на уровне $p \leq 0,05$.

По данным таблицы 19 видно, что у представителей всех возрастных групп осужденных значения попадают в пределы от 76 до 164, а следовательно, можно сделать вывод о том, что у них доминирует стремление избегать неудачи. Это, на наш взгляд, связано с тем, что у представителей разных возрастных групп осужденных на низком уровне находятся значения по шкале «цели в жизни» теста СЖО.

Однако в работе со спецконтингентом надо учесть, что по мотивации имеются статистически значимые различия группы в возрасте от 18 до 24 лет с группами от 25 до 30 лет ($p \leq 0,01$), от 31 до 39 лет ($p \leq 0,01$), от 40 до 49 лет ($p \leq 0,05$), группы в возрасте от 25 до 30 с группой от 50 до 60 лет ($p \leq 0,05$).

Перейдем к анализу данных психодиагностики контрастных групп осужденных по критерию времени пребывания в исправительном учреждении. При анализе указанных данных осуществлялось деление респондентов на следующие группы:

- до 1 года пребывания в исправительном учреждении (56 человек);
- от 1 года до 5 лет (257 человек);
- от 6 лет до 10 лет (163 человека);
- от 10 лет до 15 лет (102 человека);
- свыше 15 лет (43 человека).

Результаты сравнения средних показателей жизнестойкости и ее компонентов среди выделенных групп представлены в таблице 20.

Таблица 20 – Средние значения по тесту «Жизнестойкость» в группах осужденных в зависимости от времени пребывания в исправительном учреждении

Шкалы	До 1 года	От 1 до 6 лет	От 6 до 10 лет	От 10 до 15 лет	Свыше 15 лет
Вовлеченность	38,3	38,0	39,8	35,4	33,7
Контроль	35,4**	32,1	36,5*	31,3	24,7
Принятие риска	18,8**	14,7	15,4*	14,2	10,6
Жизнестойкость	92,5**	84,8	91,7*	80,9	69,0

Примечание: знаком «**» обозначены различия на уровне $p \leq 0,01$; знаком «*» обозначены различия на уровне $p \leq 0,05$.

Данные, представленные в таблице 20, говорят о том, что между респондентами, которые отбывают срок один год, и респондентами, которые находятся в исправительном учреждении более 15 лет, имеются значимые различия ($p \leq 0,01$) по таким шкалам, как «контроль», «принятие риска» и «жизнестойкость». У осужденных, которые отбывают наказание более 15 лет, все показатели гораздо ниже, чем у тех, кто отбывает наказание менее года. В то же время нет значимых различий между осужденными контрастных групп по шкале «вовлеченность». Подробнее результаты, представленные в таблице 20, раскрыты в нашей публикации [30, с. 59].

Результаты, полученные по методике «Тест смысложизненных ориентаций», представлены в таблице 21.

Таблица 21 – Средние значения по шкалам «Теста смысложизненных ориентаций» в группах осужденных в зависимости от времени пребывания в исправительном учреждении

Шкалы	До 1 года	От 1 до 6 лет	От 6 до 10 лет	От 10 до 15 лет	Свыше 15 лет
Цели в жизни	32,5	31,7	31,9	35,2	30,3
Процесс жизни, интерес и эмоциональная насыщенность	25,7	29,8	29,3	32,3	29,3
Результативность жизни, удовлетворенность самореализацией	24,8	24,8	25,7	26,0*	22,5
Локус контроля – Я (Я – хозяин жизни)	20,8	23,1	20,6	24,4*	19,8
Локус контроля – жизнь, управляемость жизни	29,9*	27,6	25,6	27,1	27,5
Общий показатель осмысленности жизни	97,9	102,0	101,0	109,0*	97,5

Примечание: знаком «*» обозначены различия на уровне $p \leq 0,05$.

По данным таблицы 21 видно, что значимые различия наблюдаются по шкале «локус контроля – жизнь, управляемость жизни» ($p \leq 0,05$) между группой обследованных, находящихся в исправительном учреждении до года, и остальными группами спецконтингента. Это свидетельствует о том, что увеличение срока нахождения в ИК вырабатывает у осужденных убежденность в том, что человеку не дано в этих условиях свободно принимать решения.

Статистически значимые различия выявлены на уровне $p \leq 0,05$ между группами респондентов, пребывающих в колонии от 10 до 15 лет, и представителями иных групп по шкале «локус контроля – Я (Я – хозяин жизни)», «результативность жизни, удовлетворенность самореализацией» и «общий показатель осмысленности жизни». Это говорит о том, что они, приобретая пенитенциарный статус «долгосидельцев», воспринимают себя как опытных людей, которые должны демонстрировать соответствующую авторитетность.

Далее рассмотрим данные, полученные по методике «Индивидуально-типологический опросник», представленные на рисунке 7.

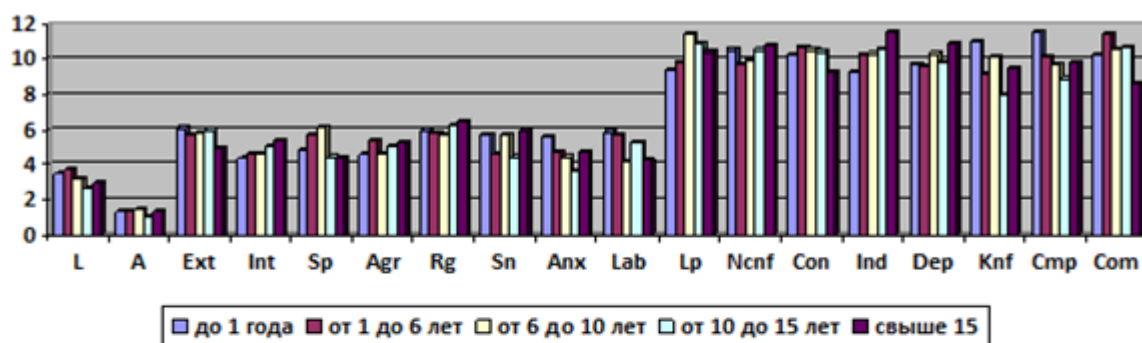

Рисунок 7 – Средние величины личностных характеристик осужденных с длительными сроками отбывания наказания в зависимости от времени пребывания в исправительном учреждении

Примечание: L – ложь; A – агрессивность; Ext – экстраверсия; Int – интроверсия; Sp – спонтанность; Agr – агрессивность; Rg – ригидность; Sn – сензитивность; Anx – тревожность; Lab – лабильность; Lp – лидерство; Ncnf – неконформность; Con – конфликтность; Ind – индивидуализм; Dep – зависимость; Knf – конформность; Cmp – компромиссность; Com – коммуникативность

Значимость различий по шкалам «тревожность» ($p \leq 0,05$), «конформность» ($p \leq 0,05$) и «компромиссность» ($p \leq 0,05$) выявлена между группами обследованных, находящихся в исправительном учреждении до года и от 10 до 15

лет. Показатели по указанным шкалам выше в группе осужденных, которые содержатся в колонии до года, т. е. они более склонны к тревожности, мнительности и боязливости, чаще способны изменять свое мнение под влиянием других категорий спецконтингента, идти на компромисс.

Между группами респондентов, находящихся в исправительном учреждении от года до 6 лет и от 6 до 10 лет, от 10 до 15 лет и свыше 15 лет, выявлены значимые различия по шкале «сензитивность» ($p \leq 0,05$). Наблюдается пилообразный тренд колебания отношений к окружающим, но при этом, как уточнено в индивидуальных беседах, всегда есть ориентация на авторитет более сильной или более пенитенциарно статусной личности. Данный вывод отчасти поясняется тем, что по шкале «зависимость» имеются статистически значимые различия между группами респондентов, находящихся в исправительном учреждении от 10 до 15 лет и свыше 15 лет на уровне $p \leq 0,05$, причем выше в последней. Кроме того, по шкале «коммуникативность» значимо выше ($p \leq 0,05$) показатели в группе респондентов, находящихся в колонии от года до 6 лет, по сравнению с группой осужденных, которые провели в исправительном учреждении свыше 15 лет.

Беседы с осужденными показали, что у лиц, находящихся в колонии от года до 6 лет, лучше проявляются качества, позволяющие осуществлять процесс живого общения, а у осужденных, отбывших в ИК свыше 15 лет, проявляется особый стиль взаимодействия, направленный на демонстрацию определенной отстраненности и субкультурно-формализованной ритуальности. Представляется важным, чтобы при взаимодействии с осужденными на разных этапах отбытия наказания сотрудники ИК учитывали выявленные особенности личностных характеристик осужденных.

По тесту «Шкала субъективного благополучия» выявлено, что наиболее часто показатели эмоционального дискомфорта встречаются в группах осужденных, находящихся в ИК от одного года до 6 лет ($p \leq 0,05$) и более 10 лет (от 10 до 15 лет – $p \leq 0,05$, а свыше 15 лет – $p \leq 0,01$). При этом в группе осужденных, находящихся в ИК от одного года до 6 лет, выше показатели по

кластерам «напряженность и чувствительность» и «психиатрическая симптоматика». Это может свидетельствовать о том, что в указанный период осужденных актуализируются такие состояния, как внутренняя дисгармония, страх, депрессивные и агрессивные состояния. В период нахождения в ИК более 10 лет выше показатели по кластерам «значимость социального окружения» и «самооценка здоровья», что свидетельствует о недоверии к окружающим, замкнутости, невозможности эффективно справляться со стрессовыми обстоятельствами.

В таблице 22 представлены результаты по методике «Уровень субъективного контроля».

Таблица 22 – Средние значения по методике «Уровень субъективного контроля» в группах осужденных в зависимости от времени пребывания в исправительном учреждении

Шкалы	До 1 года	От 1 до 6 лет	От 6 до 10 лет	От 10 до 15 лет	Свыше 15 лет
Общая интернальность	4,2	5,9**	5,2*	3,6	3,1
Интернальность в сфере достижений	5,4	6,1	5,9	5,2	5,6
Интернальность в сфере неудач	4,7	5,2	5,8*	4,3	3,9
Интернальность в сфере семейных отношений	3,9	5,4	6,2**	5,5	5,8*
Интернальность в сфере производственных отношений	3,6	5,7*	6,5**	5,1	5,2
Интернальность в сфере межличностных отношений	5,7	5,8	6,3	5,5	5,4
Интернальность в сфере здоровья	5,2	5,5	5,6	5,3	4,7
Самообвинение	6,5	7,3	6,9	7,1	7,4

Исходя из данных таблицы 22, можно говорить о том, что осужденные, находящиеся в ИК до года и свыше 10 лет могут отличаться ориентациями в сфере семейных и производственных отношений, приписыванием своих неудач и проблем внешним обстоятельствам. В то же время осужденные, находящиеся в ИК от года до 10 лет, более уверены в себе по сравнению с другими группами.

В таблице 23 представлены результаты по методике «Ценностный профиль личности» между группами осужденных в зависимости от времени пребывания в исправительном учреждении.

Таблица 23 – Средние значения по шкалам «Ценностного профиля личности» в группах осужденных в зависимости от времени пребывания в исправительном учреждении

Шкалы	До 1 года	От 1 до 6 лет	От 6 до 10 лет	От 10 до 15 лет	Свыше 15 лет
Власть	5,1*	4,7	4,8	4,5	3,0
Достижение	9,3	8,8	9,4	8,8	10,8
Гедонизм	6,1	6,3	7,2**	5,9	4,6
Стимуляция	6,7	6,6	6,8	7,1	6,0
Самостоятельность	11,7	10,8	11,2	12,4	13,0
Универсализм	13,8	12,6	14,6	14,8	15,8
Доброта	10,9	10,3	9,9	9,3	11,3
Традиции	7,0	7,8	8,5	8,4	9,0
Конформность	9,8	9,2	9,7	9,3	8,8
Безопасность	11,8	11,6	12,5	13,6	14,8*

Примечание: знаком «**» обозначены различия на уровне $p \leq 0,01$; знаком «*» обозначены различия на уровне $p \leq 0,05$.

По данной методике выявлено статистически значимое различие по шкале «гедонизм» ($p \leq 0,01$) между группами респондентов, находящихся в исправительном учреждении от 6 до 10 лет и свыше 15 лет. Выше показатель в группе осужденных, находящихся в колонии от 6 до 10 лет, т. е. для них в большей степени характерно удовлетворение после приобретения опытности по субкультурным реалиям колонии. Контрастное изменение по ряду показателей ценностного профиля личности в группе осужденных, находящихся в колонии свыше 15 лет (кроме шкал «гедонизм», «власть», «стимуляция», «комформность») свидетельствует о том, что при одновременном учете данных по группам спецконтингента по методике «Временная перспектива личности» (таблица 24), о специфике их жизнебытия, когда нахождение в ИК воспринимается как достаточно безопасное.

Результаты по методике «Временная перспектива личности» в группах осужденных, находящихся в исправительном учреждении различное время, представлены в таблице 24. Значимость различий выявлена по шкале «негативное прошлое» ($p \leq 0,05$) между группами респондентов, находящихся в исправительном учреждении до года и от года до 6 лет. В первой группе значение по данной шкале выше. Это характеризует большую степень неприятия осужденными собственного прошлого в начальный период отбывания наказания.

Рост значений по шкале «негативное прошлое» у осужденных в диапазонах от 6 до 10 лет и от 10 до 15 лет связано, на наш взгляд, с высказанным некоторыми из них в беседах мнением о возможных изменениях в судьбе в связи с часто происходящими в последние годы изменениями в УК РФ. В данном контексте понятным становится и определенная индифферентность осужденных, пребывающих в ИК свыше 15 лет. Этот вывод подкрепляется данными о том, что присутствует контрастность между группами респондентов, находящимися в исправительном учреждении до года, от 6 до 10 лет и от 10 до 15 лет, по шкалам «негативное прошлое» ($p \leq 0,05$), «гедонистическое настоящее» ($p \leq 0,05$) и «трансцендентное будущее» (соответственно $p \leq 0,05$ и $p \leq 0,01$). Все показатели соответственно выше в группе осужденных, находящихся в колонии от 6 до 10 лет и от 10 до 15 лет. Это означает, что они в большей степени не принимают собственное прошлое, которое для них полно разочарований, при этом из-за значительного времени нахождения в колонии «настоящее» видится оторванным от «прошлого». Они также в большей степени склонны верить в жизнь после смерти.

Таблица 24 – Средние значения по шкалам «Временной перспективы осужденного» в группах осужденных в зависимости от времени пребывания в исправительном учреждении

Шкалы	До 1 года	От 1 до 6 лет	От 6 до 10 лет	От 10 до 15 лет	Свыше 15 лет
Негативное прошлое	33,6*	25,6	39,6*	41,9**	32,0
Гедонистическое настоящее	41,6	43,8	53,8*	56,3*	51,0
Будущее	44,4	44,9	51,6*	51,4*	42,0
Позитивное прошлое	29,6	31,2	28,8	29,4	29,0
Фаталистическое настоящее	23,8	22,4	30,2	32,6*	25,0
Трансцендентное будущее	34,6	35,1	37,4*	41,3***	31,0

Примечание: знаком «**» обозначены различия на уровне $p \leq 0,01$; знаком «*» обозначены различия на уровне $p \leq 0,05$.

Между группами респондентов, находящихся в колонии до года и от 6 до 10 лет и от 10 до 15 лет, значимые различия выявлены по шкале «будущее»,

характеризующей наличие целей и планов на перспективу. Выявленный факт, как представляется, связан с ориентацией на возможное получение условно-досрочного освобождения.

Следует особо отметить, что для осужденных, находящихся от 10 до 15 лет в исправительном учреждении, характерно возникновение ориентации на «фаталистическое настоящее», а при сроке в ИК свыше 15 лет у осужденных «настоящее» видится оторванным и от «прошлого», и от «будущего». Учитывая, что осужденные этих групп в беседах нередко высказывались о независимости многого от воли человека, о необходимости подчиняться судьбе, можно поддержать вывод исследования В. Г. Рогача (2015), что более чем 10-летний период нахождения в условиях ИК вносит коренные неблагоприятные изменения в личность спецконтингента.

В таблице 25 представлены результаты теста «Мотивация достижения».

Таблица 25 – Средние значения по тесту «Мотивация достижения» в группах осужденных в зависимости от времени пребывания в исправительном учреждении

Название шкалы	До 1 года		От 1 до 6 лет		От 6 до 10 лет		От 10 до 15 лет		Свыше 15 лет	
	Сред нее	Ст. откл.	Сред нее	Ст. откл.	Сред нее	Ст. откл.	Сред нее	Ст. откл.	Сред нее	Ст. откл.
Избегание неудач	146,0*	11,2	143,0*	18,4	149,0**	16,5	119,0	14,4	115,0	12,7

Примечание: знаком «**» обозначены различия на уровне $p \leq 0,01$; знаком «*» обозначены различия на уровне $p \leq 0,05$.

По «Тесту мотивации достижения» показатели у первых четырех групп осужденных, имеющих разные сроки отбытия наказания, статистически не различаются, а учитывая, что их значение находятся в диапазоне до 164 баллов, можно констатировать, что у спецконтингента доминирует «стремление избежать неудачи».

В целом, обнаруженные тренды в трансформации личности осужденных с увеличением сроков отбытия наказания ориентируют на перспективность изучения проявлений у спецконтингента на разных этапах отбывания наказания в ИК психологических механизмов защиты и стратегий копинг-поведения.

По критерию признания вины в совершенном преступлении были выделены 3 группы респондентов:

- признали вину (352 человека);
- не признали вину (149 человек);
- признали вину частично (108 человек).

Данные по особенностям жизнестойкости в указанных группах представлены в таблице 26.

Таблица 26 – Особенности жизнестойкости в группах осужденных в зависимости от признания вины в совершенном преступлении

Шкалы	Признали вину	Не признали вину	Признали частично вину
Вовлеченность	39,7*	36,2	35,7
Контроль	32,8	35,4*	31,5
Принятие риска	14,0	17,5*	15,1
Жизнестойкость	86,5	89,1*	82,3

Примечание: знаком «*» обозначены различия на уровне $p \leq 0,05$.

Результаты, полученные по методике «Тест смысло-жизненных ориентаций», в зависимости от признания вины осужденными в совершенном преступлении представлены в таблице 27.

Таблица 27 – Средние значения по шкалам «Теста смысло-жизненных ориентаций» в группах осужденных в зависимости от признания вины в совершенном преступлении

Шкалы	Признали вину	Не признали вину	Признали частично вину
Цели в жизни	32,7*	31,8	28,6
Процесс жизни, интерес и эмоциональная насыщенность	29,7*	28,2	25,9
Результативность жизни, удовлетворенность самореализацией	25,7*	24,0	22,0
Локус контроля – Я (Я – хозяин жизни)	24,1*	24,4*	20,3
Локус контроля – жизнь, управляемость жизни	26,5	28,0	27,0
Общий показатель осмысленности жизни	102,0*	101,0	94,1

Примечание: знаком «*» обозначены различия на уровне $p \leq 0,05$.

По данным таблицы 27 видно, что у осужденных, признавших вину, выше практически все показатели осмысленности, за исключением «Локус контроля – жизнь, управляемость жизни». Представляется, что последнее связано с пенитенциарной субкультурой. Более подробная аргументация по контрастным различиям в выделенных группах представлена в публикации [36, с. 50].

Рассмотрим данные, полученные по методике «Индивидуально-типологический опросник» (рисунок 8).

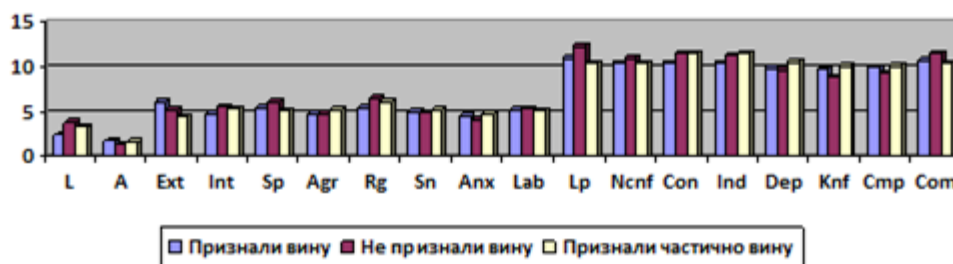

Рисунок 8 – Средние величины личностных характеристик осужденных с длительными сроками отбывания наказания в зависимости от признания вины в совершенном преступлении

Примечание: L – ложь; A – аггравация; Ext – экстраверсия; Int – интроверсия; Sp – спонтанность; Agr – агрессивность; Rg – ригидность; Sn – сензитивность; Anx – тревожность; Lab – лабильность; Lp – лидерство; Ncnf – неконформность; Con – конфликтность; Ind – индивидуализм; Dep – зависимость; Knf – конформность; Cmp – компромиссность; Com – коммуникативность

Анализируя данные, представленные на рисунке 8, отметим, что значимые различия выявлены по шкале «ригидность» ($p \leq 0,01$), показатели которой выше у осужденных, не признавших вину в совершенном преступлении, по сравнению с осужденными, признавшими вину в совершенном преступлении. Это может быть связано с тем, что осужденные, не признавшие вину, в большей степени могут характеризоваться сочетанием субъективизма интроверта с инертностью установок личности, склонной к подозрительности.

Между группами осужденных «не признавшие вину в совершенном преступлении» и «частично признавшие вину» выявлены значимые различия по шкалам «спонтанность» ($p \leq 0,05$) и «лидерство» ($p \leq 0,05$). Выше показатели у осужденных, не признавших вину в совершенном преступлении, так как для них в большей степени характерно рискованное самоутверждение, самостоятельность в принятии решений, коммуникативность и стремление быть «ведущими».

По тесту «Шкала субъективного благополучия» выявлено, что наиболее часто показатели эмоционального дискомфорта встречаются в группах осужденных, не признавших вину в инкриминируемом им преступлении ($p \leq 0,01$). Так, эмоциональный дискомфорт выявлен у 24,3 % осужденных, признавших вину в преступлении, у 36,4 %, признавших частично вину, и у 53,8 % осужденных, не признавших вину. В группе осужденных, не признавших свою вину, выше показатели таких кластеров, как «значимость социального окружения» и «удовлетворенность повседневной деятельностью». Можно говорить о том, что в основном у них отсутствует доверие к окружающим и они не удовлетворены своим нынешним положением.

Результаты по методике «Уровень субъективного контроля» представлены в таблице 28.

Таблица 28 – Средние значения по методике «Уровень субъективного контроля» в группах осужденных в зависимости от признания вины в совершенном преступлении

Шкалы	Признали вину	Не признали вину	Признали частично вину
Общая интернальность	5,3	5,8	4,3
Интернальность в сфере достижений	5,6	6,3	5,2
Интернальность в сфере неудач	5,1	5,6	4,7
Интернальность в сфере семейных отношений	6,2	5,7	5,8
Интернальность в сфере производственных отношений	5,9	6,1	5,4
Интернальность в сфере межличностных отношений	5,4	6,3	5,6
Интернальность в сфере здоровья	5,2	5,9	6,3
Самообвинение	5,4	4,2	5,1

По данным таблицы 28 видно, что значимых различий по уровню общей интернальности между указанными группами не выявлено. В то же время отметим, что осужденные, частично признавшие свою вину в совершенном преступлении, могут характеризоваться как менее уверенные в себе, тревожные и винящие обстоятельства и окружающих в происходящих с ними событиях.

В таблице 29 представлены результаты по методике «Ценностный профиль личности» по группам осужденных в зависимости от признания / непризнания вины в совершенном преступлении.

Таблица 29 – Средние значения по шкалам «Ценностного профиля личности» в группах осужденных в зависимости от признания вины в совершенном преступлении

Шкалы	Признали вину	Не признали вину	Признали частично вину
Власть	4,2	4,7	5,0
Достижение	8,8	9,8	10,7
Гедонизм	6,4	7,1	5,7
Стимуляция	6,5	7,0	6,5
Самостоятельность	11,2	12,1	11,9
Универсализм	14,5	15,0	14,0
Доброта	10,6	10,0	10,9
Традиции	9,0	8,0	8,6
Комформность	10,0	9,3	9,3
Безопасность	13,3	12,8	12,7

Значимых различий по методике «Ценностный профиль личности» между группами осужденных в зависимости от признания / непризнания вины в совершенном преступлении выявлено не было. Данный факт может свидетельствовать о том, что внешние высказывания о раскаянии осужденных за совершение тяжких уголовных преступлений могут быть формальными, а поэтому не влияющими на глубину изменений личности (см. также таблицу 27).

Результаты по методике «Временная перспектива личности» по группам осужденных в зависимости от признания вины в совершенном преступлении представлены в таблице 30.

Таблица 30 – Средние значения по шкалам «Временной перспективы осужденного» в группах осужденных в зависимости от признания вины в совершенном преступлении

Шкалы	Признали вину	Не признали вину	Признали частично вину
Негативное прошлое	32,6*	26,4	28,0
Гедонистическое настоящее	45,5	42,9	42,2
Будущее	40,1	43,7	49,8**
Позитивное прошлое	31,1	25,4	33,6**
Фаталистическое настоящее	25,8	23,7	20,6
Трансцендентное будущее	33,3	30,1	35,2

Примечание: знаком «**» обозначены различия на уровне $p \leq 0,01$; знаком «*» обозначены различия на уровне $p \leq 0,05$.

Анализируя полученные данные, отметим, что по шкале «негативное прошлое» выявлены значимые различия ($p \leq 0,05$) между группами осужденных, признавших вину и не признавших вину в совершенном преступлении. По этой шкале выше результаты у осужденных, признавших вину в совершенном преступлении, так как они в большей степени оценивают собственное прошлое как неприятное, полное разочарований.

Между группами осужденных, не признавших и частично признавших вину в совершенном преступлении, выявлены значимые различия по шкале «позитивное прошлое» ($p \leq 0,01$). Выше показатели у осужденных, частично признавших вину в совершенном преступлении, а следовательно, они в большей степени принимают собственное прошлое, но критичное восприятие негативного опыта способствует их просоциальному развитию.

По шкале «будущее» выявлены значимые различия ($p \leq 0,01$) между группами осужденных, признавших и частично признавших вину в совершенном преступлении, причем показатели выше у второй из сравниваемых категорий. Возможно, это связано с тем, что у осужденных, частично признавших вину, менее остро воспринимается «фаталистическое настоящее», но с одновременной большей мерой ориентации на «Трансцендентное будущее».

По «Тесту мотивации достижения» у осужденных получены следующие результаты (таблица 31).

Таблица 31 – Средние значения по тесту «Мотивация достижения» в зависимости от признания вины в совершенном преступлении

Название шкалы	Признали вину		Не признали вину		Признали частично вину	
	Среднее	Ст. откл.	Среднее	Ст. откл.	Среднее	Ст. откл.
Избегание неудач	131,0	16,8	137,0	13,2	154,0	12,4

По данным таблицы 31 видно, что у представителей всех выделенных групп значимых различий нет, а их баллы, попадая в диапазон до 164, свидетельствуют о доминировании у них стремления избегать неудачи. Подобное положение дел, думается, связано с пониманием спецконтингентом своей фатальности при длительном отбывании наказания, когда могут быть санкции как за чрезмерную просоциальную, так и субкультурную активность в ИК.

Итак, проведенный анализ по разноплановым критериям дифференциации осужденных на группы показал, что существует влияние особенностей длительности и неоднократности отбывания наказания, гендерных, возрастных и личностных характеристик на трансформацию у них жизнестойкости и ресурсного потенциала личности. Для определения влияния конкретных характеристик личности на жизнестойкость был проведен корреляционный анализ с применением коэффициента Пирсона [76].

На рисунке 9 представлены корреляционные связи между шкалами методик «Тест жизнестойкости» и «Тест смысложизненных ориентаций».

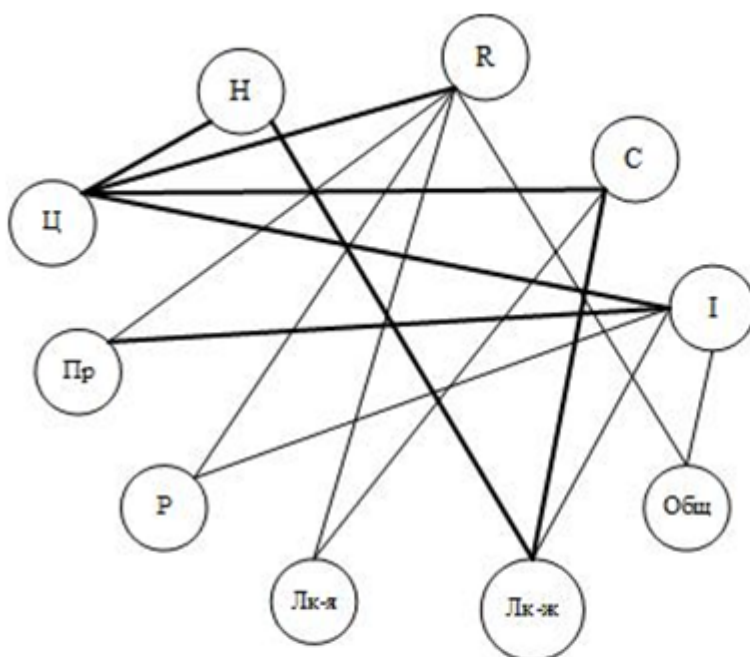

Рисунок 9 – Структурограмма корреляционных связей между шкалами методик «Тест жизнестойкости» и «Тест смысложизненных ориентаций»

Примечание: I – вовлеченность; С – контроль; Р – принятие риска; Н – жизнестойкость; Ц – цели в жизни; Пр – процесс жизни, интерес и эмоциональная насыщенность; Р – результативность жизни, удовлетворенность самореализацией; ЛК-Я – локус контроля – Я (Я – хозяин жизни); ЛК-Ж – локус контроля – жизнь, управляемость жизни; Общ – общий показатель осмысленности жизни

По рисунку 9 видно, что положительные корреляционные связи выявлены при $p \leq 0,01$ и $p \leq 0,05$ (представлены жирными и тонкими сплошными линиями соответственно) между практически всеми шкалами «Теста смысложизненных ориентаций» и шкалой «принятие риска» «Теста жизнестойкости», за исключением лишь шкалы «локус контроля – жизнь, управляемость жизни».

Также выявлены значимые положительные связи (при $p \leq 0,01$) между всеми шкалами «Теста жизнестойкости» со шкалой «цели в жизни», а значит, для жизнестойкой личности характерна осмысленность жизни и наличие целей в будущем.

Выявлена положительная корреляционная связь между шкалой «локус контроля – жизнь, управляемость жизни» и шкалами «контроль» и «жизнестойкость» (при $p \leq 0,01$), а также шкалой «вовлеченность» «Теста жизнестойкости» (при $p \leq 0,05$). В связи с этим можно говорить о том, что жизнестойкий человек ответственно занимается своей повседневной деятельностью и считает свою жизнь подвластной ему.

В целом, данные, представленные на рисунке 9, свидетельствуют о взаимосвязанности данных методик, а поэтому требуется учет смысловых характеристик личности для повышения жизнестойкости осужденных.

Корреляционная матрица выявленных связей при $p \leq 0,01$ и $p \leq 0,05$ между шкалами методик «Тест жизнестойкости» и «Индивидуально-типологический опросник» представлена на рисунке 10.

Как видим, на рисунке 10 имеется значительное количество положительных связей при $p \leq 0,01$ и при $p \leq 0,05$ между двумя методиками. Все компоненты жизнестойкости имеют положительные связи со шкалами «экстраверсия» и «коммуникативность» «Индивидуально-типологического опросника». Кроме того, отдельные компоненты жизнестойкости также имеют ряд значимых положительных корреляционных связей при $p \leq 0,01$ и $p \leq 0,05$, в частности «лидерство», «ригидность», «лабильность», «спонтанность».

Отрицательных корреляционных связей при $p \leq 0,01$ и при $p \leq 0,05$ (соответственно представлены жирным и тонким пунктиром) также выявлено значительное количество.

Большое количество корреляционных положительных связей выявлено между шкалами «Теста жизнестойкости» и «Ценностного профиля личности». (рисунок 11).

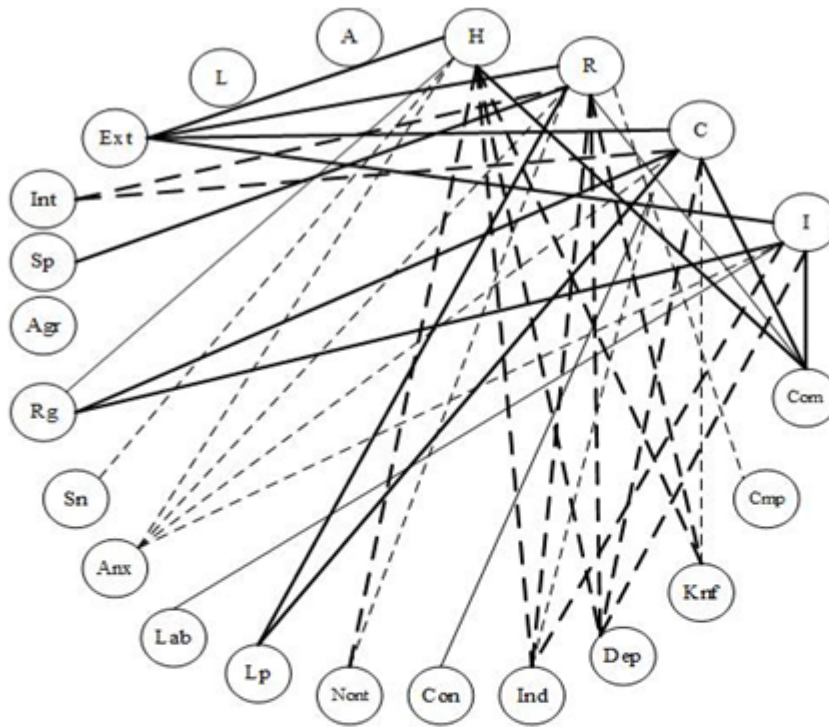

Рисунок 10 – Структурограмма корреляционных связей при $p \leq 0,01$ и при $p \leq 0,05$ между методиками «Тест жизнестойкости» и «Индивидуально-типологический опросник»

Примечание: I – вовлеченность; C – контроль; R – принятие риска; H – жизнестойкость; L – ложь; A – аггравация; Ext – экстраверсия; Int – интроверсия; Sp – спонтанность; Agr – агрессивность; Rg – ригидность; Sn – сензитивность; Anx – тревожность; Lab – лабильность; Lp – лидерство; Ncnf – неконформность; Con – конфликтность; Ind – индивидуализм; Dep – зависимость; Knf – конформность; Cmp – компромиссность; Com – коммуникативность

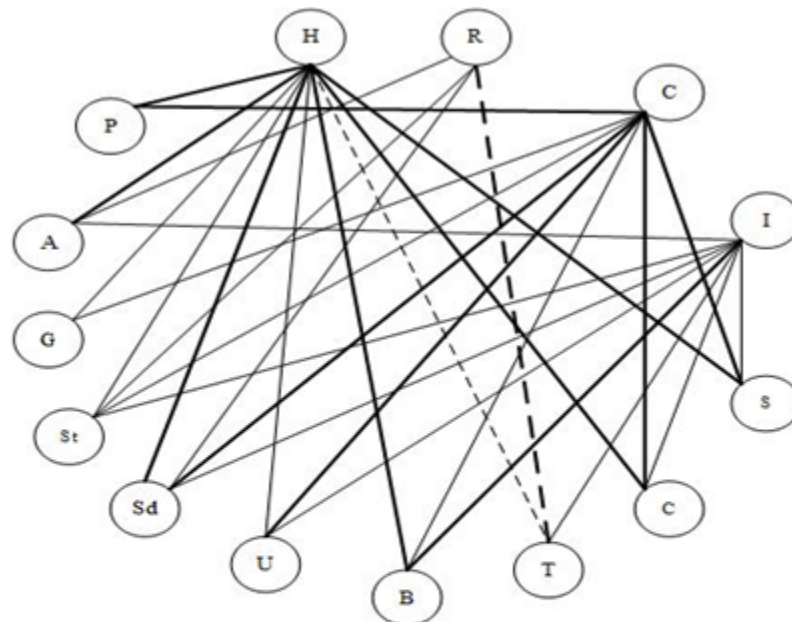

Рисунок 11 – Структурограмма корреляционных связей при $p \leq 0,01$ и при $p \leq 0,05$ между методиками «Тест жизнестойкости» и «Ценностного профиля личности»

Примечание: I – вовлеченность; C – контроль; R – принятие риска; H – жизнестойкость; P – власть; A – достижение; G – гедонизм; St – стимуляция; SD – самостоятельность; U – универсализм; B – доброта; T – традиции; C – конформность; S – безопасность

У шкалы «жизнестойкость» выявлены положительные корреляционные связи при $p \leq 0,01$ со шкалами «власть», «достижение», «самостоятельность», «доброта», «комформность» и «безопасность». Отрицательная связь ($p \leq 0,01$, $p \leq 0,05$) выявлена между шкалами «жизнестойкость», «принятие риска» «Теста жизнестойкости» и шкалой «традиции» методики «Ценностный профиль личности». Данные связи свидетельствуют о значительном влиянии на осужденных с длительными сроками отбывания наказания атрибутов криминальной субкультуры мест лишения свободы.

Корреляционная матрица выявленных связей между методиками «Тест жизнестойкости» и «Временная перспектива личности» представлена на рисунке 12.

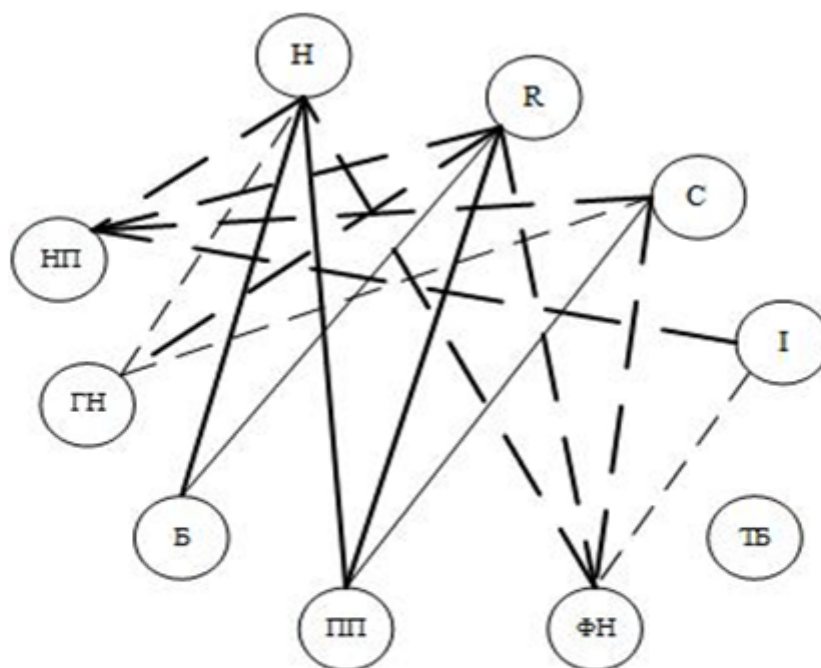

Рисунок 12 – Структурограмма корреляционных связей при $p \leq 0,01$ и при $p \leq 0,05$ между методиками «Тест жизнестойкости» и «Временная перспектива личности»

Примечание: I – вовлеченность; С – контроль; Р – принятие риска; Н – жизнестойкость; ФН – фаталистическое настоящее; НП – негативное прошлое; ГН – гедонистическое настоящее; ПП – позитивное прошлое; Б – будущее; ТБ – трансцендентное будущее

На рисунке 12 показано, что значимые положительные связи ($p \leq 0,01$) наблюдаются между шкалой «жизнестойкость» «Теста жизнестойкости» и шкалами «позитивное прошлое», «будущее» теста «Временной перспективы личности». Кроме того, положительные связи на уровне значимости $p \leq 0,01$ выявлены между шкалами «принятие риска» и «позитивное прошлое», а при $p \leq 0,05$ между шкалами «принятие риска» и «будущее», «контроль» и «позитивное прошлое». Это может говорить о том,

что у жизнестойкого человека есть планы и цели на будущее и он готов действовать для их достижения, в то же время он принимает свой прошлый жизненный опыт, каким бы он ни был.

Однако по рисунку 12 видно, что отрицательных корреляционных связей между методиками «Тест жизнестойкости» и «Временная перспектива личности» существует значительно больше.

На рисунке 13 представлены корреляционные положительные связи при $p \leq 0,01$ (жирные линии) и при $p \leq 0,05$ (тонкие линии) между методиками «Тест жизнестойкости» и шкалами «Теста мотивации достижения». Отрицательных связей между указанными методиками выявлено не было.

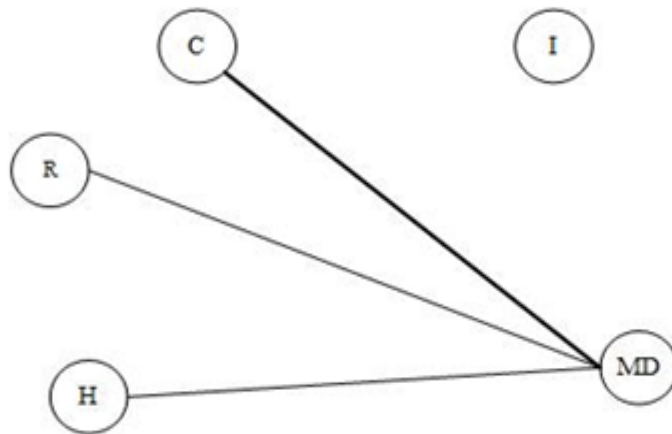

Рисунок 13 – Структурограмма корреляционных связей при $p \leq 0,01$ и при $p \leq 0,05$ между методиками «Тест жизнестойкости» и «Тест мотивации достижения»

Примечание: I – вовлеченность; C – контроль; R – принятие риска; H – жизнестойкость; MD – мотивация достижения

На рисунке 14 представлены выявленные корреляционные связи между методикой «Тест жизнестойкости» и «Уровень субъективного контроля». При этом видно, что положительные корреляционные связи при $p \leq 0,01$ выявлены между шкалой «контроль» и шкалами «общая интернальность», «интернальность в сфере достижений». Следовательно, высокие показатели по данным шкалам говорят о том, что такой человек берет ответственность за происходящие события на себя, считает, что на них можно оказывать влияние, и особенно это проявляется в субъективном контроле над позитивными событиями.

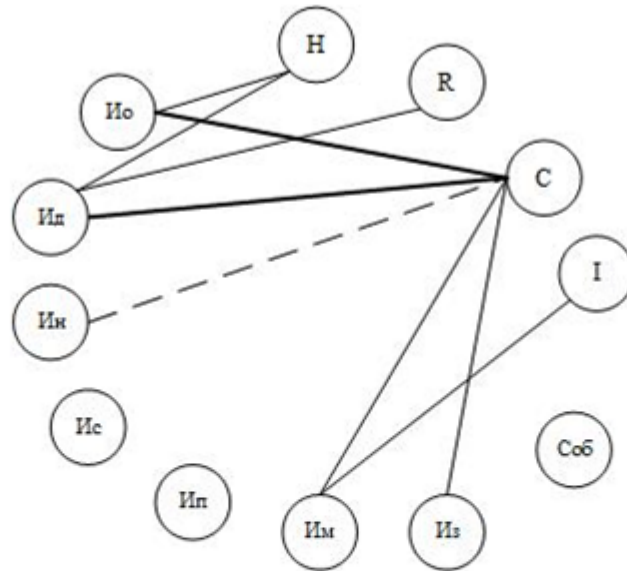

Рисунок 14 – Структурограмма корреляционных связей при $p \leq 0,01$ и при $p \leq 0,05$ между методиками «Тест жизнестойкости» и «Уровень субъективного контроля»

Примечание: I – вовлеченность; С – контроль; R – принятие риска; Н – жизнестойкость; Ио – общая интернальность; Ид – интернальность в сфере достижений; Ин – интернальность в сфере неудач; Ис – интернальность в сфере семейных отношений; Ип – интернальность в сфере производственных отношений; Им – интернальность в сфере межличностных отношений; Из – интернальность в сфере здоровья; Соб – самообвинение

Корреляционная матрица выявленных связей между методиками «Тест жизнестойкости» и «Шкала субъективного благополучия» представлена на рисунке 15. Существует корреляция на уровне $p \leq 0,01$ между шкалой «жизнестойкость» и «удовлетворенность повседневной жизнью».

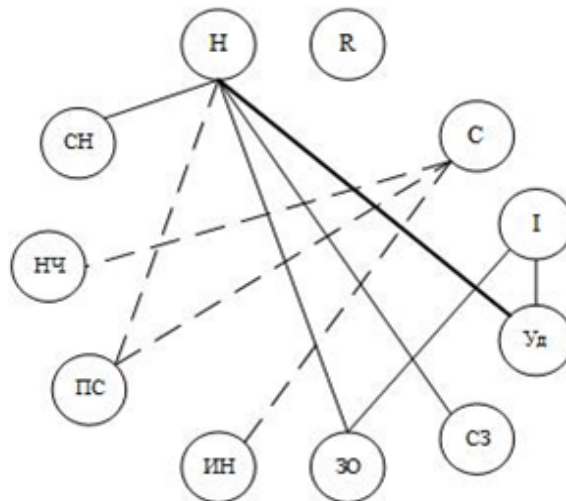

Рисунок 15 – Структурограмма корреляционных связей при $p \leq 0,01$ и при $p \leq 0,05$ между методиками «Тест жизнестойкости» и «Шкала субъективного благополучия»

Примечание: I – вовлеченность; С – контроль; R – принятие риска; Нч – жизнестойкость; напряженность и чувствительность, Пс – психоэмоциональная симптоматика; Ии – изменения настроения, Зо – значимость социального окружения, Сз – самооценка здоровья; Уд – удовлетворенность повседневной деятельностью

На рисунке 16 видно, что выявлено множество положительных корреляций ($p \leq 0,01$, $p \leq 0,05$), в частности шкала «жизнестойкость» коррелирует ($p \leq 0,01$) с такими шкалами, как «самоконтроль», «принятие ответственности», «планирование решения проблемы» и «положительная переоценка».

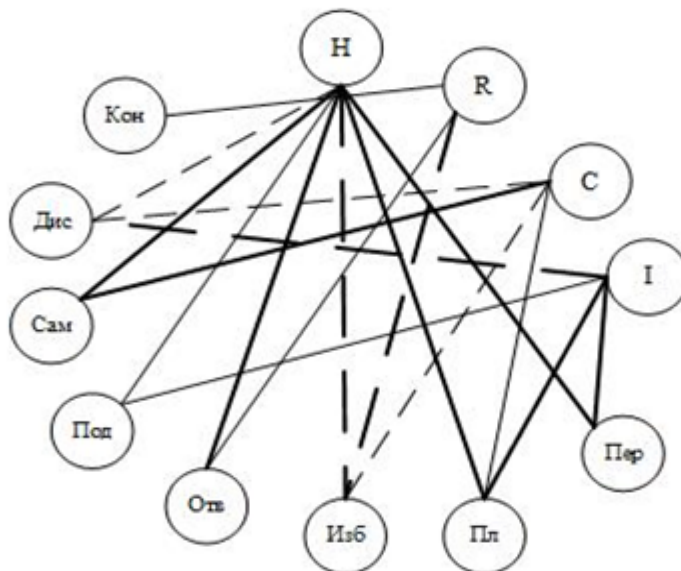

Рисунок 16 – Структурограмма корреляционных связей при $p \leq 0,01$ и при $p \leq 0,05$ между методиками «Тест жизнестойкости» и «Опросник способов совладания (копинг-тест)»

Примечание: I – вовлеченность; С – контроль; Р – принятие риска; Н – жизнестойкость; Кон – конфронтационный копинг; Дис – дистанцирование; Сам – самоконтроль; Под – поиск социальной поддержки; Отв – принятие ответственности; Изб – бегство-избегание; Пл – планирование решения проблемы; Пер – положительная переоценка

Шкала «жизнестойкость» «Теста жизнестойкости» положительно коррелирует ($p \leq 0,01$) со шкалами «отрицание» и «общий уровень психозащитного поведения» «Индекса жизненного стиля». Стоит отметить, что обследование по методике «Индекс жизненного стиля» и соотнесение полученных данных со шкалами «Теста жизнестойкости» показало большое количество отрицательных корреляций (рисунок 17).

В целом, приведенные данные по корреляционным связям между шкалами жизнестойкости и шкалами конкретных психодиагностических методик позволяют констатировать, что достаточно много связей существует прежде всего с направленностью личности осужденных. Это свидетельствует о важности выбора субъектного подхода и экзистенциально-гуманистической парадигмы в развитии компонентов жизнестойкости.

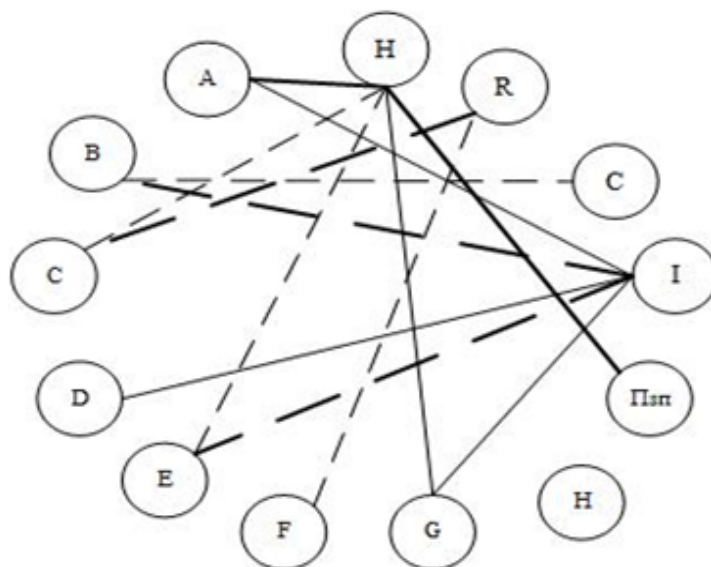

Рисунок 17 – Структурограмма корреляционных связей при $p \leq 0,01$ и при $p \leq 0,05$ между методиками «Тест жизнестойкости» и «Индекс жизненного стиля»

Примечание: I – вовлеченность; C – контроль; R – принятие риска; H – жизнестойкость; A – отрицание; B – подавление; C – регрессия; D – компенсация; E – проекция; F – замещение; G – рационализация; H – реактивные образования; ПзП – общий уровень психозащитного поведения

Далее был проведен факторный анализ на основе данных по расширенному комплексу психодиагностических методик: «Тест жизнестойкости», «Тест смысложизненных ориентаций», «Ценностный профиль личности», «Шкала субъективного благополучия», опросник «Уровень субъективного контроля», «Опросник способов совладания (копинг-тест)», «Индекс жизненного стиля». В итоге была получена факторная структура особенностей личности осужденных с длительными сроками лишения свободы в аспекте жизнестойкости, где проявилась роль пяти факторов (см. приложение И).

С учетом доминирования определенных показателей в каждом из факторов, приведенных в приложении И, они условно были названы нами следующим образом: Фактор 1 – «контролируемая жизнестойкость»; Фактор 2 – «оправданная жизнестойкость»; Фактор 3 – «протестная жизнестойкость»; Фактор 4 – «интенциональная жизнестойкость»; Фактор 5 – «властная жизнестойкость».

Остановимся подробнее на рассмотрении каждого из факторов, раскрыв содержание их наиболее значимых составляющих. Начнем с Фактора 1 – «контролируемая жизнестойкость» (таблица 32).

Таблица 32 – Фактор 1 – «контролируемая жизнестойкость» у осужденных к длительным срокам лишения свободы

Доминирующие шкалы из методик	Факторные веса
Вовлеченность (I)	,833
Контроль (С)	,844
Жизнестойкость (Н)	,848

По таблице 32 видно, что в составе Фактора 1 с наибольшими весами среди 52 показателей представлены данные по шкалам «вовлеченность», «контроль» и «жизнестойкость». Именно большая выраженность по ним препятствует возникновению у осужденных значительного внутреннего напряжения в сложных ситуациях за счет совладания с пенитенциарным стрессом. Осужденные считают, что вовлечение в то, что происходит, – это возможность получить новый опыт для личностного развития. По их мнению, возможность контролировать ситуацию положительно отразится на исходе ситуации. При высоком значении составляющих фактора они делают выбор в пользу своей деятельности, осознавая, что успех не всегда гарантирован, но при этом готовы брать на себя ответственность и планировать свое дальнейшее будущее.

Значимые данные по Фактору 2 – «оправданная жизнестойкость» – представлены в таблице 33.

Таблица 33 – Фактор 2 – «оправданная жизнестойкость» у осужденных к длительным срокам лишения свободы

Доминирующие шкалы из методик	Факторные веса
Достижение (А)	,776
Стимуляция (St)	,746
Универсализм (U)	,810
Доброта (В)	,783

Данные, представленные в таблице 33, показывают, что в фактор включены такие доминирующие шкалы, как «достижение», «стимуляция», «универсализм» и «доброта». Осужденные, которым присущи выраженные показатели по данному фактору, нацелены на личностный успех через проявление компетентности в

соответствии с социальными стандартами и активности в повседневном взаимодействии с окружающими. При этом осужденным также присуще стремление к новизне и глубоким переживаниям, пониманию, терпимости и благополучию.

Далее рассмотрим более подробно Фактор 3 – «протестная жизнестойкость» (таблица 34).

Таблица 34 – Фактор 3 – «протестная жизнестойкость» у осужденных к длительным срокам лишения свободы

Доминирующие шкалы из методик	Факторные веса
Отрицание (А)	,555
Рационализация (G)	,657
Реактивные образования (H)	,674

Как видно по таблице 34, фактор включает в себя такие доминирующие шкалы, как «отрицание», «рационализация», «реактивные образования». Осужденные, которым присущи выраженные показатели по данному фактору, игнорируют неприятную информацию. Это наглядно проявляется в общении, когда осужденный словно ее не слышит, отказывается воспринимать и принять. Как следствие, он избавляется от неприятных переживаний, так как вытесняет травмирующие воздействия и формирует вместо них прямо противоположные. Осужденные, использующие указанные защитные механизмы, отличаются склонностью к безопасности. Однако может иметь место и неспособность принятия решений, рассуждательство вместо действий, склонность к самообману и самооправданию.

Рассмотрим Фактор 4 – «интенциональная жизнестойкость», представленный в таблице 35.

Таблица 35 – Фактор 4 – «интенциональная жизнестойкость» у осужденных к длительным срокам лишения свободы

Доминирующие шкалы из методик	Факторные веса
Локус контроля – Я (ЛК-Я)	,455
Локус контроля – жизнь (ЛК-Ж)	,519

Данные таблицы 35 показывают, что фактор представлен доминирующими шкалами «Локус контроля – Я», «Локус контроля – жизнь». У осужденных, которым присущи выраженные показатели по данному фактору, существует представление о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями. Они считают, что человеку дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь. Но не будем забывать о том, что, говоря о человеке, который длительное время находится в условиях социальной изоляции мест лишения свободы, где колония для него – «дом родной», налицо стиль поведения, когда для поддержания статуса утверждение часто идет конфликтно.

Рассмотрим Фактор 5 – «властная жизнестойкость», представленный в таблице 36.

Таблица 36 – Фактор 5 – «властная жизнестойкость» у осужденных к длительным срокам лишения свободы

Доминирующие шкалы из методик	Факторные веса
Власть (Р)	,763

Как видно из таблицы 36, данный фактор представлен одной шкалой «Власть». Высокие значения характеризуют стремление осужденного к достижению социального статуса в колонии, а также престижа «долгосидельца», обеспечивающего доминирование и контроль над людьми и средствами. Для мест лишения свободы – это обычно поведение лидера отрицательной направленности, когда власть базируется на достижении доминантной позиции в тюремной среде и связана со статусным уважением, а путь ее достижения – на проявлении компетентности по атрибутам пенитенциарной субкультуры, лидерском, но часто манипулятивном взаимодействии с окружающими.

Таким образом, мы определили основные факторы и раскрывающие их содержательные характеристики личности, обуславливающие особенности жизнестойкости у осужденных с длительными сроками отбывания наказания. Далее перейдем к дифференциации данной категории спецконтингента с учетом гендерного признака. Для построения дифференциации осужденных по уровню

жизнестойкости и иным особенностям личности был проведен кластерный анализ, в рамках которого использованы данные, полученные по следующим методикам: «Тест жизнестойкости», «Тест смысловых ориентаций», «Индекс жизненного стиля», «Опросник способов совладания (копинг-тест)». Как следствие, по осужденным мужского пола и осужденным женского пола были получены группы кластеров, представленные соответственно на рисунках 18 и 19.

Рисунок 18 – Результаты кластерного анализа особенностей личности осужденных мужчин к длительным срокам лишения свободы в аспекте жизнестойкости

Как видно на рисунке 18, в результате кластерного анализа выделились три специфичные категории осужденных мужского пола, профиль которых включает в себя данные ряда шкал психодиагностических методик (таблица 37).

Данные таблицы 37 показывают, что в результате кластеризации было образовано три кластера, содержание которых позволяет охарактеризовать следующие типы осужденных мужского пола:

- Первый кластер, в силу включения в себя значимых данных по таким шкалам, как «жизнестойкость», «компенсация», «замещение», «подавление», «контроль», может быть условно-обобщенно назван *«отвлекающе-реагирующим типом осужденных»*.

- Второй кластер, в силу включения в себя значимых данных по таким шкалам, как «рационализация», «отрицание», «принятие ответственности», «конфронтативный копинг», «дистанцирование», «поиск социальной поддержки», «проекция», «положительная переоценка», «планирование решения проблемы»,

«самоконтроль», «бегство-избегание», «принятие риска», может быть условно-обобщенно назван *«субкультурно-реагирующим типом осужденных»*.

• Третий кластер, в силу включения в себя значимых данных по таким шкалам, как «локус контроля – жизнь, или управляемость жизни», «процесс жизни, интерес и эмоциональная насыщенность», «цели в жизни», «результативность жизни», «удовлетворенность самореализацией», «Я – хозяин жизни», «регрессия», «вовлеченность», «общий показатель осмысленности жизни», «реактивные образования», может быть условно-обобщенно назван *«ценностно-опосредованным типом осужденных»*.

Таблица 37 – Результаты кластеризации осужденных мужчин к длительным срокам лишения свободы

Кластеры	Шкалы методик	Наименование шкал
Отвлекающе-реагирующий	[Н]	Жизнестойкость
	[D]	Компенсация
	[F]	Замещение
	[B]	Подавление
	[C]	Контроль
Субкультурно-реагирующий	[G]	Рационализация
	[А]	Отрицание
	[Отв]	Принятие ответственности
	[Кон]	Конфронтативный копинг
	[Дис]	Дистанцирование
	[Под]	Поиск социальной поддержки
	[Е]	Проекция
	[Пер]	Положительная переоценка
	[Пл]	Планирование решения проблемы
	[Сам]	Самоконтроль
	[Изб]	Бегство-избегание
Ценностно-опосредованный	[R]	Принятие риска
	[ЛК-Ж]	Лocus контроля – жизнь, или управляемость жизни
	[Пр]	Процесс жизни, интерес и эмоциональная насыщенность
	[Ц]	Цели в жизни
	[Р]	Результативность жизни, удовлетворенность самореализацией
	[ЛК-Я]	Я – хозяин жизни
	[С]	Регрессия
	[I]	Вовлеченность
	[Общ]	Общий показатель осмысленности жизни
	[Н]	Реактивные образования

Приведем результаты кластерного анализа среди женщин, осужденных к длительным срокам лишения свободы, по указанным методикам (рисунок 19).

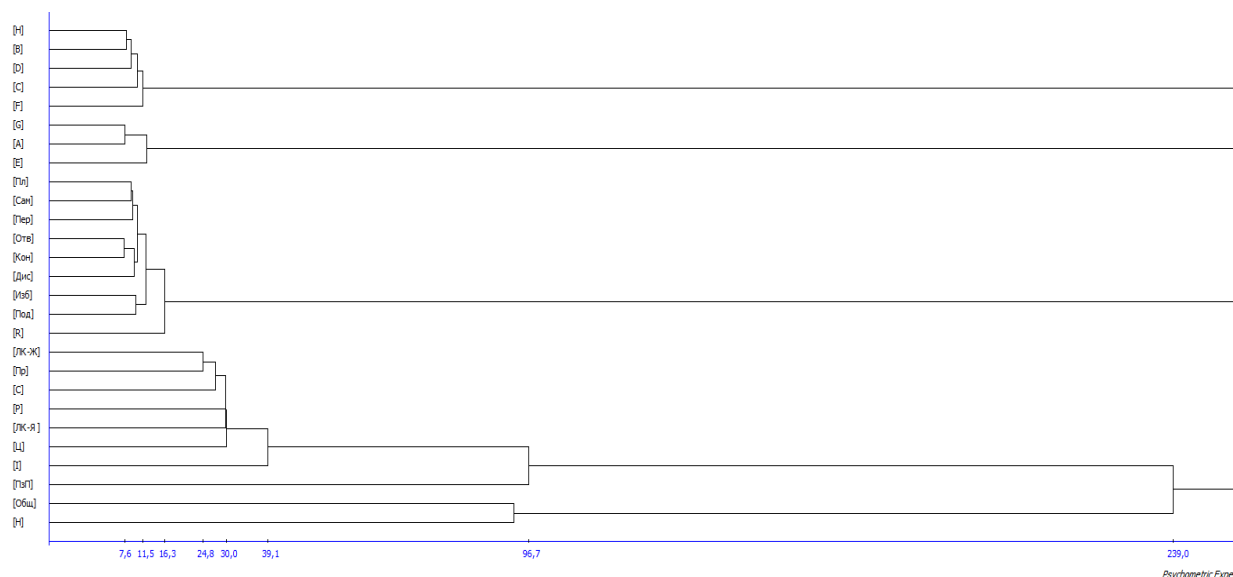

Рисунок 19 – Результаты кластерного анализа особенностей личности осужденных женщин к длительным срокам лишения свободы в аспекте жизнестойкости

Как видно на рисунке 19, в результате кластерного анализа выделились четыре специфичные категории осужденных женского пола, профиль которых включает в себя данные ряда шкал психодиагностических методик (таблица 38).

Из данных, представленных в таблице 38, видно, что в результате кластеризации было образовано четыре кластера, содержание которых позволяет охарактеризовать следующие типы осужденных женского пола:

- Первый кластер, в силу включения в себя значимых данных по таким шкалам, как «жизнестойкость», «компенсация», «рационализация», «контроль», может быть условно-обобщенно назван *«рационально-реагирующим типом осужденных»*.

- Второй кластер, в силу включения в себя значимых данных по таким шкалам, как «замещение», «подавление», «отрицание», «проекция», может быть условно-обобщенно назван *«рuminативно-реагирующим типом осужденных»*.

- Третий кластер, в силу включения в себя значимых данных по таким шкалам, как «планирование решения проблемы», «самоконтроль», «положительная переоценка», «принятие ответственности», «конфронтативный

копинг», «дистанцирование», «поиск социальной поддержки», «бегство-избегание», «принятие риска», может быть условно-обобщенно назван «*конфронтационно-реагирующим типом осужденных*».

- Четвертый кластер, в силу включения в себя значимых данных по таким шкалам, как «локус контроля – жизнь, или управляемость жизни», «процесс жизни», «интерес и эмоциональная насыщенность», «цели в жизни», «результативность жизни», «удовлетворенность самореализацией», «Я – хозяин жизни», «регрессия», «вовлеченность», «общий показатель осмысленности жизни», «реактивные образования», может быть условно-обобщенно назван «*ценностно-опосредованным типом осужденных*».

Таблица 38 – Результаты кластеризации осужденных женщин к длительным срокам лишения свободы

Кластеры	Шкалы методик	Наименование шкал
Рационально-реагирующий	[Н]	Жизнестойкость
	[D]	Компенсация
	[С]	Контроль
	[G]	Рационализация
Руминативно-реагирующий	[F]	Замещение
	[В]	Подавление
	[А]	Отрицание
	[Е]	Проекция
Конфронтационно-реагирующий	[Пл]	Планирование решения проблемы
	[Сам]	Самоконтроль
	[Пер]	Положительная переоценка
	[Отв]	Принятие ответственности
	[Кон]	Конфронтативный копинг
	[Дис]	Дистанцирование
	[Под]	Поиск социальной поддержки
	[Изб]	Бегство-избегание
	[R]	Принятие риска
Ценностно-опосредованный	[ЛК-Ж]	Лocus контроля – жизнь, или управляемость жизни
	[Пр]	Процесс жизни, интерес и эмоциональная насыщенность
	[Ц]	Цели в жизни
	[Р]	Результативность жизни, удовлетворенность самореализацией
	[ЛК-Я]	Я – хозяин жизни
	[С]	Регрессия
	[I]	Вовлеченность
	[Общ]	Общий показатель осмысленности жизни
	[Н]	Реактивные образования

Выявленное меньшее число типов осужденных по жизнестойкости в мужских колониях, как нам представляется, связано с большим влиянием криминальной субкультуры, требующей стереотипности в поведении. Данные по дифференциации и различиям в характеристиках личности осужденных мужского и женского пола важно учесть в обосновании научной модели повышения жизнестойкости и при реализации эксперимента по апробации психотехнологии воздействия на различные категории спецконтингента. Психологическая характеристика типов осужденных по жизнестойкости представлена в приложении К.

Итак, изложенное в настоящем параграфе, а также более расширенный анализ эмпирических данных в наших публикациях позволяет констатировать, что «жизнестойкость у осужденных к длительным срокам лишения свободы первоначально проявляется в форме состояния психологической готовности к преодолению трудностей в условиях исправительного учреждения, а далее может развиваться до интегрального образования личности, если идет речь об осмысленности и настойчивости в поведении, направленном на преодоление астенических переживаний и иных проблем. При субъектной активности в преодолении астенических переживаний, лиминальных состояний и различных личностных проблем жизнестойкость у осужденных может поддерживаться и при увеличении длительности отбывания наказания в условиях лишения свободы [34, с. 35]. Однако критичным в трансформации личности большинства осужденных как мужского, так и женского пола является длительность отбывания наказания более 10 лет. Эмпирическое исследование выявило наличие у 74,1 % обследованных осужденных, отбывших более 10 лет в колонии, резкое снижение жизнестойкости, в том числе в силу психовозрастных и иных кризисов.

Проведенные факторный и кластерный анализ позволили, с одной стороны, раскрыть взаимосвязь жизнестойкости у осужденных мужского и женского пола с конкретными личностными характеристиками, а с другой стороны, разработать в аспекте жизнестойкости типологии по осужденным мужского и женского пола, которые могут выступать ориентирами в воспитательной работе со

спецконтингентом при нахождении их на конкретном этапе длительного отбывания наказания.

2.2. Эксперимент по апробации психотехнологии повышения жизнестойкости у различных категорий осужденных

Особенности длительного срока отбывания наказания ориентируют на выбор для участия в эксперименте категорию осужденных со сроком отбытия более 10 лет в колонии. Им присуще стремление «обогнать» время, приблизить заветный день освобождения, подсчитывая оставшиеся годы, недели, дни. Нарастание тревожного ожидания – главная особенность состояния осужденного в указанный период. Результатом этого могут быть и деструктивные проявления, так как осужденные из-за длительной изоляции и конфликтов с окружающими могут накапливать агрессивность, подозрительность, недоверчивость, тревожность, пессимизм. В связи с этим при разработке программы эксперимента и обосновании его психотехнологии необходимы как разнообразие форм и методов воздействия для повышения уровня жизнестойкости осужденных, так и целенаправленность оказываемой им со стороны окружающих помощи в просоциальном развитии личности.

Реализация экспериментального исследования по повышению жизнестойкости у осужденных с длительными сроками отбывания наказания осуществлялась в несколько этапов: 1) подготовительный; 2) основной; 3) завершающий.

На подготовительном этапе с учетом результатов проведенного экспертного опроса сотрудников и эмпирического исследования с осужденными была обоснована модель повышения уровня жизнестойкости у разных типов осужденных, которые отбывают длительные сроки наказания в исправительном учреждении (см. приложение Д).

Основной этап включал в себя апробацию коррекционно-развивающей технологии, направленной на развитие жизнестойкости осужденных в рамках тренинга и через персональные пробы в решении возникших проблем в ИК.

Контроль изменений велся по комплексу психодиагностических методик, а также самоотчетам осужденных по изменениям психологического состояния личности и их психологического настроения в решении проблем, возникающих при длительном отбывании наказания в ИК.

На завершающем этапе осуществлялась оценка эффективности проведенной психокоррекционной и развивающей работы с осужденными на длительные сроки отбывания наказания. Были использованы данные психодиагностики по экспериментальной и контрольной группам, экспертные оценки сотрудников исправительного учреждения, а также осуществлен отсроченный анализ поведения осужденных, участвовавших в эксперименте (дисциплина, активность в учебе, труде, общественной жизни учреждения и др.) с целью объективного анализа действенности результатов воздействия.

Раскроем методолого-концептуальные аспекты программы эксперимента. При составлении программы обращено внимание на выявленные в проведенном нами эмпирическом исследовании индивидуально-психологические, социально-демографические и иные особенности осужденных, отбывших более 10 лет лишения свободы, специфику их поведения и взаимоотношений с представителями различных социальных групп (родственники, администрация исправительного учреждения, другие осужденные), типичные для мест лишения свободы трудные ситуации и возможности их преодоления в условиях отбывания наказания.

При определении содержания мероприятий программы мы придерживались концептуальных ориентиров С. Мадди в развитии жизнестойкости, а также индивидуально-дифференцированного подхода в психокоррекционной и тренингово-развивающей работе в отношении конкретных типов осужденных. Учитывалась позиция В. Г. Стуканова (1999, 2014), согласно которой при проведении психокоррекции с осужденными необходимо многопланово задействовать каналы воздействия, а также возможности использования направлений психологической помощи осужденным в самоисправлении и самовоспитании, обоснованные Г. В. Строевой [183] и Е. В. Петуховым [137]. В итоге среди средств воздействия были выбраны психотехники и приемы прежде

всего из логотерапии, рационально-эмотивной, поведенческой, гештальт- и арт-терапии, которые позволяют преодолеть психологические барьеры, опосредованные действием деструктивных психологических защит, эффективно осуществлять воздействия и способствовать развитию личности.

Процесс разработки и апробации коррекционно-развивающей программы повышения жизнестойкости у осужденных с длительными сроками отбывания наказания проходил в несколько стадий:

- 1) на первом этапе осуществлялось обоснование модели программы, разрабатывались цели и задачи;
- 2) на втором этапе происходил выбор методов и психотехник психологической помощи осужденным по развитию и повышению жизнестойкости;
- 3) на третьем этапе проводилась первичная психодиагностика;
- 4) на четвертом этапе осуществлялся формирующий эксперимент;
- 5) последний этап – контроль полученных результатов (входная и выходная психодиагностика по эксперименту, отсроченный контроль по объективным показателям субъектной активности).

На стадии обоснования модели и программы эксперимента, цель и задачи коррекционно-развивающей программы повышения жизнестойкости у осужденных с длительными сроками отбывания наказания формулировались с ориентацией на методологию субъектно-соучаствующего подхода в исправлении личности осужденного [144], а также на результатах проведенного исследования уровня и развитости составляющих жизнестойкости у осужденных с длительными сроками лишения свободы, с учетом специфики обращения со спецконтингентом.

Целью программы эксперимента являлось повышение жизнестойкости у осужденных с длительными сроками отбывания наказания и активности в просоциально-личностном росте. В соответствии с целью были поставлены следующие **задачи**:

- 1) мотивировать участников программы к активному включению в ее мероприятия и процесс повышения жизнестойкости, в том числе с проявлением субъектности в самоисправлении;

2) способствовать позитивному переосмыслению жизненных ценностей, осмыслению собственной жизни;

3) поиск ресурсов личности для реализации конструктивных стратегий копинг-поведения и преодоления плохо осознаваемых импульсивных реакций;

4) отработка осужденными способов повышения стрессоустойчивости в поведении с обучением их приемам самоуправления;

5) развитие у осужденных стремления и активности к личностному росту.

В основу программы был положен программно-целевой подход, учитывающий особенности жизнестойкости у конкретных типов осужденных с длительными сроками лишения свободы и ориентированный на подбор адекватного им комплекса психотехник и приемов воздействий, в том числе из лого-, рационально-эмотивной, гештальт-, арт-, поведенческой терапии. Особое внимание обращалось на ресурсы личности осужденного и преодоления им психологических барьеров, обусловленных наличием неконструктивных психологических защит, чтобы в итоге была субъектная активность в просоциальном изменении.

Коррекционно-развивающие воздействия на осужденных с длительными сроками отбывания наказания предполагали работу с определенными сферами личности, причем для решения следующих задач:

– на духовно-экзистенциальном уровне – содействие в переосмыслении осужденными своей жизни, деятельностном раскаянии и определении перспектив будущего с принятием ценностей просоциальной направленности, формирование правовых установок и нравственных чувств, повышение субъектной ответственности и др.;

– на когнитивном уровне – обеспечение самопознания и изменения восприятия осужденными трудных ситуаций, вызывающих негативные состояния, формирование позитивного «Я-образа» с учетом оценивания потенциалов личности, развития критичности по собственным убеждениям, имеющимся деструктивным механизмам психологической защиты и др.;

– на эмоционально-волевом уровне – эмоциональная поддержка со стороны психолога и участников тренинга, что способствовало устранению деструктивных эмоциональных реакций, а также шло обучение по овладению навыками самоуправления, формированию волевого настроя и проявлению целеустремленности, терпимости, стойкости и др.;

– на поведенческом уровне – обеспечение преодоления осужденными деструктивных стереотипных поведенческих паттернов и развитие просоциальных форм поведения, навыков эффективного общения, обучение конструктивным формам взаимодействия и др.

Реализация указанных задач осуществлялась через проведение групповой и индивидуальной форм коррекционно-развивающей работы, а также повышение ответственности и самостоятельности осужденного в решении проблем, возникающих при длительном сроке отбывания наказания.

На следующей стадии подготовки эксперимента подбирались необходимые для реализации поставленных целей и задач упражнения, методы и психотехники, составлялась программа тренинга и график проведения групповой и индивидуальной работы.

Перед проведением эксперимента на основе данных психодиагностики и субкультурно-пенитенциарных характеристик осуществлялся отбор осужденных в состав контрольных и экспериментальных групп с близкими характеристиками личности [34, с. 35]. Окончательное комплектование экспериментальных групп осуществлялось с учетом личного желания осужденных после встречи и беседы с ними. В рамках эксперимента были предусмотрены входная и выходная психодиагностика, а также отсроченный мониторинг по участникам эксперимента через 6 месяцев после проведения психокоррекционных занятий по объективным показателям.

Разработанная программа содержательно включала 15 групповых занятий: вводное занятие, 13 тематических и одно занятие по подведению итогов работы группы. Тематически занятия были направлены на формирование мотивации и развитие просоциальных убеждений у осужденных с длительными сроками

отбывания наказания, их настроя на повышение жизнестойкости в условиях исправительного учреждения с учетом личностного потенциала.

Групповая работа с осужденными реализовывалась по «модели постдиагностического тренинга-коррекции», обоснованной Б. Д. Парыгиным [153]. Целью проведения конкретных групповых психокоррекционных мероприятий являлось достижение более глубокого понимания участниками экспериментальной группы стрессовых ситуаций в ИК и путей совладания с ними, способов рефлексии и нахождения конструктивного решения проблем и выхода из трудных жизненных ситуаций, переоценки своих ценностей, приобретение смыслов, действенное ощущение авторства своей жизни. В связи с этим при составлении программы выбраны психотехники ряда авторов (А. Н. Баламута, И. В. Вачкова, Н. М. Волобуевой, М. В. Логиновой, М. А. Одинцовой, И. В. Стишенок, Н. Ю. Чернобровкиной, Е. Ф. Штефана и др.), которые оптимально подходили для воздействия на осужденных, включенных в экспериментальные группы.

В рамках запланированных по графику индивидуальных встреч с участниками экспериментальных групп была ориентация на учет личностных особенностей, доминирования у них определенных копинг-стратегий и психологических защит, на принятие новых жизненных ценностей на основе переосмысления собственной жизни, на проявление субъектной ответственности в выполнении персональных заданий по разрешению имеющихся жизненных трудностей, повышению активности в самовоспитании.

Критериями достижения поставленной цели в эксперименте выступили:

- ответственное участие осужденных в тренинге, выполнении групповых и персональных заданий;
- активность в самопознании и поиске ресурсов личности для преодоления сложных жизненных ситуаций, в осуществлении самовоспитания;
- изменение отношения к окружающим и взятие ответственности за события, происходящие в жизни, на себя;

- успешность применения участником экспериментальной группы полученных на тренинге знаний, навыков и умений в посттренинговый период в повседневной жизни и для личностного роста;
- повышение дисциплинированности и интереса к получению образования, профессии или квалификации в условиях ИК;
- позитивные отзывы о поведении участника тренинга и его психологическом настрое на просоциальный образ жизни после освобождению (от сотрудников ИК, родственников и др.).

В организационно-процессуальном плане программа реализована в ФКУ ИК-12 УФСИН России по Вологодской области. В эксперименте участвовало 48 осужденных мужского пола, которые находились в исправительном учреждении свыше 10 лет (по 24 человека в 2 экспериментальных и 2 контрольных группах). Работа с участниками эксперимента осуществлялась в 3 этапа:

1. Организационно-подготовительный: проводился отбор осужденных в состав контрольных и экспериментальных групп с близкими характеристиками, осуществлялась первичная психодиагностика, с участниками экспериментальных групп обсуждались цель и задачи тренинга, а также оглашались график и условия проведения групповых занятий, индивидуальных консультаций.

2. Коррекционно-развивающий: выполнялись упражнения, включавшие в себя проработку конкретных трудных ситуаций, свойственных местам лишения свободы, с формированием навыков их преодоления, велось развитие компонентов жизнестойкости, шло апробирование конструктивных стратегий поведения на основе персональных заданий и др.

3. Мониторинговый: велось отслеживание особенностей и уровня трансформации личности при помощи самоотчетов осужденных и комплекса валидных и надежных психодиагностических методик, а также был реализован отсроченный контроль эффективности эксперимента по объективным данным и экспертной оценке сотрудников колонии.

Подробнее результаты проведения программы представлены в нашей публикации [34, с. 33].

На вводном занятии в экспериментальных группах велась психодиагностика осужденных и проводилась беседа-дискуссия на тему «Психология жизнестойкости». С целью изучения актуального состояния жизнестойкости у осужденных с длительными сроками отбывания наказания и осуществления последующего контроля эффективности психокоррекционной программы было проведено первичное психодиагностическое обследование по следующим методикам: «Тест жизнестойкости»; «Тест смысложизненных ориентаций»; «Опросник способов совладания (копинг-тест)»; «Индекс жизненного стиля».

Проверка нормальности распределения эмпирических данных осуществлялась с использованием критерия Шапиро – Уилкса. В связи с тем что ряд показателей в группах значительно отклонялся от нормального распределения (см. приложение Л), для установления направленности изменений и их выраженности использовался непараметрический статистический Т-критерий Вилкоксона. На основании диагностических данных определялись ориентиры индивидуально-дифференцированного подхода в психологической работе по повышению жизнестойкости осужденных, причем с акцентами по групповой и индивидуальной работе с ними.

Групповые занятия проводились 2 раза в неделю в специально оборудованном кабинете для групповой психологической работы с осужденными в ИК-12 УФСИН России по Вологодской области.

На занятиях в экспериментальных группах применялись психокоррекционные техники, а также дыхательные техники, кинотерапия, музыкотерапия. Для совершенствования навыков самообладания, способности к принятию себя, развития самоуважения и чувства собственного достоинства в программу включены упражнения с метафорическими ассоциативными картами. Продолжительность занятий составляла от 2 до 2,5 часа. Каждое разработанное занятие имело свою целостную структуру и проводилось в аспекте всей серии коррекционно-развивающих мероприятий. Упражнения подобраны согласно характеристике участников групп и специфике их проблем (см. Приложение Е).

Каждое занятие имело следующий алгоритм:

- 1) приветствие;
- 2) опрос относительно самочувствия;
- 3) предложение темы занятия;
- 4) разминка;
- 5) основная (рабочая) часть:
 - информационный блок;
 - упражнения на отработку навыка;
- 6) подведение итогов, рефлексия занятия;
- 7) прощание.

На тематических занятиях применялись следующие формы повышения активности осужденных: индивидуальная работа, работа в мини-группах, групповая дискуссия, игровые методы, обсуждение видеоматериалов, анализ ситуаций, мозговой штурм, методы, направленные на развитие социальной перцепции, медитативные техники.

Индивидуальная работа с осужденными осуществлялась в форме диалогических бесед в кабинете пенитенциарного психолога. Для успеха в консультировании дополнительно исследовались факторы биографии осужденного, при первой встрече устанавливался психологический контакт и далее развивалась доверительность, чтобы выявить отношение к наказанию, уточнить жизненные ценности, цели и временные перспективы личности, в том числе после освобождения.

Раскроем целевую и содержательную стороны конкретных занятий в экспериментальных группах.

Первое занятие «Знакомство» способствовало созданию условий для более близкого знакомства участников, налаживанию диалогического общения через введение правил работы группы, постановку общих целей и задач по тренингу. Проводился ряд упражнений и игр на создание благоприятной психологической атмосферы и групповое сплочение.

Для изменений на когнитивном уровне были проведены следующие 3 занятия.

Занятие «Самопознание» было направлено на формирование и развитие установки на самопознание и саморазвитие, овладение навыками критического мышления. В процессе занятия использовались упражнения, способствующие развитию ряда личностно значимых качеств. В первую очередь внимание уделялось развитию рефлексии, эмпатии, критичности и гибкости установок. На занятии давались четкие разъяснения относительно того, как можно эффективно справляться с психологическими барьерами, мешающими полноценному самовыражению, рассматривались типы иррациональных суждений и пути их трансформации в рациональные.

Следующее занятие «Организация поведения в трудной жизненной ситуации» включало в себя информационный блок и упражнения, направленные на расширение представлений о типах трудных жизненных ситуаций, возможных видах поведения и последствиях их переживания.

Занятие «Работа над проблемой» было направлено на осознание ценностно-смысловых ориентиров, развитие умения понимать себя и других, знакомство с правилами конструктивного поведения. Проводились упражнения по повышению самооценки и позитивного отношения к себе и своим возможностям, формированию навыков произвольного контроля.

Для изменений на эмоционально-волевом уровне проводились следующие 3 занятия.

На занятии «Уверенность в себе» шло рассмотрение защитных механизмов психики, практическая отработка различных моделей поведения и эмоциональных состояний, на основе формирования умения управлять выражением собственных чувств и поиска необходимого для уверенности в себе внутреннего самоощущения по контрасту с агрессивными и неуверенными реакциями.

На занятии «Как достигать своих целей» обеспечивалось осознание участниками собственных мотивов, рассматривались основные составляющие и шаги к достижению цели. Участники учились правильно формулировать свои цели, через задания вырабатывать навыки, необходимые для формирования эффективных стратегий достижения целей.

Занятие «Регуляция эмоционального состояния» было направлено на формирование умения справляться с негативными эмоциями, а поэтому давались представления о сути и видах саморегуляции, шло развитие навыков регуляции эмоционального состояния. Осваивались способы саморегуляции, которые помогают человеку справляться с напряженностью, тревожностью, чувствовать себя более уверенно. Участники обучались различным техникам экспресс-регуляции эмоционального состояния, способам снятия напряжения и усталости, приемам работы с чувствами обиды, гнева, страха, печали.

Для изменений на поведенческом уровне отводилось следующих 4 занятия.

На занятии «Ресурсы личности» изучались возможные механизмы, лежащие в основе поведения человека, выявлялась специфика преодолевающего поведения, в том числе с использованием своих ресурсных компонентов личности. Проводились упражнения для создания позитивного образа будущего. На занятии рассматривались особенности жизнестойкого совладания.

На занятии «Вербальное и невербальное общение» раскрывались стратегии и тактики речевого общения, эффективные техники слушания и речевого общения (при сообщении негативной и иной информации), роль невербального общения (значение поз, жестов и др.).

В рамках занятия «Ассертивность и жизнь по собственному выбору» обращалось внимание на суть и соблюдение правил ассертивности, на отработку типичных ситуаций межличностных конфликтов, техник конструктивного отказа собеседнику, рассматривались методы и приемы убеждения. Кроме того, поднимались вопросы относительно способов повышения ответственности человека за то, что он думает, чувствует, за его поступки. Только чувство ответственности может дать шанс на то, что человек начнет жить осознанно и при этом полноценно. Ввиду этого все упражнения способствовали развитию у осужденных навыков понимания и конструктивного взаимодействия с людьми, противодействия манипулятивному поведению со стороны окружающих.

На занятии «Права и обязанности человека» освещались конкретные права и обязанности просоциальной ответственной личности. Описывали негативные

роли, в которые люди оказываются вовлеченными, и возможности проявления субъектности в различных социальных общностях.

Для того чтобы у осужденных происходили внутренние изменения, касающиеся духовно-экзистенциального развития, нами проводились 3 занятия.

На занятии «Самопринятие. Самоодобрение. Самоуважение» проводился анализ отношения к себе, своим успехам и неудачам, в том числе в колонии, велось групповое обсуждение и индивидуальный поиск оптимального жизненного сценария и своих «зон прочности».

Занятие «Позитивное мышление» было направлено на воссоздание адекватной самооценки и позитивного отношения к себе. Обсуждались возможности системного подхода и креативного решения проблем.

Занятие «Расширение системы целей и смыслов» было призвано обобщить информацию по направлениям укрепления жизнестойкости и расширить представления о своих ценностных приоритетах и актуальных способностях, обучить техникам самопомощи, помочь определить перспективные направления личностного развития.

На заключительном занятии, направленном на подведение итогов работы экспериментальных групп, проводилась психодиагностика жизнестойкости и иных характеристик личности осужденных, обсуждалась реализованность общей цели и задач тренинга, индивидуальные достижения, шло формирование у осужденных позитивного настроения на дальнейшее самовоспитание и личностный рост.

Следует особо отметить постоянную ориентированность занятий на важность ответственной работы осужденных по самосовершенствованию. Данная нацеленность укреплялась в рамках индивидуальных встреч с осужденными из экспериментальных групп, чтобы был настрой как на расширенное самопознание, на принятие себя, поиск смысла и изменение жизни, так и на реализацию персональных заданий-упражнений (например, по устранению фобий, развитию навыков саморегуляции и др.). Осужденным также рекомендовалось вести дневниковые записи, самостоятельно овладевать методикой библиотерапии и др.

Психологическая диагностика через 6 месяцев после проведения коррекционно-развивающих занятий была реализована с целью выявления тренда изменений во времени общего уровня жизнестойкости и ее компонентов. При этом одновременно была получена обратная связь относительно произошедших у осужденных личностных изменений. Кроме того, были опрошены сотрудники отделов (психологическая лаборатория, отдел по воспитательной работе с осужденными, оперативный отдел, отдел безопасности), непосредственно взаимодействующие с данными осужденными на предмет наблюдаемых изменений в поведении.

Результаты проведенной психодиагностики в контрольных и экспериментальных группах до, по итогам и спустя 6 месяцев после проведения эксперимента представлены в таблицах 39, 40, 41, 42.

Таблица 39 – Показатели осужденных по методике «Тест жизнестойкости» в контрольных и экспериментальных группах

Шкалы	Экспериментальные группы			Контрольные группы		
	До коррекции	После коррекции	Спустя 6 мес.	До коррекции	После коррекции	Спустя 6 мес.
Вовлеченность	32,86	35,84*	35,28	33,14	34,09	33,97
Контроль	23,41	27,21*	26,93	24,21	23,63	23,59
Принятие риска	10,58	11,26	11,04	11,72	11,54	11,48
Жизнестойкость	66,85	74,31*	73,25	69,07	69,26	69,04

Примечание: * при $p \leq 0,05$ (положительный сдвиг).

По таблице 39 видно, что после проведения психокоррекционных и тренингово-развивающих занятий у членов экспериментальных групп, по сравнению с представителями контрольных групп, получены значимые положительные сдвиги (на уровне $p \leq 0,05$) по трем шкалам методики «Тест жизнестойкости», кроме шкалы «принятие риска». Незрелость уровня по шкале «принятие риска», возможно, связано с тем, что осужденные в недостаточной степени готовы на этапе более 10 лет отбывания наказания строить рискованное поведение в пенитенциарно-субкультурной среде и в большей степени ориентированы на стремление к личной безопасности. Однако следует отметить,

что показатель «принятие риска» все-таки изменился в большую сторону, но статистически незначимо.

Таблица 40 – Показатели осужденных по методике «Тест смысложизненных ориентаций» в контрольных и экспериментальных группах

Шкалы	Экспериментальные группы			Контрольные группы		
	До коррекции	После коррекции	Спустя 6 мес.	До коррекции	После коррекции	Спустя 6 мес.
Цели в жизни	29,4	32,8*	33,2*	30,1	30,5	28,1
Процесс жизни, интерес и эмоциональная насыщенность	27,2	28,4	27,3	28,4	28,6	27,2
Результативность жизни, удовлетворенность самореализацией	22,1	23,5	23,2	22,7	21,1	20,2
Локус контроля – Я (Я – хозяин жизни)	19,5	22,3*	23,0*	20,3	19,3	18,4
Локус контроля – жизнь, управляемость жизни	26,8	30,2*	28,9*	25,4	25,7	24,6
Общий показатель осмысленности жизни	99,2	103,1*	102,8*	100,1	99,8	97,9

Примечание: * при $p \leq 0,05$ (положительный сдвиг).

Анализ данных, приведенных в таблице 40, позволяет отметить положительные сдвиги у членов экспериментальных групп по ряду параметров смысложизненных ориентаций: повысилась осмысленность жизни, представление о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, способной контролировать свою жизнь.

По данным таблицы 41 видно, что коррекционное воздействие позволило снизить у членов экспериментальных групп ориентацию на агрессивные проявления при затрудненных ситуациях и на избегание проблем. Кроме того, коррекционное воздействие позволило повысить контроль за своим поведением, стремление к самообладанию, целенаправленному анализу ситуации, ее положительному переосмыслению и возможных вариантов поведения.

Ряд из указанных положительных трендов просматривается и по данным участников экспериментальных групп по методике «Индекс жизненного стиля» (см. таблицу 42).

Таблица 41 – Показатели осужденных по методике «Опросник способов совладания (копинг-тест)» в контрольных и экспериментальных группах

Шкалы	Экспериментальные группы			Контрольные группы		
	До коррекции	После коррекции	Спустя 6 мес.	До коррекции	После коррекции	Спустя 6 мес.
Конфронтационный копинг	12	10	11	11	10	12
Дистанцирование	13	11	12	13	13	14
Самоконтроль	8	12*	13*	8	9	8
Поиск социальной поддержки	8	10	11	9	8	8
Принятие ответственности	6	8	7	7	6	5
Бегство-избегание	16	12*	11*	15	14	16
Планирование решения проблемы	11	14*	14*	10	10	9
Положительная переоценка	8	12*	11	9	8	7

Примечание: * при $p \leq 0,05$ (положительный сдвиг)

Таблица 42 – Показатели осужденных по методике «Индекс жизненного стиля» в контрольных и экспериментальных группах

Шкалы	Экспериментальные группы			Контрольные группы		
	До коррекции	После коррекции	Спустя 6 мес.	До коррекции	После коррекции	Спустя 6 мес.
Отрицание	55,2	72,3*	71,8*	59,7	56,3	55,4
Вытеснение	68,3	53,4*	55,2*	64,2	66,1	67,2
Регрессия	88,1	75,4*	75,9*	87,5	86,2	88,5
Компенсация	58,6	62,3	61,7	56,7	59,4	60,1
Проекция	72,2	64,2	65,3	69,0	78,5*	81,7*
Замещение	66,7	64,6	65,8	63,8	69,6	69,9
Рационализация	42,3	59,1*	60,3*	47,6	43,9	42,6
Реактивные образования	77,5	72,5	73,4	74,8	76,4	77,1

Примечание: * при $p \leq 0,05$ (положительный сдвиг)

В таблице 42 показано, что после реализации программы у членов экспериментальных групп произошли значимые различия по ряду психологических механизмов защиты, в том числе с определенным уходом от незрелого реагирования при возникновении проблем. В то же время кажется

непонятным, на первый взгляд, почему значимо изменились показатели по психологической защите «проекция» в контрольных группах. Считаем, что данный механизм психологической защиты является типичным реагированием для осужденных, длительно отбывавших наказание в «жестко контролируемой социальной организации», а исходя из полученных результатов видно, что его значения находятся в пределах нормы в экспериментальных группах, но значимо увеличились через полгода в контрольных группах (при $p \leq 0,05$).

В отношении значимого увеличения у членов экспериментальных групп такой психологической защиты, как «отрицание» (при $p \leq 0,05$), можно предположить, что это связано с постоянным сильным влиянием окружения в ИК и подавлением страха перед отрицательно направленным спецконтингентом.

Значимому увеличению показателя психологической защиты «рационализация» (при $p \leq 0,05$) и снижению показателей психологических защит «вытеснение» (при $p \leq 0,05$) у членов экспериментальных групп могли способствовать возникшие стремления осужденных переосмыслить свои негативные события жизни, подвергнуть травмирующие факторы интеллектуальному анализу. Психологическая защита «регрессия» снизилась, но осталась у осужденных на достаточно высоком уровне, что говорит о влиянии социально-психологической обстановки в ИК строгого режима на стремление спецконтингента к безопасности, чтобы уйти от конфликтов в среде осужденных и заблокировать состояние тревожности.

В целом, испытуемые из экспериментальных групп по итогам участия в коррекционно-развивающей программе отметили, что «им были полезны проведенные занятия, так как помогли ощутить себя более уверенными и оптимистичными, отстраниться от астенических переживаний, окружающей обстановки и посмотреть по-другому на себя и на мир. У испытуемых снизились аутодеструктивные и агрессивные побуждения, повысились осмысленность жизни и доверие к окружающим» [34, с. 35]. Благодаря участию в эксперименте, направленном на повышение уровня жизнестойкости, у осужденных – участников экспериментальных групп возник настрой на конструктивное преодоление

возникающих трудностей в колонии и проявление субъектной активности в подготовке к просоциальной жизни на свободе. Получены также значимые различия у осужденных из экспериментальных групп при отсроченном наблюдении просоциальности их поведения (таблица 43).

Таблица 43 – Объективные показатели осужденных из контрольных и экспериментальных групп

Тип группы	Просоциальная активность (образование, работа и др.)		Количество дисциплинарных проступков	
	До эксперимента	После эксперимента (6 мес.)	До эксперимента	После эксперимента (6 мес.)
Экспериментальные	4	16	14	5
Контрольные	5	7	12	10

По таблице 43 видно, что среди осужденных из экспериментальных групп возросли просоциальные проявления и произошло снижение количества дисциплинарных проступков. Опрошенные в качестве экспертов сотрудники ИК также отметили такие позитивные трансформации в поведении осужденных, как рост ответственности, стремление получить образование, наладить взаимоотношения с семьей, построение конкретных планов на будущее и др.

Таким образом, повышение уровня жизнестойкости может реализовываться как целенаправленный процесс психологической помощи осужденным с длительными сроками отбывания наказания и повышения их активности как субъектов жизнедеятельности в условиях колонии. Реализованная по обоснованной нами модели коррекционно-развивающая программа доказала свою эффективность по осужденным мужского пола, более 10 лет отбывающих наказание в условиях исправительного учреждения.

Благодаря проведению групповых психокоррекционных и тренингово-развивающих мероприятий и индивидуальной работе произошло более глубокое понимание спецконтингентом стрессовых обстоятельств, стратегий совладания с ними, нахождение путей просоциального решения проблем и конструктивного выхода из трудных жизненных ситуаций, переоценка своих ценностей, приобретение смыслов, формирование жизнестойких убеждений и благодаря повышению субъектности действенное ощущение авторства своей жизни.

2.3. Рекомендации сотрудникам уголовно-исполнительной системы по учету и повышению жизнестойкости у осужденных с длительными сроками отбывания наказания

Результаты зарубежных и отечественных исследований жизнестойкости, проведенный опрос сотрудников исправительных учреждений, непосредственно взаимодействующих с осужденными, отбывающими длительные сроки лишения свободы, а также итоги проведенного нами исследования показывают, что недостаточный уровень жизнестойкости у спецконтингента и тренд ее снижения после 10-летнего отбытия наказания выражается в проявлении таких личностных характеристик, как агрессивность, депрессия, тревожность, неуверенность в себе, пессимизм, замкнутость и др. На фоне низкой жизнестойкости и непроявления осужденным настойчивости в преодолении многочисленных трудностей при длительном отбывании наказания в колонии возможна выработка выученной беспомощности и видение себя жертвой обстоятельств.

Учитывая, что достаточный уровень жизнестойкости способствует сохранению психического здоровья, позволяет управлять стрессовыми жизненными событиями и реагировать на них посредством использования эффективных стратегий совладания, которые способствуют превращению потенциально неблагоприятных обстоятельств в возможности для личностного роста, были разработаны рекомендации, позволяющие сотрудникам исправительных колоний строгого режима осуществлять программно-целевой подход в работе со спецконтингентом на разных этапах отбывания наказания.

При разработке рекомендаций были использованы материалы не только по теоретической, эмпирической и экспериментальной частям проведенного исследования, но и данные специально проведенных анкетирования сотрудников и фокус-групп с психологами и иными категориями личного состава, многие годы работающего с осужденными, отбывающими длительные сроки наказания.

В 2014–2018 гг. были проанкетированы 264 сотрудника (форма Анкеты экспертного опроса сотрудников пенитенциарных учреждений приведена в приложении В), которые проходят службу в исправительных учреждениях

Республики Бурятия, Республики Дагестан, Республики Коми, Красноярского края, Амурской, Белгородской, Брянской, Вологодской, Ивановской, Кемеровской, Кировской, Ленинградской, Нижегородской, Новосибирской, Орловской, Свердловской, Ярославской областей. В анкетировании принимали участие сотрудники отделов по воспитательной работе с осужденными, отделов безопасности, оперативных отделов, психологических лабораторий, центров трудовой адаптации осужденных, групп социальной защиты осужденных, медицинских частей, преподаватели школ и профессиональных училищ в колониях, которые непосредственно взаимодействуют с осужденными. Большинство опрошенных сотрудников имеют высшее образование (77,7 %), и многие работают в учреждении свыше 10 лет (38,3 %).

На поставленный в Анкете вопрос: «Следует ли повышать уровень жизнестойкости у осужденных с длительными сроками отбывания наказания?» – респонденты отвечали следующим образом (рисунок 20).

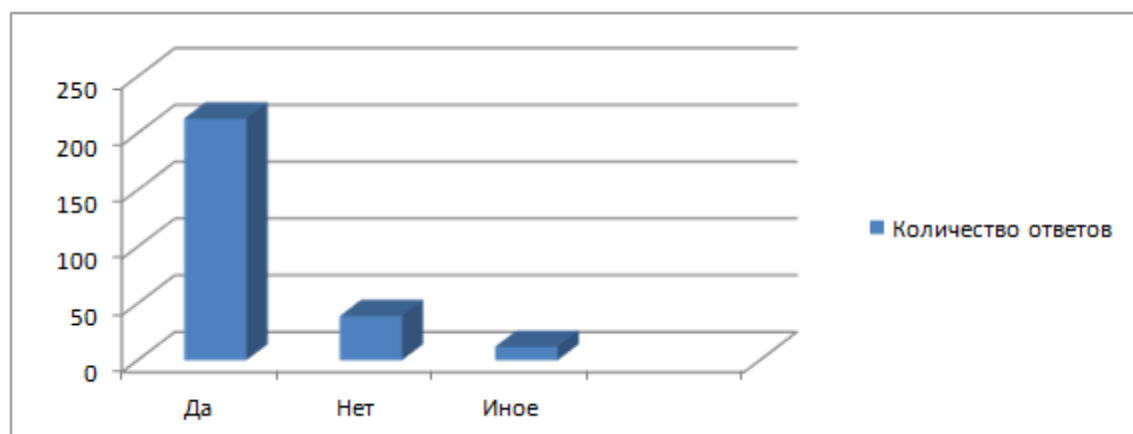

Рисунок 20 – Распределение ответов респондентов на вопрос: «Следует ли повышать уровень жизнестойкости у осужденных с длительными сроками отбывания наказания?»

На дополнительный вопрос: «Почему требуется повышать уровень жизнестойкости?» – сотрудники дали ответы, которые могут быть обобщены в следующие группы:

– ресоциализация («необходимо показывать осужденным их "нужность" в обществе и семье»; «чтобы было легче вернуться в общество»; «чтобы вернуть обществу полезного законопослушного гражданина»; «вернуть обществу

человека, способного преодолевать жизненные трудности без преступных деяний»; «если не повышать уровень жизнестойкости, то для чего выходить за пределы ИК? Окружающий мир через 10, 20 лет станет совсем другим»; «для уверенности в себе и в завтрашнем дне»; «осужденный после отбытия срока наказания должен вступить в общество уже подготовленным»; «осужденным надо помогать и воспитывать, чтобы после освобождения они были полноценными гражданами РФ»; «им необходимо будет адаптироваться к жизни после отбывания срока наказания»; «повышение жизнестойкости помогает в ресоциализации»; «для того, чтобы осужденные могли ориентироваться в обществе, сформировать установки на дальнейшую жизнь на свободе, правопослушный образ жизни»; «не нужно забывать, что осужденный – это временное явление, и необходимо готовить его к освобождению», «после освобождения хуже проходит процесс адаптации, если не повышать жизнестойкость»; «для достижения высокого уровня социальной адаптированности»; «для того, чтобы при выходе на свободу они смогли сориентироваться в изменениях, произошедших в обществе, и позаботиться о себе самостоятельно»; «чтобы лучше адаптироваться на воле после освобождения»; «предпосылка к успешной ресоциализации»; «для того, чтобы осужденные смогли адаптироваться к жизни вне колонии» и др.);

– предотвращение негативного влияния на личность длительности срока отбывания наказания («осужденные морально тяжело переносят длительные сроки»; «чтобы противостоять негативному влиянию со стороны отрицательно настроенной части осужденных»; «чтобы не было эмоциональных срывов»; «осужденные с длительными сроками более подвержены деструктивному поведению»; «чтобы противостоять негативному влиянию окружения, саморазвиваться»; «со временем и возрастом теряется (стирается) жизненная установка оптимизм, надежда на будущее, осужденный становится более уязвимым»; «человек замыкается в себе, перестает строить планы на будущее»; «так как, находясь с другими осужденными, у которых срок наказания меньше, в процессе общения с ними и видя их освобождение, он испытывает напряжение,

грусть и т. д.», «чтобы не "сломаться" в условиях изоляции»; «при длительном нахождении в местах изоляции многие теряют свои человеческие (положительные) качества, стирается индивидуальность»; «особые условия отбывания наказания и долгий срок пагубно влияют на психику осужденных»; «если не повышать уровень жизнестойкости, происходит деградация»; «наличие стресса, разлука с родственниками, неуверенность в будущем»; «большой срок отбывания наказания отрицательно влияет на социально полезные связи осужденного»; «так как у осужденного может произойти апатия, утрата интереса к жизни»; «так как за длительный период пребывания в исправительном учреждении могут быть потеряны социально полезные связи»; «чтобы противодействовали внешним отрицательным обстоятельствам»; «так как вовремя длительного срока вполне вероятно его (уровня жизнестойкости) снижение»; «снижение ресурсов и малое количество положительных эмоций приводят к истощению»; «осужденный со временем все острее чувствует недостаток домашнего тепла» и др.);

– предотвращение рецидива преступлений («снизить рецидив среди осужденных»; «для предотвращения рецидива преступлений»; «профилактика рецидива повторных преступлений»; «так как импульсивны и конфликтны»; «так как у осужденного не должно быть рецидива, а должно быть желание жить и работать на свободе» и др.);

– уменьшение риска аутодеструктивного поведения («так как осужденные с большими сроками более подвержены суициду и членовредительству»; «чтобы было меньше случаев суицида»; «профилактика суицидов»; «необходимость недопущения актов суицида»; «если у человека нет веры, нет цели, нет будущего, то его ничто не держит в этом мире» и др.);

– поиск смысла жизни («при лишении свободы на срок свыше 15 лет смысл существования у человека может теряться»; «осужденный такой же человек, как и мы все, только потерявший смысл своего пребывания на земле, а жизнестойкость поможет его обрести»; «жизнестойкость является дополнительным стимулом к какому-либо действию, возможность увидеть смысл в чем-либо»; «так как

человек, потерявший жизненные ориентиры, социально опасен»; «потому что осужденный потеряет веру в себя, смысл жизни, если не повышать»; «чтобы не падали духом»; «чтобы развить интерес к жизни» и др.);

– мнения в зависимости от профессионального функционала сотрудников («это залог стабильной, управляемой оперативной обстановки в исправительном учреждении»; «снизится риск пенитенциарных преступлений», «для улучшения психологического климата в коллективе»; «повысится эффективность воспитательной работы» и др.);

– другие варианты («большинство осужденных не приспособлены преодолевать жизненные трудности – легкий путь не всегда правильный»; «чтобы поднять самооценку»; «при отсутствии жизнестойкости воля к жизни упадет»; «чтобы изменить направленность личности»; «сохранение положительных личностных качеств»; «это формирует у осужденных важнейший механизм самосохранения» и др.).

Сотрудники, которые уверены, что не требуется повышать уровень жизнестойкости у осужденных (14,8 %), на дополнительный вопрос: «Почему Вы так считаете?» – высказали следующие мнения: «убийца и насильник должны быть жестко наказаны изоляцией»; «не имеет смысла, так как высокий уровень рецидива»; «каждый выбирает свой путь, и не надо в него вмешиваться»; «это или есть, или нет»; «осужденный сформировался как человек, и ему без разницы, будут ли повышать уровень жизнестойкости» и др.

В отношении варианта «иное» сотрудники дополнительно пояснили следующими комментариями: «в зависимости от желания осужденного»; «только у тех, кто твердо встал на путь исправления, а на остальных не стоит терять время» и др.

Отрицательное и «иное» мнение сотрудников ИК связано, как выяснено в индивидуальных беседах, с убеждением их в том, что осужденный с длительными сроками отбывания наказания часто является опасным преступником-рецидивистом, не поддающимся исправлению.

На вопрос: «Что оказывает положительное влияние на уровень жизнестойкости осужденных?» – сотрудники дали следующие ответы (см. рисунок 21).

Рисунок 21 – Распределение ответов респондентов на вопрос «Что оказывает положительное влияние на уровень жизнестойкости осужденных?»

Примечание: общее количество ответов превышает количество респондентов, так как разрешалось указывать не один вариант ответа.

Как видно из гистограммы на рисунке 21, большая часть сотрудников исправительных учреждений считают, что требуется активно взаимодействовать, прежде всего, с родственниками осужденных на длительные сроки, а также подключать к работе служителей конкретных конфессий. Родные и близкие люди осужденных, отбывающих длительные сроки лишения свободы, оказывают значимое положительное влияние на них, предоставляя поддержку, помогая не потерять смысл жизни.

На вопрос: «По Вашему мнению, какая возрастная категория осужденных, отбывающих длительные сроки лишения свободы, требует наибольшего внимания в психологическом обеспечении?» – сотрудники ответили следующее (рисунок 22).

На рисунке 22 видно, что, по мнению сотрудников, непосредственно взаимодействующих с осужденными, отбывающими длительные сроки лишения свободы, в обязательном сопровождении в первую очередь нуждаются осужденные в возрасте до 30 лет. В индивидуальных беседах сотрудники ИК,

работающие с осужденными женского пола, обратили внимание на специфику прохождения спецконтингентом кризиса среднего возраста.

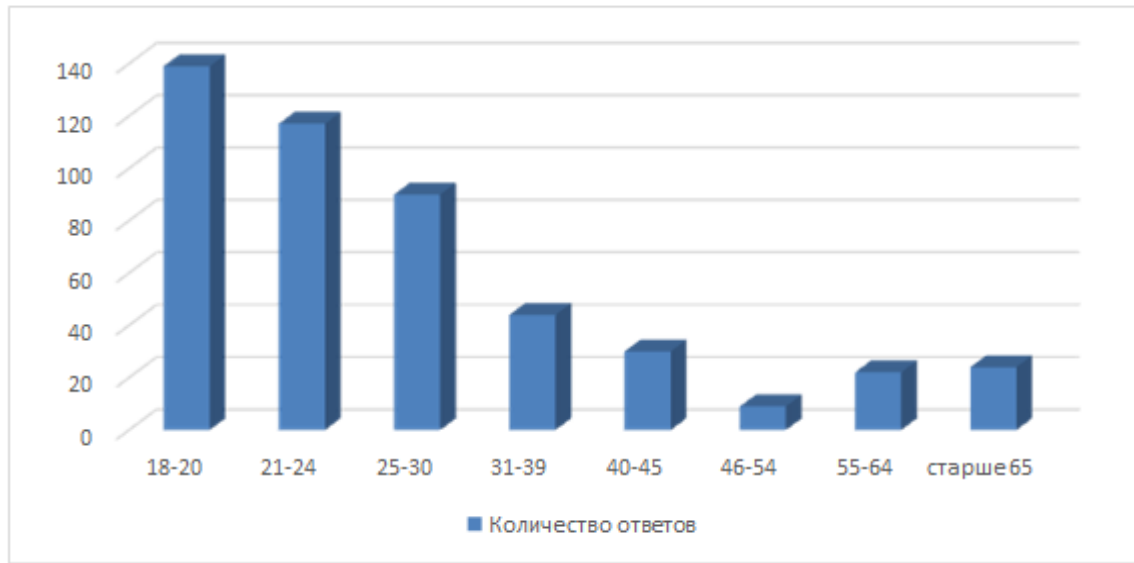

Рисунок 22 – Распределение ответов респондентов на вопрос: «По Вашему мнению, какая возрастная категория осужденных, отбывающих длительные сроки лишения свободы, требует наибольшего внимания в психологическом обеспечении?»»

Примечание: общее количество ответов превышает количество респондентов, так как разрешалось указывать не один вариант ответа.

Среди изменений, которые происходят с личностью осужденного при росте продолжительности времени пребывания в учреждении, сотрудники указали на положительные и отрицательные личностные изменения. К положительным личностным изменениям у осужденных (но у небольшой их части) сотрудниками были отнесены: осознание неправильного образа жизни на свободе; позитивный настрой на самоизменение; вера в Бога; спокойствие при провоцировании окружающими; становление более дисциплинированными.

Список отрицательных личностных изменений осужденных при длительном сроке отбывания наказания в условиях лишения свободы, по мнению сотрудников, гораздо больший: агрессивность; раздражительность; тревожность; нервозность; грубость; озлобленность; хитрость; изворотливость; черствость; жесткость; подозрительность; настороженность; недоверчивость; неуверенность в себе; замкнутость; апатия; равнодушие; безразличие; пессимизм; деградация

личности. Отмечается, что деструкции в развитии личности осужденных идут за счет пенитенциарной криминализации, приобретаются навыки агрессивного решения проблем и потребительское отношение к жизни. Также в индивидуальных беседах сотрудниками отмечено, что осужденные при длительном нахождении в условиях изоляции теряют смысл жизни, у них отсутствует инициатива, преобладает подавленное состояние, утрачиваются полезные умения и навыки. Осужденные с длительными сроками лишения свободы, по мнению сотрудников, становятся приспособленцами, у них отсутствуют четкие цели и планы на будущее, снижается самооценка, проявляется инфантилизм.

По мнению каждого второго из опрошенных сотрудников (54,5 %), наиболее важен в психологической работе период первых 6 месяцев отбывания наказания осужденным (рисунок 23). Указанный период они считают и наиболее трудным для осужденных на длительный срок лишения свободы.

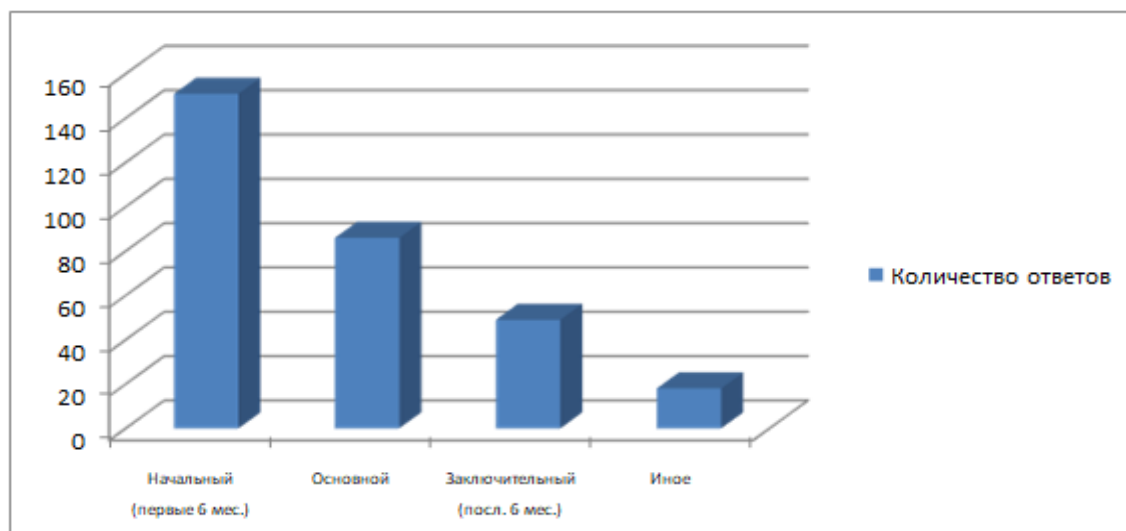

Рисунок 23 – Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какой этап отбывания наказания, по Вашему мнению, наиболее важен в воспитательной и психологической работе с осужденными?»

Примечание: общее количество ответов превышает количество респондентов, так как разрешалось указывать не один вариант ответа

С целью выяснения отношения сотрудников-психологов к изучаемой проблеме, определения направлений и возможностей расширенного

использования психотехник для повышения жизнестойкости применялся метод «фокус-групп» (Focus Group Interviews), впервые разработанный Р. Мертоном и Р. Кендаллом. Его модификация в соответствии рекомендациями С. А. Белановского [18] была применена среди сотрудников психологических лабораторий, непосредственно работающих с осужденными, отбывающими длительные сроки наказания (приложение Г). Проводилось обсуждение с высказыванием мнений психологами (2 группы по 10 человек) из разных ИК по специфике проявления и развития жизнестойкости в условиях лишения свободы. По итогам проводились систематизация и обобщение внесенных предложений, формулировались предложения и обсуждались пути их внедрения в работу психологических лабораторий исправительных учреждений.

Кроме того, проводилась фокус-группа с сотрудниками ИК-12 УФСИН России по Вологодской области по проблеме «Целесообразность применения программы постдиагностического тренинга-коррекции “Повышение уровня жизнестойкости у осужденных с длительными сроками отбывания наказания”» (приложение Ж) с целью разработки рекомендаций с учетом не только данных, собранных в нашем исследовании. В дискуссии приняли участие начальники отрядов, начальник и психологи психологической лаборатории, сотрудники отдела безопасности (10 человек). В рамках дискуссии было организовано обсуждение, сфокусированное на расширенном видении путей решения проблем осужденных.

Анализ результатов фокус-группы, проведенной на базе ФКУ ИК-12 УФСИН России по Вологодской области с сотрудниками, свидетельствует о том, что по актуальности целевого повышения жизнестойкости осужденных среди сотрудников выделились 2 полярные позиции. Сторонники первой (25,8 %) утверждали, что таким осужденным уже ничего не может помочь, они навсегда потеряны для общества. Сторонники же второй группы (74,2 %) считают, что с осужденными на длительные сроки отбывания наказания следует осуществлять серьезную психологическую и воспитательную работу.

Среди имеющихся проблем на сегодняшний день участники фокус-группы основными считают:

1) мотивация осужденных на правопослушное поведение, в том числе с выработкой у них такой позиции, что зарабатывать право на условно-досрочное освобождение нужно сразу после поступления в ИК;

2) противодействие растущим агрессивности и хитрости осужденных, вызванным приспособлением к условиям ИК при длительном отбывании наказания;

3) профилактика эскалирующей конфликтности среди осужденных;

4) принятие мер по блокированию снижающейся общей культуры и социальной компетентности осужденных;

5) изменение норм законодательства для того, чтобы не нарушались родственные связи при отбытии длительных наказаний;

6) способствование нахождению осужденными перспективных целей в жизни, чтобы не был потерян смысл исправления.

Учитывая данные нашего исследования и мнения сотрудников, непосредственно взаимодействующих с осужденными, которые отбывают длительные сроки наказания, можно говорить о необходимости проведения со спецконтингентом определенных мероприятий на различных этапах отбывания наказания.

На начальном этапе отбывания наказания (первые 6 месяцев) следует разнообразить мероприятия, направленные на ознакомление с основными требованиями к жизнедеятельности в процессе отбывания наказания, по ориентации в специфике работы отделов и служб (к кому и с какими проблемами обращаться), по адаптации личности к условиям исправительного учреждения, по побуждению к признанию вины и раскаянию, убеждению на примерах, что к ним сотрудники относятся с пониманием и желают им добра. В отношении данной категории спецконтингента актуально проводить комплексную психодиагностику с выявлением уровня жизнестойкости и ресурсов личности, отношения к совершенному преступлению и его жертве.

Сотрудникам различных отделов и служб необходимо способствовать восстановлению отношений осужденного с семьей, усилению просоциального влияния на них семьи и значимых родственников. Начальнику отряда следует проводить не только ознакомительные индивидуальные беседы с осужденными, но и способствовать тому, чтобы они не замыкались в себе или слепо следовали за «авторитетами». Эти беседы должны быть нацелены и на то, что «срок не вечный, и он закончится, а жизнь на этом не заканчивается». Предлагается шире включать осужденных в мероприятия по правовоспитанию, культурно-просветительные акции (лекции, конкурсы и др.), информировать о возможностях занятий спортом и поддержания здоровья при нахождении в исправительном учреждении.

Сотрудникам воспитательных отделов необходимо активнее вовлекать осужденных в общественную жизнь исправительного учреждения, ориентировать на трудозанятость (имеющуюся в учреждении и индивидуальную творческую) и образование (в частности, в заочно-дистанционной форме), привлекать в кружковую деятельность (занятия по интересам), к плановым занятиям физической культурой и спортом. Актуально привлечение к групповой и индивидуальной работе с осужденными представителей разных конфессий и специалистов гражданского общества, чтобы способствовать формированию позитивного мировоззрения и проявлению субъектной активности.

Сотрудники психологических лабораторий, подготавливая осужденных к отбытию длительного наказания в исправительном учреждении, должны проводить занятия с целью стабилизации их эмоционального состояния, нацеливать на выработку положительных планов на будущее, стараться мотивировать осужденного к законопослушному образу жизни; проводить мероприятия, направленные на развитие адаптационного потенциала личности, умения сдерживать себя, коммуникативных навыков; организовывать занятия по обучению противостоянию влиянию отрицательно направленных осужденных, способам ненасильственного разрешения конфликтов в условиях изоляции. Оказывать осужденному помощь в просоциальном самоопределении, мотивировать на поддержание социально полезных связей.

На основном этапе отбывания наказания, по мнению сотрудников и с учетом материалов нашего исследования, необходимо проводить следующее.

Сотрудникам оперативно-режимных подразделений и служб осуществлять контроль за поведением осужденных, в том числе уделять больше внимания лицам с криминальной направленностью личности и блокировать их влияние на осужденных. Необходимо отслеживать динамику исправления и немедленно реагировать на отклонения, всячески поощрять за хорошие поступки осужденных и поддерживать их положительный настрой.

Сотрудникам воспитательных отделов следует проводить индивидуальную и групповую воспитательную работу по вопросам профилактики конфликтов в отрядах, оказывать содействие в создании условий для хобби, организации досуга, чтобы поддерживать имеющиеся положительные качества у осужденных, прививать новые умения. Важно повысить просоциальную занятость осужденных (кружки по интересам, спорт, самообразование и др.), стимулировать их к труду, повышению общеобразовательного и профессионального уровня, вовлекать в общественную жизнь исправительного учреждения, чтобы развивать просоциальную направленность личности и ограничить влияние криминального контингента. Поддерживать положительные поступки осужденного, веру в справедливость, добро, формировать установки на правопослушный образ жизни после освобождения. Привлекать осужденных к участию в подготовке и проведении различных мероприятий (соревнований). Организовывать встречи с представителями религиозных конфессий и институтов гражданского общества. Воспитательно правильно применять меры поощрения и наказания к осужденным. Учить ответственности за свои поступки, принятию самостоятельных решений при затруднениях в колонии. В связи с этим целесообразны организация и проведение групповых бесед и диспутов, например, таких как «Осознание своих поступков», «Стремление к изменению себя».

Группе социальной защиты осужденных важно уделять внимание восстановлению социально полезных связей, а также осуществлять работу по их поддержанию и упрочнению, формировать жизненные и семейные ценности.

Необходимо проведение индивидуальных бесед, нацеленных на то, что у осужденного есть близкие люди, которые его ждут на свободе, а также оказывать помощь в поддержке иных социально значимых связей осужденным.

Сотрудникам психологических лабораторий нужно проводить психологический мониторинг трансформации личности, психологическое просвещение и тренинговые занятия, направленные на обучение навыкам эмоционально-волевой саморегуляции и диалогической коммуникации, осуществлять мероприятия по профилактике конфликтов. Для изменения ригидных установок формировать способности к целеполаганию и антиципации. Учить сочувствию, сопереживанию. Повышать стрессоустойчивость на основе обучения способам восстановления и использования ресурсов личности, в том числе на основе задействования конструктивных копинг-стратегий, способствующих более эффективному преодолению жизненных трудностей. Развивать стремление осужденных к самовоспитанию, самосовершенствованию. Возможно включение спецконтингента, вставшего на путь исправления, в тренинги личностного роста.

На заключительном этапе отбывания наказания (последние 6 месяцев) необходимо осуществлять психологическую подготовку осужденных к жизни на свободе, вовлекая в мероприятия по социальной реадaptации. Важно вселить в осужденных надежду, что у них получится законопослушно жить на свободе, если порвут с преступным миром, проявят личную ответственность и субъектную активность. Следует помочь осужденным определить их планы на будущее, обеспечивать поддержку в реализации социально значимых устремлений (связь с семьей, информирование по вопросам трудоустройства, проживания и т. д.).

Психологам учреждений важно помочь осужденным определить план (сценарий) жизни после освобождения и поддерживать психологический настрой на реализацию намеченного. В связи с этим надо приводить примеры осужденных, которые после освобождения смогли начать новую успешную жизнь. Внушать осужденному понимание того, что он нужен кому-то, что он может стать полноценным членом общества, проявив волю. Проведение

тренинговых занятий по образцам эффективного социального взаимодействия послужит повышению самооценки и отработке характеристик жизнестойкости. Целесообразна организация дополнительных индивидуальных консультаций по личным вопросам. Больше внимания надо уделять семейным ценностям, здоровью (как психическому, так и физическому).

Начальникам отрядов следует проводить занятия с осужденными, разъясняя правила поведения в обществе, нацеливая их на законопослушное поведение на свободе. Прививать понимание, что единственным источником дохода может быть лишь честный труд. Осуществлять усиленный контроль за поведением осужденного, готовящегося к освобождению, так как из-за значительного стресса в связи с предстоящим освобождением могут быть эмоциональные срывы и иные деструкции.

Сотрудникам отделов по воспитательной работе и сотрудникам группы социальной защиты важно вести групповые занятия с осужденными на темы «Жизнь в современной России», «Как ориентироваться в "новом" мире», «Семья и дом» и др. Кроме того, надо помочь осужденным в налаживании связи с родственниками, чтобы дать надежду осужденному, что он не потерянный для них и общества человек. Выяснять намерения осужденных после освобождения с трудоустройством и оказывать содействие в решении вопросов в трудовом и бытовом устройстве после освобождения. Целесообразна помощь освобождающимся в подготовке резюме, письма в трудовые организации и т. п., а также организация встреч с работниками биржи труда, городских убежищ.

В целом, следует отметить, что на всех этапах отбывания наказания важно активное взаимодействие сотрудников всех служб и отделов, работающих с данной категорией осужденных, в том числе с учетом рекомендаций психолога. На основе проведенного исследования можно выделить следующие направления и условия в ИК, способствующие развитию у осужденных на длительный срок отбывания наказания готовности и способности преодоления тюремного стресса и затрудненных ситуаций в колонии:

– усиливать взаимодействие между отделами исправительного учреждения, чтобы с учетом данных психологов реализовывался индивидуально-дифференцированный подход в обращении с осужденными;

– правильно укомплектовывать коллективы осужденных с учетом возраста, назначенного срока отбывания наказания, характерологических особенностей;

– обеспечить раздельное содержание положительно и отрицательно направленных осужденных, их изоляцию;

– развивать производство, открывать новые рабочие места, повышать трудовую занятость спецконтингента;

– расширять социально-правовую работу с осужденными, проводить культурные (конкурсы, КВН, концерты) и спортивные мероприятия, организовывать кружки по интересам (секции), разнообразить досуг, увлечения;

– обеспечить обучение востребованным после освобождения по месту жительства специальностям, повышение образовательного уровня, получение высшего образования осужденными в дистанционной форме;

– привлекать к занятиям с осужденными представителей различных общественных организаций и специалистов НКО;

– способствовать восстановлению и поддержанию социально полезных связей, с возможно более частым общением с родственниками, вовлечением их в воспитательный процесс;

– способствовать развитию осужденных духовно-нравственно, в том числе посредством мероприятий в тюремном храме (мечети и т. д.), в рамках встреч с заслуженными людьми, публичного обсуждения художественных книг и мемуаров, просмотра фильмов с тематической подборкой (документальные и др.);

– вести мониторинг трансформации личности осужденных в колонии, мотивировать их на изменение жизни, помогать им в преодолении трудностей, связанных с отбыванием длительного наказания;

– проводить тренинговые занятия по формированию навыков противостояния стрессам, развития самоконтроля, релаксации и бесконфликтного поведения, развивать чувства эмпатии и доброжелательности;

- проводить мероприятия по развитию конструктивных планов и целей, принятию новых ценностей, изменению дезадаптивных форм поведения на просоциальные;

- проводить обучение осужденных практическим навыкам в конкретных ситуациях, составление алгоритмов действий при различных обстоятельствах, создание условий для возможности преодоления сложных ситуаций;

- проводить тренинги личностного роста, повышения личностного потенциала для жизнестойкости и т. д.;

- создание отделений социально-психологической реабилитации и исправительных центров для осужденных внутри и на базе иных учреждений.

Реализация указанных направлений и условий потребует изменений организационно-правового характера, чтобы сотрудники были обучены и психологически готовы к воздействию на осужденных с целью профилактики деструкций их личности и сохранения жизнестойкости при длительном отбывании наказания в виде лишения свободы.

Изменения организационно-правового характера связаны с внесением коррективов в существующие ведомственные нормативные акты. В частности, для коррекции профессионального функционала психологов ИК необходимо внести изменения, с одной стороны, в приказ Минюста России от 12 декабря 2005 г. № 238 «Об утверждении инструкции по организации деятельности психологической службы уголовно-исполнительной системы», а с другой – в Алгоритм психологического сопровождения подозреваемых, обвиняемых, осужденных в учреждениях УИС России, так как востребованы реализация психологического мониторинга и развитие жизнестойкости спецконтингента. Для повышения компетентности сотрудников отделов и служб ИК в реализации индивидуально-дифференцированного подхода в обращении со спецконтингентом с учетом особенностей жизнестойкости на разных этапах отбывания длительного наказания необходимо внести дополнения в приказ Минюста России от 27 августа 2012 г. № 169 «Об утверждении Наставления по организации профессиональной подготовки сотрудников уголовно-

исполнительной системы», так как по результатам проведенного анкетирования и индивидуальных бесед с сотрудниками исправительных учреждений, непосредственно взаимодействующих с осужденными, отбывающими длительные сроки лишения свободы, установлено, что их компетентность в сфере понимания феномена жизнестойкости и работы по ее коррекции и развитию у осужденных недостаточна.

Выявленные в рамках фокус-групп с психологами недостатки при осуществлении ими профессиональной деятельности, связанные не только с затруднениями по работе с осужденными с длительными сроками отбывания наказания, но и с высокой нагрузкой на каждого психолога, нехваткой современного психотехнического инструментария, недостаточным уровнем оснащённости кабинетов для групповой психологической работы в учреждении, требуют уточнения на репрезентативной выборке данной категории специалистов, чтобы стать основой предложений по коррекции действующей нормативной правовой базы.

Крайне важным считаем проведение в рамках служебной подготовки лекционных и практических занятий, посвященных освещению исследований жизнестойкости, проведенных зарубежными и отечественными учеными, раскрытию ее особенностей у различных категорий спецконтингента, особенностям ее диагностики и превенции снижения, возможности психокоррекционного воздействия на различные группы осужденных с учетом жизнестойкости, в том числе более подробное раскрытие данных направлений на специальных занятиях по профподготовке в подразделениях у сотрудников психологических лабораторий. Многоплановое ознакомление их с особенностями жизнестойкости в зависимости от категории осужденных, отбывающих длительные сроки лишения свободы, важно для осуществления индивидуально-дифференцированного подхода в психологическом сопровождении, который способствует развитию и поддержанию у них жизнестойкости как интегрального образования личности.

Проведенное нами исследование позволяет сформулировать и конкретные рекомендации содержательного и методического характера.

Положительные результаты, выявленные по итогам проведения программы постдиагностического тренинга-коррекции «Повышение уровня жизнестойкости у осужденных с длительными сроками отбывания наказания», показывают перспективность ее расширенной реализации, а также целесообразности разработки дополнительных, более узких программ, направленных на возвышение потенциала личности разных категорий спецконтингента. При пенитенциарном стрессе в период длительного нахождения в изоляции у осужденного психологическая нагрузка кумулируется, и он может начать реагировать на нее и инфантильными личностными защитами. Иначе говоря, человек может «вернуться» в своем личностном способе организации психической жизни к более ранним этапам своего онтогенеза, что мешает строить ответственные отношения с окружающими. Поэтому важно способствовать тому, чтобы осужденные открыто говорили о личных проблемах и переживаниях, имели мотивацию к развитию потенциала жизнестойкости, ограничиваемого влиянием атрибутов пенитенциарно-субкультурной среды.

Для психологов психологических лабораторий исправительных колоний нами обоснована модель и разработана программа постдиагностического тренинга-коррекции «Повышение уровня жизнестойкости у осужденных с длительными сроками отбывания наказания». Кроме указанных в ней средств, в нее можно включать и иные упражнения из имеющихся наработок по тематике жизнестойкости. Актуальной является организация в период тренинга и индивидуальных заданий осужденному на самосовершенствование в зависимости от типа его личности и психологических ресурсов.

Реализация коррекционно-развивающего блока в программе должна вестись с учетом особенностей жизнестойкости у выявленных нами основных типов осужденных. Нами разделяется позиция В. Г. Стуканова (1999), который указывает, что пенитенциарному психологу в психокоррекционной работе необходимо опираться на следующие принципы:

1. Информированность участников (предварительная беседа о целях психокоррекции и т. д.);
2. Принцип добровольности;
3. Принцип психологического оптимизма (вера психолога в возможности осужденного к самоизменению);
4. Принцип уважения к осужденному (способствует доверию, искренности, снимает психологические защиты и барьеры в общении);
5. Принцип понимания душевного состояния осужденного (для подбора оптимальной технологии психокоррекционного воздействия).

При формировании психокоррекционной группы необходимо учитывать существующий у осужденных с длительными сроками отбывания наказания уровень развития жизнестойкости в целом и ее компонентов в отдельности, который определяется с помощью психодиагностических методик. Ориентация на данные диагностики и соблюдение указанных принципов, как показал наш эксперимент, позволяет развить компоненты жизнестойкости, выработать эффективные стратегии совладания, а в итоге помогает осужденному справляться с трудными жизненными обстоятельствами, брать на себя ответственность за свои поступки, конструктивно строить взаимоотношения с окружающими людьми.

Благодаря проведенному анкетированию и индивидуальным беседам с сотрудниками исправительных учреждений, которые непосредственно работают с осужденными, отбывающими длительные сроки отбывания наказания, нами были выявлены характеристики осужденных, которые оказывают проблемы в осуществлении полноценной комплексной работы с ними: криминализация, импульсивность, конфликтность, подозрительность, манипулятивность, скрытность, неспособность брать на себя ответственность, потеря социально полезных связей и социальной поддержки, низкий уровень образования, отсутствие желания получить образование и осуществлять профессиональную деятельность в исправительном учреждении. При этом те или иные характеристики могут усугубляться в зависимости от пола осужденного, пенитенциарного опыта, возраста и т. д. Указанное обуславливает необходимость

опоры на типологический подход в развитии компонентов жизнестойкости.

В методическом плане существует специфика психологической работы с разными категориями осужденных, которым предстоит отбывать длительный срок наказания в колонии. Поэтому в период нахождения осужденного в карантинном отделении необходимо не только осуществить комплексную психодиагностику, в том числе с выявлением особенностей жизнестойкости осужденного, но и вскрыть ресурсы его личностного потенциала. В случаях, когда осужденный поступает в учреждение неоднократно, то в карантинном отделении необходимо выявить, к какому типу по особенностям жизнестойкости он относится, чтобы сразу наметить его включение в состав соответствующей психокоррекционной группы и отразить это в индивидуальной психологической программе сопровождения.

Отметим, что все использованные в исследовании методики диагностики представлены в Psychometric Expert, что значительно упрощает и сокращает время обработки полученных данных. Основной методикой для изучения уровня жизнестойкости осужденных выступает «Тест жизнестойкости» (в адаптации Д. А. Леонтьева), который позволяет выявить показатели как по отдельным компонентам жизнестойкости, так и ее уровень в целом.

После проведения в карантинном отделении методики «Тест жизнестойкости» проведение дополнительной диагностики (методик, представленных в приложении А) можно продолжить после распределения осужденных в отряд. Представленная нами модель повышения уровня жизнестойкости осужденных базируется на использовании «Теста жизнестойкости» и таких методик (показавших наиболее значительные связи с феноменом жизнестойкости), как «Тест смысложизненных ориентаций», «Ценностный профиль личности», «Шкала субъективного благополучия», опросник «Уровень субъективного контроля», «Опросник способов совладания (копинг-тест)», «Индекс жизненного стиля». В целом, применение психодиагностического комплекса должно быть сориентировано и на раскрытие ресурсов личности осужденного, на которые предстоит опереться при проведении

групповых и индивидуальных психокоррекционных мероприятий, а также при организации их самостоятельной работы.

Крайне важным является изучение личных дел осужденных на длительные сроки отбывания наказания. При этом необходимо обращать внимание на данные, говорящие о наличии социально полезных связей и условиях жизни, сопровождавших формирование личности, уровне образования, постоянного места работы, склонности к употреблению психоактивных веществ, алкогольных напитков, курении. Компетентность по указанным данным будет крайне полезной при индивидуализации психологической работы с осужденными, будет способствовать выбору адекватных воздействий на компоненты жизнестойкости. Несомненно, важен учет пенитенциарного статуса и просоциальной активности конкретного осужденного при нахождении в ИК. Психологу при работе с осужденными с длительными сроками отбывания наказания важно владеть навыками антиманипулятивного поведения.

Психологическая помощь осужденным, отбывающим длительные сроки наказания, должна основываться на психотехниках, базирующихся на экзистенциально-гуманитарной парадигме, с тем чтобы повышать жизнестойкость, направляя осужденного (прежде всего с использованием метода логотерапии) на осознание себя как субъекта жизнедеятельности и проявление субъектной ответственности при разрешении разноплановых возникающих проблем. С целью снижения эмоционального напряжения, конструктивного преодоления трудностей и формирования просоциальной жизненной позиции необходима психологическая коррекция деструкций среди компонентов жизнестойкости, воздействие на характеристики личности, оказывающие на нее действенное влияние.

Стоит отметить, что также перед проведением групповых психокоррекционных занятий необходимо обязательное проведение просветительских мероприятий, направленных на формирование интереса, понимание важности тренинговых занятий. Важно получить согласие осужденного на участие в психологических мероприятиях.

Групповая форма воздействия на осужденных с длительными сроками отбывания наказания может осуществляться в рамках программы постдиагностического тренинга-коррекции «Повышение уровня жизнестойкости у осужденных с длительными сроками отбывания наказания», которая включает в себя 15 занятий. Важно включать в группы осужденных одного статуса. При формировании психокоррекционной группы также стоит учитывать возраст осужденных, желательно, чтобы не было большой разницы в возрасте (более 15 лет). Рекомендуемое время занятия 1–1,5 часа. Периодичность – не реже 1 раза в неделю. При этом группы подбирать желательно небольшие (8–12 человек), так как при обсуждениях (дискуссиях) можно не уложиться в отведенное время и эффект от психокоррекции будет минимальный.

При работе со всеми типами осужденных по жизнестойкости необходимо включать в групповую форму работы базовую информацию о жизнестойкости, возможностях управления стрессом, позитивных коммуникативных стратегиях, эффективном совладании, управлении конфликтами и решении проблем, о жизнестойкой практике здоровья (например, практику релаксационных техник и упражнений). Кроме того, надо акцентировать внимание на важности самовоспитания. Подчеркивать насколько жизнь человека по своей природе является стрессовой, и как жизнестойкость помогает противостоять этому и превращать стрессы в возможности личного роста, объяснять, что истинная жизнестойкость требует, чтобы человек взял на себя ответственность за свою собственную жизнь.

Индивидуальная работа с осужденными может проводиться как после групповых занятий, так и параллельно с ними с целью более подробного разбора и проработки информации, полученной на групповых занятиях по развитию жизнестойкости. Самостоятельная работа предусмотрена в качестве дополнительных персональных заданий, в том числе составление списка проблем и стрессовых обстоятельств, которые еще не решены. Необходима разработка самим осужденным письменного плана действий по преодолению сложных ситуаций в ИК, а также по подготовке к решению возможных проблем в будущем.

Отличительной чертой осужденных с длительными сроками отбывания наказания и низким уровнем жизнестойкости является то, что они не видят перспектив в своей жизни («поставили на себе крест»). Это актуализирует работу с ценностно-смысловой сферой таких осужденных, содействие поиску ими целей в жизни и смыслов, что будет способствовать им с большей вероятностью оправиться от неудач и не сдаваться при столкновении с разными потерями и трагическими событиями.

Отметим, что важным в работе по формированию жизнестойкости является поддержка осужденных в поиске социальной поддержки. Те, у кого есть или разовьются сильные сети социальной поддержки, лучше оснащены, чтобы оправиться от потерь или разочарований.

Для гуманизации обращения с осужденными, отбывающими длительные сроки наказания и имеющими деструкции в поведении, важно проводить мероприятия, направленные на повышение убежденности сотрудников исправительных учреждений в возможности исправления и данной категории спецконтингента. Сотрудникам исправительных учреждений необходимо развивать в себе такие качества, как самообладание, уважение личности осужденного, справедливость. Сотрудник должен проявлять заинтересованность в судьбе осужденного, стремление понять состояние осужденных в конкретных ситуациях при отбытии длительного наказания. Проявление сотрудником в обращении с осужденными тактичности, а также постоянная демонстрация в поведении того, что слова офицера не расходятся с делом, позволяют спецконтингенту уважать сотрудника и доверять ему личную информацию, прислушиваться к его советам.

Выводы по второй главе

1. Жизнестойкость у осужденных к длительным срокам лишения свободы первоначально проявляется в форме психологической готовности к преодолению трудностей в условиях исправительного учреждения, а в дальнейшем

жизнестойкость при росте осмысленности и настойчивости в поведении, направленном на преодоление астенических переживаний и иных проблем при отбытии длительных наказаний, может развиваться как интегральное образование личности.

2. Эмпирическое исследование позволило выявить наличие у 74,1 % обследованных осужденных, отбывших более 10 лет в колонии, разноплановых психологических кризисов. При этом кризис опустошенности возникает в ситуации, когда, несмотря на то, что человек сознает наличие у себя к данному времени значимых достижений, у него доминирует переживание, что для него нет привлекающих его в будущем конкретных целей. Кризис бесперспективности возникает в ситуации, когда в сознании слабо представлены потенциальные связи с событиями будущего («впереди ничего не светит»). Для многих осужденных характерно также сочетание характеристик кризисов психовозрастного, опустошенности и бесперспективности. Во внутреннем мире преобладают воспоминания прошлого, где у многих осужденных не было полноценной социализации, и они не видят реальных возможностей дальнейшей самореализации.

3. Выявлены различия в уровне жизнестойкости осужденных с длительными сроками отбывания наказания в зависимости от пола, возраста респондентов, пенитенциарного опыта, времени пребывания в исправительном учреждении, признания вины в совершенном преступлении. Проведены корреляционный, факторный и кластерный анализ, выявлена взаимосвязь жизнестойкости с разными личностными характеристиками. Разработана классификация осужденных с длительными сроками отбывания наказания в аспекте личностного потенциала жизнестойкости.

4. Проведение экспериментального исследования по разработке модели и реализации ее технологии развития жизнестойкости у осужденных с длительными сроками отбывания наказания осуществлялось в несколько этапов: 1) подготовительный; 2) основной; 3) завершающий. Коррекционно-развивающая программа, состоящая из 15 тематических занятий, способствовала формированию и

развитию компонентов жизнестойкости у осужденных, более 10 лет отбывающих наказание в условиях исправительного учреждения. Целью проведения групповых психокоррекционных мероприятий являлось достижение более глубокого понимания стрессовых обстоятельств и путей совладания с ними, освоение способов субъектного решения проблем, конструктивного выхода из трудных жизненных ситуаций, переоценки своих ценностей, приобретения смыслов и ответственного авторства своей жизни.

5. Подготовлены рекомендации на основе результатов исследования осужденных, анкетирования и фокус-групп сотрудников ИК, позволяющие повысить эффективность взаимодействия персонала исправительного учреждения, качество психологического сопровождения осужденных с длительными сроками отбывания наказания и целенаправленного повышения жизнестойкости у различных типов спецконтингента.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диссертационное исследование позволяет сформулировать выводы и предложения, определить перспективы дальнейшего изучения рассматриваемой проблемы.

Диссертационное исследование позволило сделать общие выводы:

1. Несмотря на увеличение количества исследований жизнестойкости, причем как в зарубежной, так и в отечественной психологии, до сих пор не сложилась общая позиция ученых относительно конструкта данного феномена, а также не выявлены особенности детерминации и проявления жизнестойкости у осужденных в условиях длительной изоляции от социума, в связи с чем актуальными явились критический анализ подходов к изучению данного феномена и разработка научно обоснованной модели изучения и повышения жизнестойкости у разных категорий спецконтингента. Это важно для профилактики возникновения у осужденных деструкций личности и вынужденной беспомощности из-за длительного нахождения в ИК.

2. Жизнестойкость у осужденных при отбытии длительного наказания в виде лишения свободы подвержена снижению, причем в особой мере после 10 лет нахождения в ИК. На репрезентативной выборке спецконтингента мужского и женского пола установлено, что у значительной части недостаточно развиты составляющие жизнестойкости, но имеются статистически значимые различия в ее уровне в зависимости от пола, возраста, пенитенциарного опыта, времени пребывания в ИК, признания вины в совершенном преступлении.

3. Снижение жизнестойкости осужденных при длительном сроке отбывания наказания в виде лишения свободы обусловлено как объективными факторами (при анкетировании осужденных выявлено 11 специфических групп затруднений в ИК), так и личностными предикторами (в психодиагностике выявлены дефицитарность прежде всего в мотивационно-смысловой и эмоционально-волевой сферах, неконструктивность психологических защит и построения временной перспективы, а также появление в поведении паттернов конформизма

и выученной беспомощности из-за нахождения в пенитенциарно-субкультурной среде).

4. Особенности жизнестойкости у осужденных к длительным срокам лишения свободы имеют пятифакторную структуру, выявленную по данным комплексной психодиагностики личности. Первый фактор, условно названный «контролируемая жизнестойкость», представлен показателями шкал «вовлеченность», «контроль» и «жизнестойкость». Второй фактор – «оправданная жизнестойкость» – включает показатели таких шкал, как «достижение», «стимуляция», «универсализм» и «доброта». Третий фактор – «протестная жизнестойкость» – включает в себя показатели таких шкал, как «отрицание», «рационализация», «реактивные образования», и проявляется прежде всего в игнорировании неприятной информации. Четвертый фактор – «интенциональная жизнестойкость» – представлен показателями шкал «локус контроля – Я» и «локус контроля – жизнь». Пятый фактор – «властная жизнестойкость» – представлен показателями шкалы «власть». Данные комплексной психодиагностики осужденных с длительными сроками отбывания наказания позволили на основе кластерного анализа выделить среди мужчин 3 типа по особенностям жизнестойкости («отвлекающе-реагирующий», «субкультурно-реагирующий», «ценностно-опосредованный»), а среди женщин 4 типа («рационально-реагирующий», «руминативно-реагирующий», «конфронтационно-реагирующий», «ценностно-опосредованный»).

5. Результаты эксперимента свидетельствуют об эффективности психотехнологии апробированной коррекционно-развивающей программы, направленной на повышение жизнестойкости осужденных с длительными сроками отбывания наказания на основе индивидуальной и групповой форм воздействий. При реализации ресоциализирующих воздействий на осужденных требуются усилия не только психологов по возвышению их личностного потенциала и стимулированию проявления субъектности, но и расширенная социальная поддержка (семья, друзья, сотрудники и др.).

6. Рекомендации, разработанные по итогам диссертационного исследования, оптимизируют психологическое сопровождение осужденных с длительными сроками отбывания наказания в виде лишения свободы, так как базируются на данных психологического мониторинга и способствуют развитию у них ценностно-смысловых ориентаций личности, компонентов жизнестойкости и субъектной активности в реализации просоциального поведения.

В целом, можно констатировать, что основная и частные гипотезы диссертационного исследования подтвердились, поставленная цель и задачи реализованы.

На основании исследования сформулированы предложения:

1. Результаты диссертационного исследования широко использовать в учебном процессе при подготовке будущих специалистов ФСИН России, а также при повышении квалификации и переподготовке пенитенциарных психологов, начальников отрядов и других сотрудников, непосредственно осуществляющих работу с осужденными с длительными сроками отбывания наказания.

2. Рекомендовать ФСИН России издать Рекомендации для психологов ИК с раскрытием результатов диссертационного исследования, разработанной научной модели и применения технологии повышения жизнестойкости у разных категорий осужденных с длительными сроками отбывания наказания.

Результаты диссертации позволили сформулировать следующие перспективные направления дальнейших исследований:

- изучение жизнестойкости осужденных с длительными сроками отбывания наказания с учетом изменения статуса в пенитенциарной среде;
- исследование формирования жизнестойкости у осужденных при реализации прогрессивной системы отбывания наказания;
- изучение общественных и иных воздействий со стороны институтов гражданского общества на жизнестойкость осужденных при длительном сроке отбывания наказания в виде лишения свободы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акуленко, С. С. Реализация целей наказания при длительных сроках лишения свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Акуленко Сергей Степанович. – М., 2004. – 25 с.
2. Александрова, Л. А. К концепции жизнестойкости в психологии [Электронный ресурс] / Л. А. Александрова // Сибирская психология сегодня: сб. науч. тр. / под ред. М. М. Горбатовой, А. В. Серого, М. С. Яницкого. – Вып. 2. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. – Режим доступа: <http://institut.smysl.ru/article/alekseeva.php> (дата обращения: 16.08.2019).
3. Александрова, Л. А. К осмыслению понятия «жизнестойкость личности» в контексте проблематики психологии способностей / Л. А. Александрова // Психология способностей: современное состояние и перспективы исследований: материалы науч. конф. – М.: Институт психологии РАН, 2005. – С. 16–21.
4. Алехин, В. А. Психологическая жизнестойкость осужденных в пенитенциарном учреждении с разными уровнями депрессии / В. А. Алехин, Е. М. Кравцова // Башкатовские чтения: «Психология притеснения и деструктивного поведения в детско-подростковой среде»: материалы XVI Всерос. науч.-практ. конф., посв. памяти д-ра пед. наук, проф., заслуж. деят. науки РФ Ивана Павловича Башкатова / отв. ред. М. Н. Филиппов. – Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2016. С. 66–70.
5. Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с.
6. Андреев, Н. А. Социология исполнения наказания : учеб. пособие / Н. А. Андреев. – М.: Права человека, 2001. – 137 с.
7. Антонченко, В. В. Пенитенциарная педагогика и пенитенциарная психология : курс лекций / В. В. Антонченко, О. М. Климова, О. А. Шиманская // Новокузнецк: ФКОУ ВПО Кузбасский институт ФСИН России, 2012. – 186 с.
8. Антонян, Е. А. Психологические особенности наказания в виде лишения свободы / Е. А. Антонян // Юридическая психология. – 2007. – № 1. – С. 18–20.

9. Анцыферова, Л. И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита / Л. И. Анцыферова // Психологический журнал. – 1994. – № 1. – С. 3–18.
10. Арапова, А. С. Деструктивные последствия пребывания в СИЗО и возможности их психологической профилактики у осужденных / А. С. Арапова // Человек: преступление и наказание. – 2006. – № 4. – С. 189–191.
11. Аристотель. Сочинения : в 4 т. / Аристотель ; пер. с древнегреч.; общ. ред. А. И. Доватура. – М.: Мысль, 1983. – Т. 4. – 613 с.
12. Ахиезер, А. С. Жизнеспособность российского общества / А. С. Ахиезер // Общественные науки и современность. – 1996. – № 6. – С. 58–66.
13. Ахмеров, Р. А. Биографические кризисы личности : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01. / Ахмеров Рашад Анварович – М., 1994. – 24 с.
14. Байер, Е. А. Исследование жизнестойкости у детей-сирот в учреждении государственной поддержки детства как залога успешной интеграции в быстро меняющемся социуме / Е. А. Байер // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2009. – № 4 (50). – С. 6–11.
15. Бажин, Е. Ф. Опросник уровня субъективного контроля (УСК) / Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкина, А. М. Эткинд. – М.: Смысл, 1993. – 16 с.
16. Баламут, А. Н. Осужденные к пожизненному лишению свободы и пути оказания им психологической помощи : монография / А. Н. Баламут. – М.: PRI, 2009. – 198 с.
17. Бахтиарова, К. А. Психологические особенности впервые осужденных и рецидивистов [Электронный ресурс] / К. А. Бахтиарова // Санкт-Петербургский государственный университет. Психология XXI века (2006 год). – Режим доступа: https://psihologia.biz/psihologiya-psihologiya-obschaya_693/bahtiarova-psihologicheskie-osobennosti-19218.html (дата обращения : 03.10.2019).
18. Белановский, С. А. Метод фокус-групп : учеб. пособие / С. А. Белановский. – М.: Николло-Медиа, 2001. – 280 с.
19. Беттельхейм, Б. Люди в концлагере [Электронный ресурс] / Б. Беттельхейм. – 1960. – 44 с. – Режим доступа: <https://lib-king.ru/232893-lyudi-v-konclagere-lp.html#BookRead> (дата обращения : 16.02.2019).

20. Бикметова, М. О. Особенности отношения к семье лиц, осужденных за различные преступления / М. О. Бикметова, С. Б. Гнедова // Жизнестойкость личности в условиях модернизации общества: ресурсы развития. – Ульяновск: «Вектор-С», 2011. – С. 9–11.

21. Бинсвангер, Л. Избранные статьи. Бытие-в-мире. / Л. Бинсвангер. – СПб.: Ювента (при участии психологического центра «Ленато», СПб.), 1999. – 300 с.

22. Богданов, А. А. Тектология: всеобщая организационная наука : в 2 кн. / А. А. Богданов ; редкол.: Л. И. Абалкин (отв. ред.) [и др.]– М.: Экономика, 1989. – Кн. 1. – 303 с.

23. Богомаз, С. А. Жизнестойкость человека как личностный ресурс совладания со стрессами и достижения высокого уровня здоровья / С. А. Богомаз // Материалы науч.-практ. конгр. III Всерос. форума «Здоровье нации – основа процветания России». – М., 2007. – Т. 3, ч. 1. – С. 23–25.

24. Богомаз, С. А. Жизнестойкость как компонент инновационного потенциала человека / С. А. Богомаз, Д. Ю. Баланев // Сибирский психологический журнал. – 2009. – № 32. – С. 23–28.

25. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.

26. Бобылева, И. Ю. Длительные сроки лишения свободы и их эффективность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Бобылева Ирина Юрьевна. – М., 1988. – 24 с.

27. Брагина, Н. В. Жизнестойкость личности и типы индивидуального опыта [Электронный ресурс] / Н. В. Брагина // Наука и Мир. – 2014. – Т. 3. – № 3 (7). – С. 152–155. – Режим доступа: <http://dspace.ltsu.org/bitstream/123456789/917/1/1.pdf> (дата обращения : 09.01.2016).

28. Бурцев, А. О. Психодинамика психопатизации личности осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.06 / Бурцев Антон Олегович. – Рязань, 2015. – 27 с.

29. Быстрова, Т. В. Взаимосвязь копинг-стратегий и психологических защит с уровнем жизнестойкости у осужденных с длительными сроками отбывания наказания / Т. В. Быстрова // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – Сер. Педагогика, психология. – 2016. – № 4 (27). – С. 33–38.

30. Быстрова, Т. В. Влияние условий отбывания наказания в виде длительного срока лишения свободы на трансформацию личности осужденного / Т. В. Быстрова // II Междунар. пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 60-летию принятия Минимальных стандартных правил обращения с заключенными и 30-летию принятия Минимальных стандартных правил, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних) : сб. тез. выступл. и докладов участников (Рязань, 25–27 ноября 2015 г.) : в 8 т. – Рязань: Академия ФСИН России, 2015. – Т. 5. – С. 57–60.

31. Быстрова, Т. В. Жизнестойкость и ее взаимосвязь с социально-демографическими характеристиками осужденных к длительным срокам лишения свободы / Т. В. Быстрова // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2014. – № 4 (28). – С. 78–83.

32. Быстрова, Т. В. Жизнестойкость как социально-психологический феномен: генезис, перспективы / Т. В. Быстрова // Российский научный журнал. – 2015. – № 2 (45). – С. 241–249.

33. Быстрова, Т. В. Особенности жизнестойкости осужденных различного возраста с длительными сроками отбывания наказания / Т. В. Быстрова // Психология: традиции и инновации : материалы II Междунар. науч. конф. (Самара, 20–23 марта 2016 г.). – Самара: Асгард, 2016. – Т. 3. – С. 45–48.

34. Быстрова, Т. В. О повышении жизнестойкости осужденных с длительными сроками лишения свободы / Т. В. Быстрова, В. М. Поздняков // Прикладная юридическая психология. – 2017. – № 1 (38). – С. 30–36.

35. Быстрова, Т. В. Психологическая характеристика содержания жизнестойкости у осужденных с длительными сроками отбывания наказания / Т. В. Быстрова // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2015. – № 2 (30). – С. 83–86.

36. Быстрова, Т. В. Характеристика жизнестойкости осужденных с длительными сроками отбывания наказания с учетом признания вины в совершенном преступлении / Т. В. Быстрова // Вестник Костромского государственного университета. – Сер. Педагогика. Психология. СоциокINETика. – 2017. – Т. 23. – № 2. – С. 49–53.

37. Ванакова, Г. В. Психологическая поддержка развития жизнестойкости студентов : дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.13 / Ванакова Галина Васильевна. – Биробиджан, 2014. – 462 с.

38. Ванакова, Г. В. Создание системы психолого-педагогической поддержки жизнестойкости студентов / Г. В. Ванакова // Вектор науки ТГУ. – 2012. – № 2 (9). – С. 60–62.

39. Василенко, Т. Д. Телесность и субъективная картина жизненного пути личности : дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.04 / Василенко Татьяна Дмитриевна – Курск, 2011. – 414 с.

40. Васильев, А. Д. Использование результатов деятельности психолого-педагогических служб ИТУ в индивидуально-воспитательной работе со спецконтингентом на основе тетради ИВР / А. Д. Васильев, И. Е. Гавриков, Б. М. Логак. – Саратов, 1991. – 198 с.

41. Великие мыслители Запада / пер. с англ. В. Федорина. – М.: КРОН-ПРЕСС, – 1999. – 800 с.

42. Величковский, Б. Б. Многомерная оценка индивидуальной устойчивости к стрессу : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Величковский Борис Борисович. – М., 2007. – 27 с.

43. Волкова, Т. Н. Доктринальные и практические подходы к проблеме исполнения наказания в виде длительных сроков лишения свободы / Т. Н. Волкова // Лишение свободы на длительный срок и пожизненно: нормотворчество, правоприменение, правосознание : материалы науч.-практ. конф. – Вологда: Вологодский институт прав и экономики Минюста России, 2002. – С. 355–361.

44. Волобуева, Н. М. Психологическая культура как условие жизнестойкости человека, попавшего в сложную жизненную ситуацию /

Н. М. Волобуева // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – Сер. Гуманитарные науки. – 2011. – № 12 (107). – Вып. 10. – С. 279–286.

45. Волобуева, Н. М. Психологическая культура как условие развития жизнестойкости студентов : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13 / Волобуева Наталия Михайловна. – Белгород, 2012. – 183 с.

46. Волон, В. Т. Концепция исправления, развития личности и социализации осужденного в исправительном учреждении / В. Т. Волон, В. В. Волон // Образование и социализация человека в современных условиях: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Благовещенск: Амурский государственный университет, 2013. – С. 44–54.

47. Володина, Т. В. Жизнестойкость личности как фактор сохранения здоровья педагога [Электронный ресурс] / Т. В. Володина // Интеграция образования. – 2010. – № 2. – С. 95–97. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/zhiznestoykost-lichnosti-kak-faktor-sohraneniya-zdorovya-pedagoga> (дата обращения : 14.10.2017).

48. Высотина, Л. А. Основы дифференциации осужденных и условия их содержания в ИТУ / Л. А. Высотина, В. Д. Лутанский. – М.: Политотдел ИТУ МВД СССР, 1969. – 104 с.

49. Гвоздев, В. А. Жизнестойкость осужденных к лишению свободы как показатель их психологической адаптации / В. А. Гвоздев // Теоретическая и прикладная психология: традиции и перспективы: материалы X Всерос. молодеж. науч.-практ. конф. / отв. ред. Е. А. Лушина. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2017. – С. 74–76.

50. Голубев, В. П. Типология осужденных за насильственные преступления и индивидуальная работа с ними / В. П. Голубев, Ю. Н. Кудряков, А. В. Шамис. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1985. – 83 с.

51. Городнянская, В. В. Постпенитенциарный рецидив : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Городнянская Валентина Валерьевна. – Томск, 2011. – 22 с.

52. Горьковая, И. А. Конфликтность осужденных по корыстным преступлениям в первоначальный период отбывания наказания / И. А. Горьковая, А. А. Мартынова // Вестник психотерапии. – 2015. – № 54. – С. 89–97.

53. Грошев, И. В. Половой диморфизм и поведение в конфликте / И. В. Грошев // Психология: итоги и перспективы: тез. науч.-практ. конф. (28–31 окт. 1996 г.) / под общ. ред. А. А. Крылова. – СПб.: Питер, 1996. – С. 13–15.

54. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М.: Русский язык, 1999. – Т. 1. – 720 с.

55. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М.: Русский язык, 1999. – Т. 4. – 688 с.

56. Дебольский, М. Г. Особенности копинг-стратегий осужденных с различным уровнем жизнестойкости, состоящих на учете, как склонные к суициду [Электронный ресурс] / М. Г. Дебольский, А. И. Колесникова // Психология и право. – 2014. – № 4. – С. 34–45. – Режим доступа: http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n4/73016_full.shtml (дата обращения : 18.02.2017).

57. Детков, М. Г. Длительное лишение свободы: понятие, содержание, эффективность / М. Г. Детков // Лишение свободы на длительный срок и пожизненно: нормотворчество, правоприменение, правосознание : материалы науч.-практ. конф. – Вологда: Вологодский институт права и экономики Минюста России, 2002. – С. 56–68.

58. Детков, А. С. Сверхдлительные сроки лишения свободы: уголовные и уголовно-исполнительные аспекты / А. С. Детков // Уголовное право. – 2004. – № 2. – С. 105–107.

59. Джансараева, Р. Е. Социальная среда мест лишения свободы как фактор, влияющий на поведение осужденных / Р. Е. Джансараева // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2006. – № 2 (26). – С. 112–114.

60. Джидарьян, И. А. Философская концепция человека С. Л. Рубинштейна в контексте гуманистической и позитивной психологии / И. А. Джидарьян // Психология человека в современном мире. – М.: Институт психологии РАН, 2009. – Т. 3. – 400 с.

61. Долженко, Я. А. К вопросу исследования качеств жизнестойкой личности / Я. А. Долженко // Молодой ученый. – 2011. – № 10. – Т. 2. – С. 154–156.

62. Ежова, О. Н. Личность осужденных женщин и особенности их психологического сопровождения / О. Н. Ежова, Е. В. Ермоленко // Вестник Самарского юридического института. – 2020. – № 5 (41). – С. 135–142.

63. Ермасов, Е. В. От преступления до наказаний: трансформации во внутренней позиции / Е. В. Ермасов // Развитие личности. – 2015. – № 1. – С. 153–159.

64. Зауторова, Э. В. Особенности воспитательной работы с осужденными к лишению свободы на длительный срок и пожизненно / Э. В. Зауторова // Лишение свободы на длительный срок и пожизненно: нормотворчество, правоприменение, правосознание : материалы науч.-практ. конф. – Вологда: Вологодский институт права и экономики Минюста России, 2002. – С. 394–397.

65. Зимбардо, Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев / Ф. Зимбардо ; пер. с англ. А. Стативка – М.: АНФ, 2013. – 744 с.

66. Знаков, В. В. Психология человеческого бытия / В. В. Знаков, З. И. Рябикина. – М.: Смысл, 2017. – 416 с.

67. Иванюшина, П. В. Психологическая помощь как основа трансформации личности в ситуации горя утраты / П. В. Иванюшина // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 15. – С. 169–171.

68. Изучение и психокоррекция субъективной картины жизненного пути осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях : метод. рук. / под ред. М. Г. Дебольского, Т. С. Войт. – СПб.: Типография «А и Б», 2006. – 71 с.

69. Исправление осужденных : монография / под науч. ред. Ю. М. Антоняна, А. В. Быкова. – Тверь: ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2014. – 331 с.

70. Истомин, А. А. Ценностные ориентации осужденных к лишению свободы : монография / А. А. Истомин. – Псков: Псковский юридический институт ФСИН России, 2010. – 212 с.

71. Казак, Б. Б. Актуальные проблемы исполнения приговоров к длительным срокам лишения свободы / Б. Б. Казак, Ю. В. Славинская // Лишение свободы на длительный срок и пожизненно: нормотворчество, правоприменение, правосознание : материалы науч.-практ. конф. – Вологда: Вологодский институт права и экономики Минюста России, 2002. – С. 231–244.

72. Казакова, Е. Н. Лишение свободы на длительный срок и пожизненно: уголовная политика и эффективность наказания / Е. Н. Казакова // Лишение свободы на длительный срок и пожизненно: нормотворчество, правоприменение, правосознание : материалы науч.-практ. конф. – Вологда: Вологодский институт права и экономики Минюста России, 2002. – С. 41–55.

73. Калинина, Н. В. Формирование жизненной стойкости личности в подростковом и юношеском возрасте / Н. В. Калинина // Стратегии формирования антикризисного поведения подростков и молодежи : сб. науч.-метод. тр. / под ред. М. И. Лукьяновой. – Ульяновск: УИПКПРО, 2001.

74. Калинина, С. Б. Психологическая беспомощность и развитие жизнестойкости женщин : монография / С. Б. Калинина ; М-во образования и науки РФ, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Тверской гос. ун-т». – Тверь: Тверской государственный университет, 2011. – 124 с.

75. Карандашев, В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство / В. Н. Карандашев. – СПб.: Речь, 2004. – 70 с.

76. Карпов, А. В. Психология принятия управленческих решений / А. В. Карпов ; под ред. В. Д. Шадрикова. – М.: Юристъ, 1998. – 440 с.

77. Ключарев, Г. А. Молодежная преступность и молодежь группы риска / Г. А. Ключарев, И. Н. Трофимова // Россия реформирующаяся. Ежегодник. – М.: Институт социологии РАН, 2009. – Вып. 8. – С. 418–435.

78. Книжникова, С. В. Педагогическая профилактика суицидального поведения на основе формирования жизнестойкости подростков в условиях общеобразовательной школы : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Книжникова Светлана Витальевна. – Краснодар, 2005. – 191 с.

79. Ковалев, А. Г. Психологические основы исправления правонарушителя / А. Г. Ковалев. – М.: Юридическая литература, 1968. – 136 с.

80. Коваль, М. И. Социально-правовая адаптация лиц, отбывших длительные сроки лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Коваль Михаил Иванович. – Рязань, 1995. – 306 с.

81. Ковтуненко, Л. В. Пенитенциарный социум (среда осужденных) как особая социальная общность / Л. В. Ковтуненко // Вестник Воронежского института ФСИН России. – 2012. – № 1. – С. 107–111.

82. Кожевников, А. Ю. Афоризмы античных мудрецов / А. Ю. Кожевников, Т. Б. Линдберг. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 303 с.

83. Козлов, В. В. Работа с кризисной личностью : метод. пособие / В.В. Козлов. – М.: Изд-во Института психотерапии, 2003. – 302 с.

84. Козочкин, И. Д. Современное состояние и проблемы уголовного права США : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Козочкин Иван Данилович. – М., 2009. – 46 с.

85. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Ю. И. Скуратова и В. М. Лебедева. – М.: Инфра-М, Норма, 2011. – 876 с.

86. Конюхова, Т. В. Жизнестойкость личности как особый паттерн установок освоения социокультурного пространства / Т. В. Конюхова, Е. Т. Конюхова // Известия Томского политехнического ун-та. – 2013. – Т. 322. – № 6. – С. 110–114.

87. Коптева, Н. В. Онтологическая уверенность : дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.01 / Коптева Наталия Васильевна. – Пермь, 2012. – 350 с.

88. Корнилова, Т. В. Жизнестойкость женщин, осужденных на длительные сроки отбывания наказания / Т. В. Корнилова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2017. – № 8. – С. 131–136.

89. Корнилова, Т. В. Криминологическо-психологическая характеристика осужденных на длительные сроки лишения свободы / Т. В. Корнилова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. – Сер. Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). – № 1. – С. 163–171.

90. Корнилова, Т. В. Понятие и характерные особенности наказаний в виде длительных сроков лишения свободы в зарубежном уголовном праве / Т. В. Корнилова // Вестник Воронежского государственного университета. – Сер. Право. – 2018. – № 3 (34). – С. 387–394.

91. Корнилова, Т. В. Понятие и характерные особенности наказания в виде длительного срока лишения свободы в России / Т. В. Корнилова // Вестник Сургутского государственного университета. – 2019. – № 3 (25). – С. 65–70.

92. Корнилова, Т. В. Современные зарубежные исследования феномена жизнестойкости (hardiness) / Т. В. Корнилова // Вестник Костромского государственного университета. – Сер. Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2020. – Т. 26. – № 4. – С. 223–229.

93. Котенева, А. В. Феномен веры как основа жизнестойкости личности / А. В. Котенева // Личность в экстремальных и кризисных ситуациях жизнедеятельности: сб. науч. ст. III Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Р. В. Кадырова. – Владивосток: Морской государственный университет, 2014. – С. 32–35.

94. Краткий психологический словарь / сост. Л. А. Карпенко; под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1985. – 431 с.

95. Крюкова, Т. Л. Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ) / Т. Л. Крюкова, Е. В. Куфтяк // Журнал практического психолога. – 2007. – № 3. – С. 93–112.

96. Куашева, Е. Р. Жизнестойкость и ценностно-смысловые предпочтения личности: согласованность и противоречия (на материале сотрудников органов внутренних дел) [Электронный ресурс] / Е. Р. Куашева. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/zhiznestoykost-i-tsennostno-smyslovyye-predpochteniya-lichnosti-soglasovannost-i-protivorechiya-na-materiale-sotrudnikov-organov> (дата обращения : 14.10.2018).

97. Кузьмин, М. Ю. Кризис идентичности у студентов и его связь с жизнестойкостью : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Кузьмин Михаил Юрьевич. – СПб., 2012. – 34 с.

98. Кузьмина, Е. И. Свобода от фрустрации и жизнестойкость / Е. И. Кузьмина, О. С. Мороз // Вестник Московского государственного областного университета. Психологические науки. – 2010. – № 2. – С. 5–8.

99. Кутякин, С. А. Организация противодействия криминальной оппозиции в уголовно-исполнительной системе России : монография / С. А. Кутякин. – Рязань: Академия ФСИН России, 2012. – 362 с.

100. Лапшин, В. Э. К вопросу о влиянии уголовного наказания на личностное ядро осужденного / В. Э. Лапшин // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2007. – № 4. – С. 44–46.

101. Лаэртский, Д. О. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Д. О. Лаэртский ; ред. и авт. вступ. ст. А. Ф. Лосев ; пер. с древнегреч. М. Л. Гаспарова. – М.: Мысль, 1998. – 570 с.

102. Леонтьев, Д. А. Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации / Д. А. Леонтьев // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М. В. Ломоносова / под ред. Б. С. Братуся, Д. А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2002. – Вып. 1. – С. 56–65.

103. Леонтьев, Д. А. Тест жизнестойкости / Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова. – М.: Смысл, 2006. – 63 с.

104. Леонтьев, Д. А. Тест смысло-жизненных ориентаций (СЖО) / Д. А. Леонтьев. – 2-е изд. – М.: Смысл, 2000. – 18 с.

105. Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д. А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2011. – 675 с.

106. Личность преступника / С. Б. Алимов [и др.] ; отв. ред. В. Н. Кудрявцев. – М.: Юрид. лит., 1971. – 356 с.

107. Логинова, М. В. Жизнестойкость как основной ресурс психологического восстановления консультанта / М. В. Логинова // Методология, теория и практика профессиональной деятельности психолога-консультанта : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. (26–27 марта 2009 г.). – Казань: Отечество, 2009. – С. 65–68.

108. Логинова, М. В. Психологическое содержание жизнестойкости личности студентов : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Логинова Маргарита Вячеславовна. – М., 2010. – 24 с.

109. Лэнгле, А. Жизнь, наполненная смыслом: прикладная логотерапия : пер. с нем. / А. Лэнгле. – 3-е изд. – М.: Генезис, 2009. – 128 с.

110. Ляченкова, В. В. Трансформация смысла личности в кризисной ситуации / В. В. Ляченкова // Российский научный журнал. – 2013. – № 7 (38). – С. 242–247.

111. Магомед-Эминов, М. Ш. Деятельностно-смысловой подход к психологической трансформации личности : автореф. дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.01 / Магомед-Эминов Мадрудин Шамсудинович. – М., 2009. – 52 с.

112. Магомед-Эминов, М. Ш. Психология уцелевшего / М. Ш. Магомед-Эминов // Вестник Московского университета. – Сер. 14. Психология. – 2005. – № 3. – С. 3–19.

113. Магомед-Эминов, М. Ш. Трансформация личности / М. Ш. Магомед-Эминов. – М.: Психоаналитическая ассоциация, 1998. – 496 с.

114. Мадди, С. Теории личности: сравнительный анализ / С. Мадди ; пер. с англ. И. Авидона, А. Батустина, П. Румянцевой. – СПб.: Речь, 2002. – 538 с.

115. Мадди, С. Жизнестойкость [Электронный ресурс] / С. Мадди, Д. Хошаба-Мадди. – Режим доступа: <http://video.yandex.ru/users/omko08/view/50/> (дата обращения : 07.06.2017).

116. Макарова, Ю. В. Социально-психологические особенности восприятия социальной реальности осужденными в условиях лишения свободы : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / Макарова Юлия Владимировна. – Иваново, 2004. – 228 с.

117. Маклаков, А. Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях [Электронный ресурс] / А.Г. Маклаков // Психологический журнал. – 2001. – Т. 22. – № 1. – С. 16–24. – Режим доступа: <https://studfile.net/preview/2429397/page:3/> (дата обращения : 17.08.2018).

118. Махнач, А. В. Жизнеспособность как междисциплинарное понятие / А. В. Махнач // Психологический журнал. – 2012. – Т. 33. – № 6. – С. 84–98.

119. Медведева, Е. В. Взаимосвязь ценностно смысловых ориентаций и жизнестойкости инвалидов / Е. В. Медведева // Будущее клинической психологии: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (27 марта 2008 г.) / под ред. Е. В. Левченко, А. Ю. Бергфельд. – Пермь: Пермский государственный университет, 2008. – Вып. 2. – 265 с.

120. Мельников, В. М. Социально-психологическая оценка осужденных, ходатайствующих о помиловании / В. М. Мельников // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – № 2. – С. 248–251.

121. Михайлов, А. Н. Психология трансформации личности осужденных молодежного возраста при использовании ими права бесконвойного передвижения : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.06 / Михайлов Алексей Николаевич – Вологда, 2012. – 199 с.

122. Мокрецов, А. И. Микросреда осужденных в ИТУ / А. И. Мокрецов, И. В. Шмаров. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1979. – 80 с.

123. Мокринский, С. П. Наказание, его цели и предложения / С. П. Мокринский. – Ч. 1: Общее и специальное предупреждение преступлений. – М.: Университетская типография, 1902. – 157 с.

124. Молчанова, Л. Н. Жизнестойкость как детерминанта состояния психического выгорания у спасателей МЧС [Электронный ресурс] / Л. Н. Молчанова, А. И. Редькин // Перспективы науки и образования. – 2014. – № 1. – С. 216–223. – Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/zhiznestoykost-kak-determinanta-sostoyaniya-psihicheskogo-vygoraniya-u-spasateley-mchs> (дата обращения : 14.10.2017).

125. Мухина, В. С. Отчужденные: Абсолют отчуждения / В. С. Мухина. – М.: Прометей, 2009. – 702 с.

126. Мэй, Р. Искусство психологического консультирования. Как давать и обретать душевное здоровье / Р. Мэй ; пер. с англ. М. Будыниной, С. Римского. – М.: Институт общегуманитарных исследований ; Апрель Пресс, 2009. – 224 с.

127. Мэй, Р. Человек в поисках себя / Р. Мэй ; пер. с англ. А. Багрянцевой. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2012. – 223 с.

128. Наливайко, Т. В. Исследование жизнестойкости и ее связей со свойствами личности : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / Наливайко Татьяна Викторовна. – Ярославль, 2006. – 28 с.

129. Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации : [от 14 окт. 2010 г. №1772-р] // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2010. – № 43. – Ст. 5544.

130. Ожегов, С. И. Словарь русского языка : ок. 57000 слов / С. И. Ожегов ; под Н. Ю. Шведовой. – 17-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1985. – 797 с.

131. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы январь – декабрь 2020 г.: информ.-аналит. сб. – Тверь: НИИИТ ФСИН России, 2021. – 418 с.

132. Осужденные и содержащиеся под стражей в России. По материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, 12–18 ноября 2009 г. [Электронный ресурс] / под общ. ред. Ю. И. Калинина ; под науч. ред. В. И. Селиверстова. – М.: Юриспруденция, 2012. – 937 с. – Режим доступа: <http://www.jurisizdat.ru/new/intro/osu.pdf> (дата обращения : 14.08.2018).

133. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Показатели преступности России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения : 24.03.2021).

134. Официальный сайт ФСИН России. Статистическая информация: характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/> (дата обращения : 05.04.2021).

135. Панюкова, Ю. Г. Психологическая репрезентация пространственно-предметной среды: системно-структурная организация, возрастные и индивидуальные особенности : автореф. дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.01 / Панюкова Юлия Геннадьевна. – М., 2004. – 43 с.

136. Петросянц, В. Р. Психологическая характеристика старшеклассников, участников буллинга в образовательной среде, и их жизнестойкость: дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / Петросянц Виолетта Рубеновна. – СПб., 2011. – 210 с.

137. Петухов, Е. В. Психологическая помощь осужденным в самовоспитании : учеб. пособие / Е. В. Петухов. – М.: Академия управления МВД России, 1998. – 46 с.

138. Пищелко, А. В. Реадаптация и ресоциализация / А. В. Пищелко, Д. В. Сочивко. – М.: Пер Сэ, 2003. – 208 с.

139. Плетнева, Н. В. Психологическая природа суицида: контекст деструктивной трансформации личности и поведения несовершеннолетнего / Н. В. Плетнева, В. В. Соболевников // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 5 (42). – С. 216–218.

140. Плюснин, А. М. Пенитенциарная социология : учеб.-метод. комплекс / А. М. Плюснин. – Киров, 2015. – 117 с.

141. Поддьяков, А. Н. Компликтология: создание развивающих, диагностирующих и деструктивных трудностей / А. Н. Поддьяков. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 278 с.

142. Поздняков, В. М. К вопросу о социально-психологической культуре специалистов ИТУ / В. М. Поздняков // Социальные и правовые проблемы перестройки деятельности ИТУ : сб. науч. тр. – Рязань: Рязанская высшая школа МВД СССР, 1992. – С. 74–81.

143. Поздняков, В. М. Отечественная пенитенциарная психология: история и современность : монография / В. М. Поздняков. – М.: Академия управления МВД России, 2000. – 270 с.

144. Поздняков, В. М. Пенитенциарная психология в России: генезис и перспективы : дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.06 / Поздняков Вячеслав Михайлович. – М., 2000. – 759 с.

145. Поздняков, В. М. Психологические особенности трансформации личности осужденных, пользующихся правом бесконвойного передвижения, и их учет в деятельности сотрудников психологической службы УИС России /

В. М. Поздняков, А. Н. Михайлов // Преступление, наказание, исправление. – 2011. – № 3 (15). – С. 49–53.

146. Поздняков, В. М. Психология в пенитенциарной практике зарубежных стран в XX столетии (историко-сравнительный анализ) : монография / В. М. Поздняков. – М.: Академия управления МВД России, 2000. – 149 с.

147. Поздняков, В. М. Актуальные проблемы современной пенитенциарной психологии : монография : в 2 т. / В. М. Поздняков ; под науч. ред. Д. В. Сочивко. – Т. 1 : Развитие пенитенциарной психологии в XXI веке и востребованность ее достижений в реформировании УИС. – Рязань: Академия ФСИН России, 2013. – 299 с.

148. Поздняков, В. М. Реформа уголовно-исполнительной системы России и новые задачи пенитенциарной психологии / В. М. Поздняков // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2012. – № 2 (49). – С. 3–6.

149. Полозюк, В. Л. Особенности воспитательной работы с осужденными к лишению свободы на длительный срок и пожизненно / В. Л. Полозюк // Лишение свободы на длительный срок и пожизненно: нормотворчество, правоприменение, правосознание : материалы науч.-практ. конф. – Вологда: Вологодский институт права и экономики Минюста России, 2002. – С. 388–394.

150. Пономарев, С. Б. Криминальная субкультура с позиции этологии человека и теории систем : монография / С. Б. Пономарев. – Ижевск: Ижевский государственный технический университет им. М. Т. Калашникова, 2017. – 144 с.

151. Попов, В. И. Рецидив и организованная преступность : монография / В. И. Попов. – М.: Московский институт МВД РФ, 1998. – 189 с.

152. Попов, В. В. Эффективность исправительного процесса при исполнении наказания в виде лишения свободы на длительный срок и пожизненно / В. В. Попов, Е. Н. Казакова, А. Л. Иевский // Лишение свободы на длительный срок и пожизненно: нормотворчество, правоприменение, правосознание. – Вологда, 2002. – С. 90–124.

153. Практикум по социально-психологическому тренингу / ред. Б. Д. Парыгина. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, 1997. – 308 с.

154. Примерный уголовный кодекс (США). Официальный проект Института американского права / под ред. Б. С. Никифорова (предисл.) ; пер. с англ. А. С. Никифорова. – М.: Прогресс, 1969. – 303 с.

155. Психодинамика личностных расстройств осужденных к лишению свободы мужчин и женщин / Д. В. Сочивко [и др.] ; под общ. ред. Д. В. Сочивко. – Рязань ; М. : Рязанский государственный медицинский университет имени И. П. Павлова ; Академия ФСИН России ; Московский психолого-социальный университет, 2017. – 110 с.

156. Психология безопасности : учеб. пособие для академ. бакалавриата / А. И. Донцов [и др.]. – М.: Юрайт, 2017. – 276 с.

157. Рабочая книга пенитенциарного психолога / под ред. А. И. Мокрецова, В. П. Голубева, А. В. Шамиса. – М.: ВНИИ МВД РФ ; ГУИН МВД РФ, 1998. – 208 с.

158. Рамендик, Д. М. Развитие зрелой личности и ваш личностный рост [Электронный ресурс] / Д. М. Рамендик. – Режим доступа : <http://www.elitarium.ru/lichnost-samorazvitie-samorealizacija-rost-cherta-harakter-dejatelnost-pravilo-povedenie-zhizn/> (дата обращения : 03.12.2019).

159. Рассадина, Т. А. Механизмы процесса трансформаций традиционных ценностей / Т. А. Рассадина // Вестник Московского ун-та. – Сер. 18. Социология и политология. – 2005. – № 4. – С. 50–64.

160. Рассел, Б. Словарь разума, материи, морали / Б. Рассел; общ. ред. А.А. Васильченко. – Киев: Port-Royal, 2001. – 368 с.

161. Ратинов, А. Р. Психология личности преступника. Ценностно-нормативный подход / А. Р. Ратинов // Личность преступника как объект психологического исследования. – М.: Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1979. – С. 3–33.

162. Рогач, В. Г. Психология переживаний у осужденных мужского пола, отбывающих длительные сроки лишения свободы : автореф. дис. ...канд. психол. наук : 19.00.06 / Рогач Владимир Геннадьевич. – Рязань, 2015. – 26 с.

163. Романова, Е. С. Механизмы психологической защиты: генезис, функционирование, диагностика / Е. С. Романова, Л. Р. Гребенников. – Мытищи: Талант, 1996. – 144 с.

164. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений : в 4 т. / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 2003. – Т. 3: Имена существительные с абстрактным значением: Бытие. Материя, пространство, время. Связи, отношения, зависимости. Духовный мир. Состояние природы, человека. Общество. – 720 с.

165. Рыльская, Е. А. Психология жизнеспособности человека : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Рыльская Елена Александровна. – Ярославль, 2014. – 446 с.

166. Словарь иностранных слов. – 9-е изд. – М.: Русский язык, 1982. – 622 с.

167. Смирнов, А. М. Длительные сроки лишения свободы в отношении осужденных мужчин (уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Смирнов Александр Михайлович. – Вологда, 2009. – 247 с.

168. Собчик, Л. Н. Индивидуально-типологический опросник : практ. рук. к традиц. и компьютер. вариантам теста / Л. Н. Собчик. – Красноярск: Боргес, 2010. – 60 с.

169. Сова, Ю. И. Смысловая саморегуляция жизнестойкого отношения студента к кризисным ситуациям : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13 / Сова Юлия Игоревна. – Тамбов, 2009. – 21 с.

170. Соколова, М. В. Шкала субъективного благополучия / М. В. Соколова. – 2-е изд. – Ярославль: НПЦ «Психодиагностика», 1996. – 17 с.

171. Сотниченко, Д. М. Жизнестойкость как психологический феномен. Его значение в современных условиях службы в армии [Электронный ресурс] / Д. М. Сотниченко. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/zhiznestoykost-kak-psihologicheskiy-fenomen-ego-znachenie-v-sovremennyh-usloviyah-sluzhby-v-armii> (дата обращения : 14.10.2018).

172. Сочивко, Д. В. Возрастание духовности и религиозности осужденных в процессе отбывания наказания / Д. В. Сочивко // Уголовно-исполнительное право. – 2016. – № 1 (23). – С. 26–31.

173. Сочивко, Д. В. Возрастание духовности и религиозности осужденных молодежного возраста как фактор их психологического исправления и ресоциализации (по результатам эмпирических исследований в разные периоды отбывания наказания) : учеб. пособие / Д. В. Сочивко, Ю. Н. Голышева. – Рязань, 2012. – 105 с.

174. Сочивко, Д. В. Криминально-правовой инфантилизм / Д. В. Сочивко. – М. ; Рязань: Академия ФСИН России, 2015. – 130 с.

175. Сочивко, Д. В. Мужской и женский путь духовности в местах лишения свободы / Д. В. Сочивко, Н. А. Полянин, Ю. А. Голышева // Прикладная юридическая психология. – 2012. – № 1. – С. 60–75.

176. Сочивко, Д. В. Психодинамика духовности и религиозности осужденных молодежного возраста / Д. В. Сочивко // Прикладная юридическая психология. – 2012. – № 4. – С. 116–126.

177. Сочивко, Д. В. Психодинамика / Д. В. Сочивко. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2007. – 432 с.

178. Сочивко, Д. В. Расколотый мир. Опыт анализа психодинамики человека в экстремальных условиях жизнедеятельности / Д. В. Сочивко. – М.: Пер Сэ, 2002. – 303 с.

179. Спасенников, Б. А. Расстройства личности у осужденных в уголовно-исполнительной практике / Б. А. Спасенников // Вестник Кузбасского института. – 2015. – № 1 (22). – С. 25–32.

180. Старков, О. В. Криминопенология : учеб. пособие / О. В. Старков. – М.: Экзамен, 2004. – 480 с.

181. Стецишин, Р. И. Личностно-психологические ресурсы жизнестойкости (на примере личности врача-клинициста) : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Стецишин Роман Иванович. – Краснодар, 2008. – 189 с.

182. Стецишин, Р. И. Направленность личности и жизнестойкость: психологическое исследование / Р. И. Стецишин // Вестник Адыгейского государственного университета. – Сер. Педагогика и психология. – 2008. – № 7. – С. 186–190.

183. Строева, Г. В. Гуманитарно-образовательная система самоисправления осужденных : монография / Г. В. Строева. – М.: Наука, 2014. – 790 с.

184. Стуканов, В. Г. Исправительная психокоррекция личности преступника (на примере осужденных к лишению свободы за корыстные преступления) / В. Г. Стуканов. – Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 2014. – 179 с.

185. Сырцова, А. Адаптация опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо / А. Сырцова, Е. Т. Соколова, О. В. Митина // Психологический журнал. – 2008. – Т. 29. – № 3. – С. 101–109.

186. Тиллих, П. Избранное. Теология культуры : пер. с англ. / П. Тиллих. – М.: Юристъ, 1995. – 479 с.

187. Тоболевич, О. А. Психология гендерной самоидентификации осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.06 / Тоболевич Ольга Анатольевна. – Рязань, 2008. – 26 с.

188. Толковый словарь русского языка : в 4 т. [Электронный ресурс] / под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1935–1940 // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (дата обращения : 16.10.2019).

189. Тумаров, К. С. Портрет осужденного, находящегося в пенитенциарном учреждении: аксиологический аспект / К. С. Тумаров // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2011. – № 7. – С. 249–255.

190. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : федер. закон : [от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ ; в ред. от 27 дек. 2018 г.] // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 1997. – № 2. – Ст. 198.

191. Уголовный кодекс Англии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.studmed.ru/science/yuridicheskie-discipliny/ugolovnoe-pravo/foreign/codes> (дата обращения : 08.06.2020).

192. Уголовный кодекс Голландии [по состоянию на 2000 г.] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.studmed.ru/science/yuridicheskie-discipliny/ugolovnoe-pravo/foreign/codes> (дата обращения : 19.11.2020).

193. Уголовный кодекс Италии [по состоянию на 11 нояб. 2017 г.] [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ohitalia.ru/novosti/ugolovnyj-kodeks-italii-na-russkom-jazyke> (дата обращения : 04.07.2020).

194. Уголовный кодекс Республики Армения [с изм. от 2016 г.] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.legislationline.org/download/id/8237/file/Armenia_CC_am2016_ru.pdf (дата обращения : 09.11.2020).

195. Уголовный кодекс Республики Беларусь [с изм. от 2019 г.] [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.legislationline.org/download/id/8314/file/Belarus_CC_1999_am2019_ru.pdf (дата обращения : 14.11.2020).

196. Уголовный кодекс Республики Казахстан [с изм. на 2020 г.] [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.legislationline.org/download/id/8671/file/Kazakhstan_CC_2014_am2020_ru.pdf (дата обращения : 10.11.2020).

197. Уголовный кодекс Республики Таджикистан [с изм. на 2020 г.] [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.legislationline.org/download/id/8920/file/Tajikistan_CC_1998_am2020_ru.pdf (дата обращения : 10.11.2020).

198. Уголовный кодекс Республики Узбекистан [с изм. на 2020 г.] [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.legislationline.org/download/id/8740/file/Uzbekistan_Criminal_Code_1994_am2020_ru.pdf (дата обращения : 10.11.2020).

199. Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон: [от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ ; в ред. от 27 дек. 2018 г.] // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

200. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии [по состоянию на 14 дек. 2011 г.] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mosmediator.narod.ru/index/0-406> (дата обращения : 19.11.2020).

201. Уголовный кодекс Франции [по состоянию на 1 июля 2000 г.] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://yurist-online.org/laws/foreign/criminalcode_fr/_doc-5-.pdf (дата обращения : 17.11.2020).

202. Уголовный кодекс Швеции / науч. ред. Н. Ф. Кузнецова, С. С. Беляев ; пер. С. С. Беляева. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 304 с.

203. Уголовный кодекс Японии [по состоянию на 7 янв. 2018 г.] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://constitutions.ru/?p=407> (дата обращения : 12.09.2020).

204. Узлов, Н. Д. Жизнестойкость и психологическое благополучие заключенных в соответствии с их тюремной иерархией [Электронный ресурс] / Н. Д. Узлов, С. Ш. Арасланов // Психология и право. – 2012. – № 2. – С. 77–87. – Режим доступа: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n2/52066.shtml> (дата обращения: 04.09.2016).

205. Ушатиков, А. И. Пенитенциарная психология : учебник / А. И. Ушатиков, Б. Б. Казак. – 2-е изд., перераб. и доп. – Рязань: Академия ФСИН России, 2003. – 758 с.

206. Федорова, Е. М. Теория и практика психологической профилактики профессионального отчуждения сотрудников уголовно-исполнительной системы: метод. пособие / Е. М. Федорова [и др.]. – М: НИИ ФСИН России, 2014. – 94 с.

207. Фетискин, Н. П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов. – М.: Институт психотерапии, 2002. – 490 с.

208. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1987. – 719 с.

209. Фоминова, А. Н. Жизнестойкость личности : монография / А. Н. Фоминова. – М.: Московский государственный педагогический университет. – 2012. – 152 с.

210. Франкл, В. В борьбе за смысл [Электронный ресурс] / В. Франкл. – Режим доступа: <http://bo0k.net/index.php?p=chapter&bid=4882&chapter=20> (дата обращения : 17.10.2018).

211. Франкл, В. Воля к смыслу : пер. с англ. / В. Франкл. – М.: Апрель-Пресс, ЭКСМО-Пресс, 2000. – 368 с.

212. Франкл, В. Доктор и душа / В. Франкл ; пер. с англ. [и авт. предисл.] А. А. Бореев. – СПб.: Ювента, 1997. – 285 с.

213. Франкл, В. Человек в поисках смысла : сборник : пер. с англ. и нем. / В. Франкл ; под общ. ред. Л. Я. Гозмана и Д. А. Леонтьева ; вступ. ст. Д. А. Леонтьева. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.

214. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко ; пер. с франц. В. Наумова ; под ред. И. Борисовой. – М.: Ad Marginem, 1999. – 481 с.

215. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер ; пер. с нем. В. В. Бибикина. – Харьков: Фолио, 2003. – 503 с.

216. Хаммад, С. М. Жизнестойкость как основа самореализации личности в трудных жизненных ситуациях (на примере палестинских беженцев) : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Хаммад Суад Мухаммад. – М., 2016. – 22 с.

217. Хачикян, А. М. Особенности социальной среды в местах лишения свободы / А. М. Хачикян // Человек: преступление и наказание. – 2007. – № 2. – С. 43–46.

218. Хохряков, Г. Ф. Социальная среда и личность. Значение элементов социальной среды в процессе достижения целей исполнения наказания, исправления и перевоспитания осужденных в ИТУ / Г. Ф. Хохряков. – М.: Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1982. – 88 с.

219. Хохряков, Г.Ф. Преступления осужденных: причины и предупреждение / Г. Ф. Хохряков, Г. С. Саркисов. – Ереван: Айастан, 1988. – 280 с.

220. Циринг, Д. А. Исследование жизнестойкости у беспомощных и самостоятельных подростков / Д. А. Циринг // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 323. – С. 336–342.

221. Чернышева, Е. В. Особенности Я-концепции личности осужденных: дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Чернышева Елена Викторовна. – Екатеринбург, 2005. – 175 с.

222. Чернышов, В. В. Исполнение наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных, больных наркоманией : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Чернышов Виктор Валентинович. – М., 2008. – 25 с.

223. Чиксентмихайи, М. В поисках потока: Психология включенности в повседневность : пер. с англ. / М. Чиксентмихайи. – М.: Смысл: Альпина нон-фикшн, 2011. – 194 с.

224. Чиксентмихайи, М. Поток: Психология оптимального переживания пер. с англ. / М. Чиксентмихайи. – М.: Смысл: Альпина нон-фикшн, 2011. – 461 с.

225. Човдырова, Г. С. Проблемы стресса, психической дезадаптации и повышения стрессоустойчивости личности в условиях социальной изоляции : монография / Г. С. Човдырова. – М.: Новый Дом, 2002. – 302 с.

226. Шадриков, В. Д. Психология деятельности и способности человека / В. Д. Шадриков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Логос, 1996. – 320 с.

227. Шаргородский, М. Д. Наказание, его цели и эффективность / М. Д. Шаргородский. – Л.: Ленинградский государственный университет, 1973. – 115 с.

228. Шварева, Е. В. Психологические особенности образа смерти у старших школьников с разным уровнем жизнестойкости : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / Шварева Елена Васильевна. – Екатеринбург, 2012. – 183 с.

229. Шинтаев, И. У. Особенности исправления и ресоциализации лиц, осужденных за убийства, в исправительных колониях / И. У. Шинтаев, С. А. Тарасова // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе : материалы Всерос. науч. конф. адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов с междунар. участием (24 апр. 2020 г.) : в 3 ч. – Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2020. – Ч. 3. – С. 188–191.

230. Штефан, Е. Ф. Агрессивное поведение осужденных мужского пола с длительными сроками лишения свободы и пути его коррекции : монография / Е. Ф. Штефан. – Вологда: Вологодский институт права и экономики ФСИН России, 2013. – 180 с.

231. Штефан, Е. Ф. Психокоррекция агрессивного поведения осужденных мужского пола при длительных сроках наказания : дис. ... канд. психол. наук: 19.00.06 / Штефан Евгений Фаддеевич. – Вологда, 2008. – 241 с.

232. Штефан, Е. Ф. Психологическая коррекция агрессивного поведения осужденных мужского пола при длительных сроках лишения свободы /

Е. Ф. Штефан // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2009. – № 8. – С. 60–62.

233. Щипанова, Н. И. Влияние социальных условий в местах лишения свободы на личность осужденного / Н. И. Щипанова, Т. В. Кухтина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – Сер. Право. – 2014. – № 4. – С. 64–67.

234. Энциклопедия юридической психологии / под ред. А. М. Столяренко. – М.: Юнити Дана, 2003. – 607 с.

235. Яковлев, В. В. Психологическая характеристика смысловой сферы личности осужденных к лишению свободы : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.06 / Яковлев Василий Васильевич. – Рязань, 1999. – 192 с.

236. Ялунин, В. У. Актуальные вопросы нормотворчества в сфере исполнения наказания в виде лишения свободы на длительный срок и пожизненно / В. У. Ялунин // Лишение свободы на длительный срок и пожизненно: нормотворчество, правоприменение, правосознание : материалы науч.-практ. конф. – Вологда: Вологодский институт права и экономики Минюста России, 2002. – С. 3–26.

237. Яницкий, О. В. Экосоциология как перспектива / О. В. Яницкий // Россия реформирующаяся. Ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. – Вып. 8. – М.: Институт социологии РАН, 2009. – С. 35–57.

238. Azarian, A. Relationship between psychological Hardiness and Emotional Control Index: A Communicative Approach / A. Azarian, A. A. Farokhzadian, E. Habibi // International Journal of Medical Research and Health Sciences. – 2016. – № 5. – P. 216–221.

239. Bacak, V. The effect of timing of incarceration on mental health: Evidence from a natural experiment / V. Bacak, L. H. Andersen, J. Schnittker // Social Forces. – 2019. – Vol. 98. – № 1. – P. 303–328.

240. Bartone, P. T. A short hardiness scale [Electronic resource] / P. T. Bartone. – New York, 1995. – Available at: https://www.researchgate.net/publication/331875947_A_Short_Hardiness_Scale_updated (accessed 27.01.2020).

241. Bartone, P. T. DIF- Differential Item Functioning analysis of Norwegian and American hardiness measures / P.T. Bartone, B.H. Johnsen, J. Eid [et al.] //

Presented at the Association for Psychological Science annual convention. – Washington, DC, 2007.

242. Bartone, P. T. Factors influencing small unit cohesion in Norwegian Navy officer cadets / P. T. Bartone, B. H. Johnsen, J. Eid [et al.] // *Military Psychology*. – 2002. – Vol. 14. – №1. – P. 1–22.

243. Bartone, P. T. Hardiness as a resiliency factor for United States Forces in the Gulf War / P. T. Bartone // *Posttraumatic stress intervention: Challenges, issues and perspectives*. In J. M. Violanti, D. Paton, C. Dunning (Eds.). Springfield, IL, 2000. – P. 115–133.

244. Bartone, P. T. Hardiness, avoidance coping, and alcohol consumption in war veterans: A moderated-mediation study / P. T. Bartone, B. H. Johnsen, J. Eid [et al.] // *Stress and Health*. – 2017. – Vol. 33. – № 5. – P. 498–507.

245. Bartone, P. T. Hardiness protects against war-related stress in Army Reserve forces / P. T. Bartone // *Consulting Psychology Journal: Practice and Research*. – 1999. – Vol. 51. – № 2. – P. 72–82.

246. Bartone, P.T. Predictors of stress-related illness in city bus drivers / P. T. Bartone // *Journal of Occupational Medicine*. – 1989. – Aug. – Vol. 31. – № 8. – P. 657–663.

247. Bartone, P. T. Psychological hardiness is related to baseline high-density lipoprotein (HDL) cholesterol levels / P. T. Bartone, A. Spinosa, J. Robb // Presented at the Association for Psychological Science annual convention. – San Francisco, CA, 2009.

248. Bartone, P. T. Psychological hardiness predicts cardiovascular health / P. T. Bartone, J. J. Valdes, A. Sandvik // *Psychology, Health and Medicine*. – 2016. – Vol. 21. – № 6. – P. 743–749.

249. Bartone, P. T. Resilience under military operational stress: Can leaders influence hardiness? / P. T. Bartone // *Military Psychology*. – 2006. – Vol. 18. – P. 131–148.

250. Bartone, P. T. Social and organizational influences on psychological hardiness: How leaders can increase stress resilience [Electronic resource] /

P. T. Bartone // *Security Informatics*. – 2012. – Vol. 1. – Available at: <https://security-informatics.springeropen.com/articles/10.1186/2190-8532-1-21> (accessed: 12.01.2020).

251. Bartone, P. T. The impact of a military air disaster on the health of assistance workers: A prospective study / P. T. Bartone, R. J. Ursano, K. M. Wright, L. H. Ingraham // *Journal of Nervous and Mental Disease*. – 1989. – Vol. 177. – № 6. – P. 317–328.

252. Bartone, P. T. Training hardiness for stress resilience / P. T. Bartone, J. Eid, S. W. Hystad // *Military psychology: Concepts, trends and interventions* / N. Maheshwari, V. V. Kumar. – New Delhi, 2016. – P. 231–248.

253. Clear, T. R. *American Corrections* / T. R. Clear, G. F. Cole. – 3-rd ed. – Belmont California, 1994. – 551 p.

254. Clemmer, D. *The prison community* / D. Clemmer. – New York, 1958. – 341 p.

255. Contrada, R. J. Type A behavior, personality hardiness, and cardiovascular responses to stress / R. J. Contrada // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1989. – Vol. 57. – № 5. – P. 895–903.

256. Crewe, B. The Gendered Pains of Life Imprisonment / B. Crewe, S. Hulley, S. Wright // *British Journal of Criminology*. – 2017. – Vol. 57. – № 6. – P. 1359–1378.

257. Dolbier, C. L. Differences in immune responses of high vs. low hardy healthy individuals / C. L. Dolbier, R. R. Coker, J. A. Leiferman [et al.] // *Journal of Behavioral Medicine*. – 2001. – Vol. 24. – № 3. – P. 219–229.

258. Eid, J. Dissociation, hardiness, and performance in military cadets participating in survival training / J. Eid, C. A. Morgan // *Military Medicine*. – 2006. – Vol. 171. – № 5. – P. 436–442.

259. Fourie, S. The nature of mental toughness in sport / S. Fourie, J. R. Potgeiter // *SA Journal for Research in Sport, Physical Education and Recreation*. – 2001. – Vol. 23. – № 2. – P. 63–72.

260. Funk, S. C. Hardiness: A review of theory and research / S. C. Funk // *Health Psychology*. – 1992. – Vol. 11. – P. 335–345.

261. Galtung, J. *Fengelssamfunnet* / J. Galtung. – Oslo: Norwegian Universities Press, 1959. – 247 pp.

262. Gerc, K. Resilience and Health in a Fast-Changing World [Electronic resource] / K. Gerc, T. M. Ostrowski, I. Sikorska. – 2017. – 260 p. – Available at: <https://books.google.ru/books?id=x7M9DwAAQBAJ&pg=PA95&dq=resilience+of+convicts&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKewiL9Kus2dfuAhXO-ioKHXcVBrUQuwUwAHoECAUQCA#v=onepage&q=resilience%20of%20convicts&f=false> (accessed: 19.08.2020).
263. Golby, J. Mental toughness and hardiness at different levels of rugby league / J. Golby, M. Sheard // *Personality and Individual Differences*. – 2004. – Vol. 37. – № 5. – P. 933–942.
264. Hamre, K. V. Accumulated Long-Term Exposure to Workplace Bullying Impairs Psychological Hardiness: A Five-Year Longitudinal Study among Nurses / K. V. Hamre, S. V. Einarsen, Ø. L. Hoprekstad [et al.] // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. – 2020. – Vol. 17. – № 7. – 2587.
265. Haslam, S. A. When prisoners take over the prison: A social psychology of resistance / S. A. Haslam, S. D. Reicher // *Personality and Social Psychology Review*. – 2012. – Vol. 16. – № 2. – P. 154–179.
266. Howard, J. H. Personality (hardiness) as a moderator of job stress and coronary risk in Type A individuals: A longitudinal study / J. H. Howard, D. A. Cunningham, P. A. Rechnittzer // *Journal of Behavioral Medicine*. – 1986. – Vol. 9. – P. 229–244.
267. Hulley, S. Re-examining the Problems of Long-term Imprisonment / S. Hulley, B. Crewe, S. Wright // *The British Journal of Criminology*. – 2016. – Vol. 56. – № 4. – P. 769–792.
268. Hystad, S. W. Academic stress and health: Exploring the moderating role of personality hardiness / S. W. Hystad, J. Eid, J. C. Laberg [et al.] // *Scandinavian Journal of Educational Research*. – 2009. – Vol. 53. – № 5. – P. 421–429.
269. Hystad, S. W. Psychometric properties of the revised Norwegian dispositional resilience (hardiness) scale / S. W. Hystad, J. Eid, B. H. Johnsen [et al.] // *Scandinavian Journal of Psychology*. – 2009. – Vol. 51. – № 3 – P. 237–245.
270. Jarrett, C. How prison changes people [Electronic resource] / C. Jarrett. – 2018. – Available at: <https://www.bbc.com/future/article/20180430-the-unexpected-ways-prison-time-changes-people> (accessed 24.11.2020).

271. Jimenez, B. M. Hardy personality as moderator variable of burnout syndrome in firefighters / B. M. Jimenez, N. I. M. Natera, A. R. Munoz, M. E. M. Benadero // *Psicothema*. – 2006. – Vol. 18. – № 3. – P. 413–418.

272. Judkins, J. L. Psychological Hardiness [Electronic resource] / J. L. Judkins, B. A. Moore, T. L. Collette; // *The Routledge Research Encyclopedia of Psychology Applied to Everyday Life*, Publisher: Abingdon, Oxon: Routledge, 2020, march. – Available at: https://www.researchgate.net/publication/339882546_Psychological_Hardiness (accessed 22.12.2020).

273. Keane, A. Stress in ICU and non-ICU nurses / A. Keane, J. Ducette, D. Adler // *Nursing Research*. – 1985. – Vol. 34. – № 4. – P. 231–236.

274. Khoshaba, D. M. Early experiences in hardiness development / D. M. Khoshaba, S. R. Maddi // *Consulting Psychology Journal Practice and Research*. – 1999a. – Vol. 51. – № 2. – P. 106–116.

275. Khoshaba, D. M. *HardiTraining: managing stressful change* / D. M. Khoshaba, S. R. Maddi. – 4-th ed. – CreateSpace, 2012. – 294 p.

276. Kivimaki, M. Work stress and risk of cardiovascular mortality: Prospective cohort study of industrial employees / M. Kivimaki, P. Leino-Arjas, R. Luukkonen [et al.] // *British Medical Journal*. – 2002. – Vol. 325. – № 7369. – P. 857–862.

277. Klag, S. The role of hardiness in stress and illness: An exploration of the effect of negative affectivity and gender / S. Klag, G. Bradley // *British Journal of Health Psychology*. – 2004. – № 9 (Pt 2). – P. 137–161.

278. Kobasa, S. C. Effectiveness of hardiness, exercise, and social support as resources against illness / S. C. Kobasa, S. R. Maddi, M. Puccetti, M. Zola // *Journal of Psychosomatic Research*. – 1985. – Vol. 29. – № 5. – P. 525–533.

279. Kobasa, S. C. Personality and constitution as mediators in the stress-illness relationship / S. C. Kobasa, S. R. Maddi, S. Courington // *Journal of Health and Social Behavior*. – 1981. – Vol. 22. – № 4. – P. 368–378.

280. Kobasa, S. C. Personality and exercise as buffers in the stress-illness relationship / S. C. Kobasa, S. R. Maddi, M. C. Puccetti // *Journal of Behavioral Medicine*. – 1982. – Vol. 5. – № 4. – P. 391–404.

281. Kobasa, S. C. Personality and social resources in stress resistance / S. C. Kobasa, M. C. Puccetti // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1983. – Vol. 45. – № 4. – P. 839–850.

282. Kobasa, S. C. Stressful life events, personality, and health: An inquiry into hardiness / S. C. Kobasa // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1979. – Vol. 37. – № 1. – P. 1–11.

283. Kobasa, S. C. Type A and hardiness / S. C. Kobasa, S. R. Maddi, M. A. Zola // *Journal of Behavioral Medicine*. – 1983. – Vol. 6. – № 1. – P. 41–51.

284. Kulak, J. A. Hardiness protects against problematic alcohol use in male, but not female, soldiers [Electronic resource] / J. A. Kulak, D. L. Homish, R. Hoopsick [et al.] // *Psychological Services*. – 2020. – Vol. 23. – № 1. – Available at: <https://psycnet.apa.org/record/2020-04363-001> (accessed 24.10.2020).

285. Kuo, W. H. Social networking, hardiness and immigrant's mental health / W. H. Kuo, Y. Tsai // *Journal of Health and Social Behavior*. – 1986. – Vol. 27. – № 2. – P. 133–149.

286. Lang, A. Lang and Goulet hardiness Scale: Development and testing on bereaved parents following the death of their fetus/infant / A. Lang, C. Goulet, R. Amsel // *Death Studies*. – 2003. – Vol. 27. – № 10. – P. 851–880.

287. Lo Bue, S. Hardiness differentiates military trainees on behavioural persistence and physical performance / S. Lo Bue, S. Kintaert, J. Taverniers [et al.] // *International Journal of Sport and Exercise Psychology*. – 2018. – Vol. 16. – № 4. – P. 354–364.

288. Logan, R. Flow in solitary ordeals / R. Logan // *Optimal experience: Psychology studies of flow in consciousness* / M. Csikszentmihalyi, I. S. Csikszentmihalyi (eds.). – New York: Cambridge University Press, 1988. – P. 172–180.

289. Logan, R. The «flow experience» in solitary ordeals / R. Logan // *Journal of Humanistic Psychology*. – 1985. – Vol. 25. – № 4. – P. 79–89.

290. Maddi, S. R. Hardiness and optimism as expressed in coping patterns / S. R. Maddi, M. Hightower // *Consulting Psychology Journal Practice and Research*. – 1999. – Vol. 51. – № 2. – P. 95–105.

291. Maddi, S. R. Hardiness and success in basketball / S. R. Maddi, M. Hess // *International Journal of Sports Psychology*. – 1992. – Vol. 23. – P. 360–368.
292. Maddi, S. R. Hardiness as a performance enhancer in firefighters / S. R. Maddi, R. H. Harvey, R. Resurreccion [et al.] // *International Journal of Fire Service Leadership and Management*. – 2007. – Vol. 1. – № 2. – P. 3–9.
293. Maddi, S. R. Hardiness Is Negatively Related to Gambling [Electronic resource] / S. R. Maddi // *Open Access Library Journal*. – 2016. – Vol. 3. – № 8. – Available at: https://www.researchgate.net/publication/307084786_Hardiness_Is_Negatively_Related_to_Gambling (accessed 14.12.2020).
294. Maddi, S. R. Hardiness: The courage to grow from stresses / S. R. Maddi // *Journal of Positive Psychology*. – 2006. – Vol. 1. – № 3. – P. 160–168.
295. Maddi, S. R. Hardiness training facilitates performance in college / S. R. Maddi, R. H. Harvey, F. M. Khoshaba, N. Resurreccion // *Journal of Positive Psychology*. – 2009. – Vol. 4. – P. 566–577.
296. Maddi, S. R. Hardiness training for high-risk undergraduates / S. R. Maddi, D. M. Khoshaba, K. Jensen, E. Carter [et al.] // *NACADA Journal*. – 2002. – Vol. 22. – P. 45–55.
297. Maddi, S. R. Hardiness: Turning Stressful Circumstances into Resilient Growth / S. R. Maddi. – 2013. – 88 p.
298. Maddi, S. R. On hardiness and other pathways to resilience / S. R. Maddi // *American Psychologist*. – 2005. – Vol. 60. – № 3. – P. 261–262.
299. Maddi, S. R. Personal views survey II: A measure of dispositional hardiness / S. R. Maddi // *Evaluating stress: A book of resources* / edited by C. P. Zalaquett, R. J. Wood. – Lanham, Md.: Scarecrow Press, Inc., 1997. – P. 293–309.
300. Maddi, S. R. Relationship of hardiness and religiousness to depression and anger / S. R. Maddi, M. Brow, D. M. Khoshaba, M. Vaitkus // *Consulting Psychology Journal Practice and Research*. – 2006. – Vol. 58. – № 3. – P. 148–161.
301. Maddi, S. R. Relationship of hardiness to alcohol and drug use in adolescents / S. R. Maddi, P. Wadhwa, R. J. Haier // *American Journal of Drug and Alcohol Abuse*. – 1996. – Vol. 22. – № 2. – P. 247–257.

302. Maddi, S. R. Resilience at work: how to succeed no matter what life throws at you / S. R. Maddi, D. M. Koshaba. – New York: AMACOM, 2005. – 213 p.

303. Maddi, S. R. The effectiveness of hardiness training / S. R. Maddi, S. Kahn, K. L. Maddi // Consulting Psychology Journal. – 1998. – Vol. 50. – № 2. – P. 78–86.

304. Maddi, S. R. The existential neurosis / S. R. Maddi // Journal of Abnormal Psychology. – 1967. – Vol. 72. – № 4. – P. 311–325.

305. Maddi, S. R. The hardy executive: health under stress / S. R. Maddi, S. C. Kobasa. – Homewood, Ill: Dow Jones-Irwin, 1984. – 131 p.

306. Maddi, S. R. The personality construct of hardiness: I. Effects on experiencing, coping, and strain / S. R. Maddi // Consulting Psychology Journal: Practice and Research. – 1999. – Vol. 51. – № 2. – P. 83–94.

307. Maddi, S. R. The personality construct of hardiness, III: Relationships with repression, innovativeness, authoritarianism, and performance / S. R. Maddi, R. H. Harvey, D. M. Khoshaba [et al.] // Journal of Personality. – 2006. – Vol. 74. – № 2. – P. 575–598.

308. Maddi, S. R. The role of hardiness and grit in predicting performance and retention in USMA cadets / S. R. Maddi, M. D. Matthews, D. R. Kelly [et al.] // Military Psychology. – 2012. – Vol. 24. – № 1. – P. 19–28.

309. Maddi, S. R. The story of hardiness: twenty years of theorizing, research, and practice / S. R. Maddi // Consulting Psychology Journal: Practice and Research. – 2002. – Vol. 54. – № 3. – P. 173 – 185.

310. Mund, P. Kobasa Concept of Hardiness (A Study with Reference to the 3Cs) / P. Mund // International Research Journal of Engineering, IT and Scientific Research. – 2016. – Vol. 2. – № 1. – P. 34–40.

311. Narad, A. Psychological hardiness among senior secondary school students: influence of home environment / A. Narad // Man in India. – 2018. – Vol. 97. – № 23. – P. 441–453.

312. Nellis, A. Still Life: America's Increasing Use of Life and Long-Term Sentences [Electronic resource] / A. Nellis. – Washington, D.C., 2017. – 36 p. – Available at: <https://www.sentencingproject.org/publications/still-life-americas-increasing-use-life-long-term-sentences/> (accessed 16.11.2020).

313. Nishizaka, S. Kindergarten teachers' mental health: Stress, pre-school teacher efficacy, and hardiness / S. Nishizaka // *Japanese Journal of Educational Psychology*. – 2002. – Vol. 50. – № 3. – P. 283–290.

314. Nordmo, M. It's been a hard day's night: A diary study on hardiness and reduced sleep quality among naval sailors [Electronic resource] / M. Nordmo, O. K. Olsen, J. Hetland [et al.] // *Personality and Individual Differences*. – 2020. – Vol. 153. – Available at: <https://elib.pstu.ru/vufind/EdsRecord/a9h,139584995> (accessed 12.11.2020).

315. Nowack, K. M. Coping style, cognitive hardiness, and health status / K. M. Nowack // *Journal of Behavioral Medicine*. – 1989. – Vol. 12. – № 2. – P. 145–158.

316. Reiter, K. Psychological Distress in Solitary Confinement: Symptoms, Severity, and Prevalence in the United States, 2017–2018 / K. Reiter, J. Ventura, D. Lovell [et al.] // *Am J Public Health*. – 2020. – Vol. 110. – P. 56–62.

317. Rich, V. L. Personality hardiness and burnout in female staff nurses / V. L. Rich, A.R. Rich // *Journal of nursing scholarships*. – 1987. – Vol. 19. – № 2. – P. 63–66.

318. Rothschild-Varibrus, V. Hardiness in aspects of suicidal prevention (Literature review) / V. Rothschild-Varibrus, L. Fritzsche, S. Korzhenevskiy [et al.] // *Ukrains'kyi Visnyk Psykhonevrolohi*. – 2020. – Vol. 28. – № 1 (102). – P. 84–88.

319. Sheard, M. Hardiness and undergraduate academic study: the moderating role of commitment / M. Sheard, J. Golby // *Personality and Individual Differences*. – 2007. – Vol. 43. – № 3. – P. 579–588.

320. Soderstrom, M. The relationship of hardiness, coping strategies, and perceived stress to symptoms of illness / M. Soderstrom, C. Dolbier, J. Leiferman, M. Steinhardt // *Journal of Behavioral Medicine*. – 2000. – Vol. 23. – № 3. – P. 311–328.

321. Sygit-Kowalkowska E. Resilience as a predictor of mental health of incarcerated women / E. Sygit-Kowalkowska, J. Szrajda, M. Weber-Rajek [et al.] // *Psychiatr Pol*. – 2017. – Jun. – Vol. 51. – № 3. – P. 549–560.

322. Thomassen, A. G. The effect of hardiness on PTSD symptoms: A prospective mediational approach / A. G. Thomassen, S.W. Hystad, B.H. Johnsen [et al.] // *Military Psychology*. – 2018. – Vol. 30. – № 7. – P. 142–151.

323. Westman, M. The relationship between stress and performance: The moderating effect of hardiness / M. Westman // *Human Performance*. – 1990. – Vol. 3. – № 3. – P. 141–155.

324. Wiebe, D. J. Hardiness and stress moderation: A test of proposed mechanisms / D. J. Wiebe // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1991. – Vol. 60. – № 1. – P. 89–99.

325. Wiebe, D. J. Health practices and hardiness as mediators in the stress-illness relationship / D. J. Wiebe, D.M. McCallum // *Health Psychology*. – 1986. – Vol. 5. – № 5. – P. 425–438.

326. Zorrilla, E. P. High self-esteem, hardiness and affective stability are associated with higher basal pituitary–adrenal hormone levels / E. P. Zorrilla, R. J. DeRubeis, E. Redei // *Psychoneuroendocrinology*. – 1995. – Vol. 20. – № 6. – P. 591–601.

Приложение Б

АНКЕТА

Просим Вас принять участие в исследовании, целью которого является изучение способности человека противостоять трудным жизненным ситуациям, что в дальнейшем позволит определить факторы, способствующие сохранению психологического здоровья личности.

Исследование проводится анонимно. Данные строго конфиденциальны и будут использованы только в обобщенном виде. Надеемся на Вашу искренность, которая позволит определить занимаемую позицию.

Спасибо за оказанную помощь!

Инструкция:

Перед ответом на предложенные вопросы прочитайте внимательно все варианты, выберите наиболее подходящий для Вас и поставьте отметку в виде галочки в прямоугольник напротив ответа. В строках «иное» Вам предлагается дополнить ответ на вопрос тем вариантом, который Вы считаете наиболее верным.

Пол: мужской женский (нужное подчеркнуть)

Вид исправительного учреждения _____

Срок лишения свободы: _____

1. Ваш возраст:

- от 18 - до 20 лет
- от 21 - до 24 лет
- от 25 - до 30 лет
- от 31 – до 39 лет
- от 40 - до 45 лет
- от 46 - до 54 лет
- от 55 до 64 лет
- старше 65 лет

2. Ваше образование:

- начальное общее
- основное общее
- среднее (полное) общее
- среднее специальное
- среднее профессиональное
- высшее
- иное _____

3. Ваш род занятий до осуждения:

- рабочий
- служащий
- учащийся
- пенсионер

- безработный
- иное _____

4. Ваше семейное положение:

- женат (замужем)
- разведен (-на)
- разведен (-на) в период отбывания наказания
- сожительство
- холост (не замужем)
- вдовец (вдова)

5. Считаете ли Вы себя верующим человеком?

- да
- нет
- иное _____

6. Вы воспитывались в семье:

- полной
- неполной
- в детском доме
- иное _____

7. В какой семье Вы воспитывались?

- я единственный ребенок в семье
- двое
- многодетная семья
- иное _____

8. В какой местности Вы провели свои детство и юность:

- город
- сельская местность
- оба варианта

9. По какой(-им) статье(-ям) Вы осуждены: _____**10. Признаете ли Вы вину в совершенном преступлении:**

- да
- нет
- иное _____

11. Ранее Вы отбывали наказание в виде лишения свободы:

- да
- нет

12. Поддерживаете ли Вы связь со своими родственниками:

- да
- нет

13. Есть ли у Вас друзья в исправительном учреждении:

- да
 нет
 иное _____

14. Довольны ли Вы своим положением, занимаемым в среде осужденных колонии:

- да
 нет
 иное _____

15. Считаете ли Вы себя относящимся к категории положительно характеризующихся в дисциплине осужденных?

- да
 нет
 затрудняюсь ответить

16. Имеете ли Вы не снятые взыскания?

- да
 нет
 затрудняюсь ответить

17. Сколько времени Вы провели в исправительном учреждении на данный момент (укажите количество лет) _____

18. В настоящее время, есть ли у Вас род занятий, где Вы смогли бы реализовать себя, проявить свое творчество и инициативу?

- да
 нет

19. Какой этап отбывания наказания, по Вашему мнению, наиболее трудный:

- начальный (первые 6 месяцев)
 основной
 заключительный (последние 6 месяцев)
 иное _____

20. Какие состояния, Вы испытываете, находясь в исправительном учреждении (одиночество, тоска, вина, раздражение, агрессия, растерянность, тревожность, решимость улучшить свою жизнь, уверенность в себе, безысходность и др.), впишите их в таблицу:

Начальный (первые 6 месяцев)	Основной	Заключительный (последние 6 месяцев)

30. Какими качествами, по Вашему мнению, обладает жизнестойкий человек?

31. Какие ситуации для Вас являются трудными в условиях колонии?

32. Что Вам помогает преодолевать трудные ситуации в исправительном учреждении:

- поддержка семьи
- поддержка друзей
- поддержка осужденных
- помощь религиозных и общественных организаций
- помощь сотрудников (психолога, начальника отряда и др.)
- вера в будущее
- иное _____

33. Ваши предложения по развитию готовности и способности преодоления трудных жизненных ситуаций и стрессов в исправительном учреждении

34. Чем Вы планируете заняться после освобождения:

Спасибо за активную работу!!!

Приложение В

ЭКСПЕРТНЫЙ ОПРОС

Просим Вас принять участие в исследовании, целью которого является изучение способности человека противостоять трудным жизненным ситуациям, что в дальнейшем позволит определить факторы, способствующие сохранению психологического здоровья осужденными.

Исследование проводится анонимно. Данные строго конфиденциальны и будут использованы только в обобщенном виде. Надеемся на Вашу искренность, которая позволит определить занимаемую позицию.

Благодарим за участие в исследовании!

Инструкция:

Перед ответом на предложенные вопросы прочитайте внимательно все варианты, выберите наиболее подходящий для Вас и поставьте отметку в виде галочки в прямоугольник напротив ответа. В строках «иное» Вам предлагается дополнить ответ на вопрос тем вариантом, который Вы считаете наиболее верным.

Наименование региона и вид ИУ _____

Пол: мужской женский (нужное подчеркнуть)

1. Ваше образование:

- среднее (полное) общее
 - среднее специальное
 - среднее профессиональное
 - высшее
 - иное _____
-

2. В каком отделе (группе) Вы работаете:

- отдел безопасности
 - отдел по воспитательной работе
 - оперативный отдел
 - психологическая лаборатория
 - медицинская часть
 - центр трудовой адаптации
 - школа, профессиональное училище
 - иное _____
-

3. Ваш стаж работы в должности:

- до 1 года
- от 1 года до 3 лет
- от 3 до 5 лет
- от 5 до 10 лет
- свыше 10 лет.

4. Какими качествами, по Вашему мнению, обладает жизнестойкий человек? _____

5. Что, по Вашему мнению, оказывает положительное влияние на уровень жизнестойкости осужденных:

- семья
- вера
- состояние здоровья
- друзья
- иное _____

6. По Вашему мнению, следует ли повышать уровень жизнестойкости у осужденных с длительными сроками отбывания наказания (свыше 10 лет)?

- да
 - нет
 - иное _____
-
-

7. Поясните Вашу точку зрения: _____

8. По Вашему мнению, какая возрастная категория осужденных, отбывающих длительные сроки лишения свободы (свыше 10 лет), требует наибольшего внимания в воспитательном процессе со стороны сотрудников учреждения?

- от 18 до 20 лет
- от 21 до 24 лет
- от 25 до 30 лет
- от 31 до 39 лет
- от 40 до 45 лет
- от 46 до 54 лет
- от 55 до 64 лет
- старше 65 лет

9. Какой этап отбывания наказания, по Вашему мнению, наиболее трудный для осужденных с длительными сроками лишения свободы (свыше 10 лет):

- начальный (первые 6 месяцев)
 - основной
 - заключительный (последние 6 месяцев)
 - иное _____
-

10. Какие ситуации, по Вашему мнению, являются трудными для осужденных с длительными сроками лишения свободы (свыше 10 лет) в условиях колонии?

11. Какие изменения в личности осужденных с продолжительным временем пребывания в учреждении Вы замечаете?

12. Какой этап отбывания наказания, по Вашему мнению, наиболее важен в воспитательной и психологической работе с осужденными:

- начальный (первые 6 месяцев)
- основной
- заключительный (последние 6 месяцев)
- иное _____

13. По Вашему мнению, что необходимо проводить в воспитательной и психологической работе с осужденными для профилактики деструктивности в их психических состояниях и в поведении:

На начальном этапе (первые 6 месяцев): _____

На основном: _____

На заключительном (последние 6 месяцев): _____

14. Ваши предложения по развитию готовности и способности преодоления трудных жизненных ситуаций и стрессов в исправительном учреждении:

Спасибо за активную работу!

Приложение Г

Сценарий фокус-группы по проблеме «Планирование работы с осужденными, отбывающими длительные сроки лишения свободы»

Продолжительность дискуссии: 45 минут.

Участники: начальники и психологи психологических лабораторий, непосредственно взаимодействующие с данной категорией осужденных.

1. Вступительное слово ведущего.

Доведение проблемы, которая будет обсуждаться, целей и задач проводимого мероприятия; создание доброжелательной обстановки; мотивация участников на активное включение в дискуссию.

2. Дискуссия.

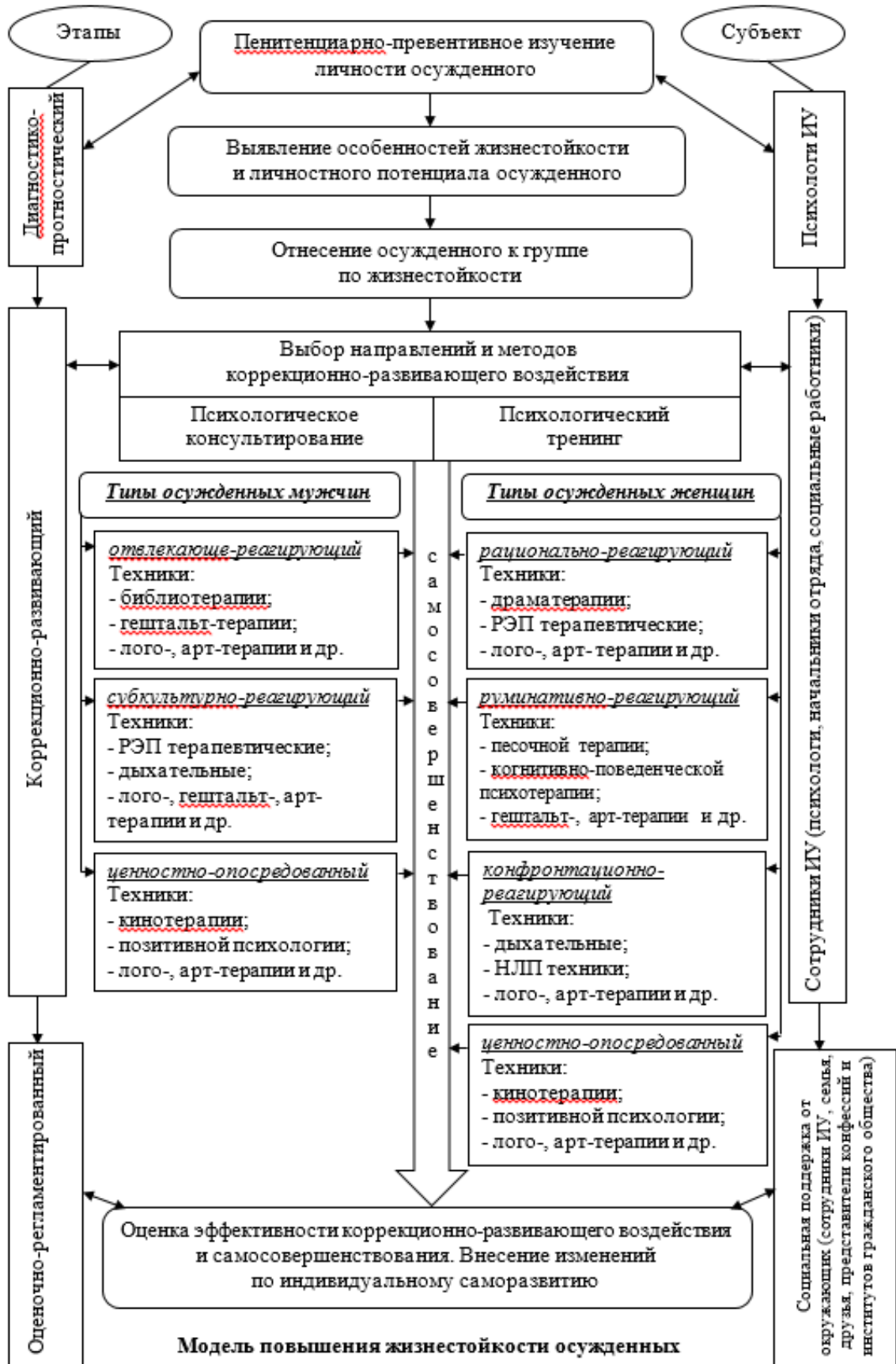
В рамках дискуссии обсуждаются следующие вопросы:

1. Какие деструктивные изменения в личности осужденных с продолжительным временем пребывания в учреждении вы замечаете?
2. Что способствует деструктивным изменениям в личности осужденных?
3. Какие ситуации, по вашему мнению, являются трудными для осужденных с длительными сроками отбывания наказания в условиях колонии?
4. Обозначьте основные трудности, с которыми вы сталкиваетесь при работе с осужденными, отбывающими длительные сроки лишения свободы.
5. Какие мероприятия по психологическому сопровождению осужденных с длительными сроками отбывания наказания проводятся в вашем учреждении?
6. Какие мероприятия способствуют развитию просоциальной активности у осужденных с длительными сроками отбывания наказания?
7. По Вашему мнению, в рамках проводимых мероприятий следует ли повышать уровень жизнестойкости у осужденных с длительными сроками отбывания наказания?

3. Слова благодарности участникам за проделанную работу.

Приложение Д

Модель повышения жизнестойкости осужденных

Приложение Е

Программа постдиагностического тренинга-коррекции
«Повышение уровня жизнестойкости у осужденных с длительными сроками
отбывания наказания»

Тема занятия	Цели и задачи занятия	Применяемые формы и методы	Время
1. Знакомство	Создание условий для более близкого знакомства участников; налаживание диалогического общения через введение правил работы группы; постановка общих целей и задач по тренингу; установление доверительных отношений; создание благоприятной психологической атмосферы; формирование интереса к работе в группе; групповое сплочение	Психологический комментарий; психотехнические упражнения; дискуссия; психодиагностика; рефлексия	2 часа
2. Самопознание	Формирование и развитие установки на самопознание и саморазвитие; овладение навыками критического мышления; актуализация представлений о себе; развитие ряда лично значимых качеств (в т.ч. рефлексии, эмпатии, критичности и гибкости установок); преодоление психологических барьеров; осознание каждым участником своего жизненного опыта в изменчивом мире; обнаружение типов иррациональных суждений у членов группы и пути их трансформации в рациональные	Психологический комментарий; медитация-визуализация; психотехнические упражнения; дискуссия; рефлексия	2,5 часа
3. Организация поведения в трудной жизненной ситуации	Расширение представлений членов группы о типах трудных жизненных ситуаций, их особенностях, возможных видах поведения и последствиях их переживания; обсуждение способов организации жизни при переживании трудных жизненных ситуаций	Психологический комментарий; психотехнические упражнения; анализ ситуаций; дискуссия; психодиагностика; рефлексия	2,5 часа
4. Работа над проблемой	Осознание ценностно-смысловых ориентиров; развитие умения понимать себя и других; выявление собственных проблем; понимание своих потребностей; знакомство с правилами конструктивного поведения; повышение самооценки и позитивного отношения к себе и своим возможностям; проектирование новых форм своего	Психологический комментарий; дискуссия; психотехнические упражнения; визуализация; рефлексия	2,5 часа

	поведения; формирование навыков произвольного контроля		
5. Уверенность в себе	Рассмотрение защитных механизмов психики; практическая отработка различных моделей поведения и эмоциональных состояний; формирование умения управлять выражением собственных чувств; поиск необходимого для уверенности в себе внутреннего самоощущения по контрасту с агрессивными и неуверенными реакциями; усиление выразительности речи с помощью интонации	Психологический комментарий; психотехнические упражнения; дискуссия; рефлексия	2,5 часа
6. Как достигать своих целей	Осознание участниками собственных мотивов; рассмотрение основных составляющих и шагов достижения цели; обучение правильному формулированию своих целей; выработка навыков, необходимых для формирования эффективных стратегий достижения целей; укрепление уверенности в том, что они способны достичь успеха	Психологический комментарий; диалог; психотехнические упражнения; рефлексия	2,5 часа
7. Регуляция эмоционального состояния	Развитие умения выражать и распознавать различные эмоциональные состояния; исследование и анализ своих чувств, развитие способности управлять ими; осознание внутреннего эмоционального состояния; развитие навыков регуляции эмоционального состояния; формирование умения справляться с негативными эмоциями; обретение опыта трансформации негативных чувств в позитивные; осознание участниками собственной модели поведения при проявлении различных эмоций; установление личной «зоны комфорта»; осознание внутренней обиды, освобождение от нее; углубление чувства самостоятельности и развития личной зрелости способом прощения и благодарности; осознание индивидуальных способов выражения гнева; обучение способам расслабления, снятия напряжения и усталости; оказание поддержки другому человеку	Психологический комментарий; медитация-визуализация; психотехнические упражнения; дискуссия; релаксация; рефлексия	2,5 часа

8. Ресурсы личности	Изучение возможных преодолевающих механизмов, лежащих в основе поведения человека; выявление специфики преодолевающего поведения; анализ прошлого опыта совладания с проблемами; рассмотрение особенностей жизнестойкого совладания; помощь в обнаружении своих ресурсных компонентов; обучение техникам помощи и самопомощи, задействовав ресурсные компоненты личности; создание позитивного образа будущего	Психологический комментарий; дискуссия; обсуждение видеоматериалов; психотехнические упражнения; психодиагностика; рефлексия	2,5 часа
9. Вербальное и невербальное общение	Изучение стратегий и тактик речевого общения; проработка эффективных техник слушания и речевого общения; проработка вариантов сообщения негативной информации; развитие умений невербального взаимодействия; определение роли невербального общения; осознание и проверка собственных невербальных средств взаимодействия в различных ситуациях; изучение механизмов образования неэффективных коммуникаций, выявление факторов, влияющих на образование информации в процессе общения	Психологический комментарий; дискуссия; обсуждение видеоматериалов; психотехнические упражнения; рефлексия	2,5 часа
10. Ассертивность и жизнь по собственному выбору	Проработка различных моделей поведения в трудных ситуациях; выработка умения строить свои высказывания на основе выражения желания, а не долженствования; изучение эффективных способов изложения своей позиции; изучение техники ассертивного спора при обсуждении вопросов, вызывающих разногласия; изучение метода ассертивной защиты своих прав; изучение личностных границ и техник конструктивного отказа собеседнику; рассмотрение методов и приемов убеждения; рассмотрение вопросов повышения личной ответственности за собственные мысли, чувства и действия как условие полноценной осознанной жизни; развитие навыков понимания и конструктивного взаимодействия с	Психологический комментарий; психотехнические упражнения; дискуссия; рефлексия	2,5 часа

	людьми, противодействия манипулятивному поведению со стороны окружающих		
11. Права и обязанности человека	Освещение конкретных прав и обязанностей просоциальной ответственной личности; описание негативных ролей, в которые люди оказываются вовлеченными, возможностей проявления субъектности в различных социальных общностях; определение и проработка причин, мешающих реализации прав личности	Психологический комментарий; диалог; психотехнические упражнения; рефлексия	2 часа
12. Самопринятие. Самоодобрение. Самоуважение	Анализ отношения к себе, своим успехам и неудачам; определение своих лучших качеств, использование их в качестве ресурса в преодолении трудных ситуаций; создание своего желаемого «Я» – образа; развитие «социальных навыков»; групповое обсуждение и индивидуальный поиск оптимального жизненного сценария, собственных притязаний и своих «зон прочности»; расширение круга личных притязаний; получение доступа к ресурсам собственного бессознательного; осознание внутреннего «Я», стимулирование внутренней энергии, жизненной силы	Психологический комментарий; диалог; психотехнические упражнения; релаксация; рефлексия	2,5 часа
13. Позитивное мышление	Осознание позитивных событий своей жизни; воссоздание адекватной самооценки, позитивного отношения к себе; изменение своего отношения к конфликтному событию, другому его участнику; интеграция участниками собственного «Я» – образа; развитие позитивного мышления; осознание собственной ценности; обсуждение возможностей системного подхода и креативного решения проблем	Психологический комментарий; дискуссия; психотехнические упражнения; релаксация; рефлексия	2,5 часа
14. Расширение системы целей и смыслов	Расширение представлений о своих ценностных приоритетах и актуальных способностях; укрепление веры в возможность реализации своих целей и смыслов; обобщение информации по направлениям укрепления жизнестойкости, о способах помощи и самопомощи в трудных жизненных	Психологический комментарий; дискуссия; обсуждение видеоматериалов; психотехнические упражнения; психодиагностика; рефлексия	2,5 часа

	ситуациях; помощь в определении перспективных направлений личностного развития		
15. Подведение итогов	Подведение итогов работы; проведение психодиагностики жизнестойкости и иных характеристик личности; обсуждение реализованности общей цели и задач тренинга; обобщение и конкретизация пройденного материала, индивидуальных достижений; формирование позитивного настроения на дальнейшее самовоспитание и личностный рост	Групповое обсуждение; психотехнические упражнения; психодиагностика; рефлексия	2 часа
ИТОГО: 36 часов			

Приложение Ж

Сценарий фокус-группы по проблеме «Целесообразность применения программы постдиагностического тренинга-коррекции «Повышение уровня жизнестойкости у осужденных с длительными сроками отбывания наказания»

Продолжительность дискуссии: 45 минут.

Участники: начальники отрядов, начальники и психологи психологических лабораторий, сотрудники отдела безопасности, непосредственно взаимодействующие с данной категорией осужденных.

1. Вступительное слово ведущего.

Доведение проблемы, которая будет обсуждаться, целей и задач проводимого мероприятия; создание доброжелательной обстановки; мотивация участников на активное включение в дискуссию.

2. Дискуссия.

В рамках дискуссии обсуждаются следующие вопросы:

1. Как вы оцениваете предложенную программу повышения уровня жизнестойкости у осужденных с длительными сроками отбывания наказания?
2. Какие позитивные изменения в поведении осужденных, участвующих в программе, вы отметили?
3. Появилось ли стремление к исправлению у осужденных, участвующих в программе?
4. Какие факторы, по вашему мнению, не были учтены при проведении представленной программы?
5. Чем, по вашему мнению, следует усовершенствовать программу?
6. Есть ли необходимость повышения уровня жизнестойкости у осужденных с длительными сроками отбывания наказания?
7. Существует ли потребность у сотрудников исправительного учреждения в дополнительной инструментации по повышению уровня жизнестойкости у осужденных с длительными сроками отбывания наказания?

3. Слова благодарности участникам за проделанную работу.

Приложение И

Факторная структура особенностей жизнестойкости у осужденных
с длительными сроками лишения свободы

Матрица компонентов					
Factor Loadings (Varimax normalized) Extraction: Principal components (Marked loadings are > 0,6)	Компонента				
	<i>Фактор 1</i>	<i>Фактор 2</i>	<i>Фактор 3</i>	<i>Фактор 4</i>	<i>Фактор 5</i>
1	2	3	4	5	6
Вовлеченность	,833	-,110	-,142	-,341	,122
Контроль	,844		-,129	-,121	,231
Принятие риска	,593	-,176	-,379	-,244	
Жизнестойкость	,848		-,203	-,256	,134
Цели в жизни	,684	,486		,325	
Процесс жизни	,737	,481	,124	,269	-,254
Результативность жизни	,675	,540		,263	
Локус контроля – Я	,630	,477		,455	
Локус контроля – жизнь	,439	,630		,519	
Осмысленность жизни	,701	,583		,319	-,111
Власть		,171	,118	,248	,763
Достижение	,100	,776	,149		,330
Гедонизм	-,171	,357		-,204	,253
Стимуляция	,339	,746		,169	
Самостоятельность	,571	,512	,243		,185
Универсализм	,264	,810	,133	-,377	-,141
Доброта	,219	,783		-,344	-,282
Традиции	,228	,489	,263	-,647	-,270
Комформность		,540	,194	-,530	,203
Безопасность	,164	,434	,306	-,523	,481
Уровень субъективного неблагополучия	-,756	,313	-,171	,130	
Напряженность и чувствительность	-,711		,182	,221	,166
Психоэмоциональная симптоматика	-,713	,443	-,309	,131	-,151
Изменения настроения	-,634	-,150	-,365	,202	,237
Значимость социального окружения	-,621	,306	,462	,137	-,152
Самооценка здоровья	-,613	,359	-,306		,109
Удовлетворенность повседневной деятельностью	-,770	,327	-,227		
Общая интернальность	,764	-,208	,180	,169	
Интернальность в области достижений	,712	-,165	,237	,395	,315
Интернальность в области неудач	,609	-,420	,105	,251	-,269

Интернальность в семейных отношениях	,560	-,250	,437	,124	
Интернальность в области производственных отношений	,638	-,162	,288		-,248
Интернальность в области межличностных отношений	,461	-,244			,345
Интернальность в отношении здоровья и болезни	,540			,110	-,169
Самообвинение	-,462		-,225	-,320	-,500
Конфронтационный копинг		,541	-,551	,469	
Дистанцирование	-,317	,275	-,477	,177	
Самоконтроль	,227	,564	-,411	-,112	
Поиск социальной поддержки	,142	,365	-,669		-,212
Принятие ответственности	,386	,500	-,544	,114	
Бегство-избегание	-,591	,372	-,490		-,171
Планирование решения проблемы	,768		-,303	-,106	,389
Положительная переоценка	,719	,381	-,300	-,397	-,118
Отрицание	,429	,274	,555	,204	-,451
Подавление	-,574		,217	,305	
Регрессия	-,703	,172			
Компенсация	-,628	,404	,340		
Проекция	-,636	,471	,373	,157	
Замещение	-,608	,495	,165		,261
Рационализация			,657	-,276	-,109
Реактивные образования	-,431	,233	,674		
Общий уровень психозащитного поведения	-,681	,425	,521		

Приложение К

Психологическая характеристика типов осужденных по жизнестойкости

Типы осужденных мужского пола:*Отвлекающе-реагирующий*

Характерная позиция личности данного типа будет проявляться в попытках найти подходящую замену реального или воображаемого недостатка, дефекта нестерпимого чувства другим качеством, чаще всего с помощью фантазирования или присвоения себе свойств, достоинств, ценностей, поведенческих характеристик другой личности. Часто это происходит при необходимости избежать конфликта с другим человеком и повышения чувства самодостаточности. При этом заимствованные ценности, установки или мысли принимаются без анализа и реструктурирования, а поэтому не становятся частью самой личности. Может проявляться разрядка подавленных эмоций (как правило, враждебности, гнева), которые направляются на объекты, представляющие меньшую опасность или более доступные, чем те, что вызвали отрицательные эмоции и чувства. Присутствует убежденность в том, что надо действовать, и он сам выбирает собственную деятельность, свой путь.

Субкультурно-реагирующий

Для данного типа личности характерно отрицать фрустрирующие, вызывающие тревогу обстоятельства. Человек пресекает переживания, вызванные неприятной или субъективно неприемлемой ситуацией при помощи субкультурных установок и манипуляций, причем даже при наличии убедительных доказательств в пользу противоположного. Поведение данной категории осужденных предполагает признание субъектом своей роли в возникновении проблемы и ответственности за ее решение, но без отчетливого компонента самокритики и самообвинения. У личности данного типа присутствует убежденность, что все то, что с ним случается, способствует его развитию и повышению статуса, извлекаемых из опыта. В итоге человек считает стремление к простому комфорту и безопасности обедняющим жизнь личности, а

поэтому нахождение в колонии рассматривается как способ приобретения опыта, а поэтому и наличествует психологическая готовность действовать в отсутствии надежных гарантий успеха, на свой страх и риск.

Ценностно-опосредованный

Личности данного типа присущи представления о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими ценностями и целями. Однако доминирующая эгоцентричность характеризует как гедониста, живущего сегодняшним днем. Поэтому когда данный тип личности подвергается действию фрустрирующих факторов, он заменяет решение субъективно более сложных задач на относительно более простые и доступные в сложившихся ситуациях. Использование более простых и привычных поведенческих стереотипов существенно обедняет потенциально возможный арсенал действий в затрудненных и конфликтных ситуациях. Личность предотвращает выражение неприятных или неприемлемых для нее мыслей или чувств путем преувеличенного развития противоположных стремлений. Иными словами, происходит как бы трансформация внутренних импульсов в субъективно понимаемую их противоположность.

Типы осужденных женского пола:

Рационально-реагирующий

Для данного типа осужденных женщин выраженность жизнестойкости в целом и ее компонентов препятствует возникновению большого внутреннего напряжения в стрессовых ситуациях и восприятия их как менее значимых. Такой тип личности находит подходящую замену реального или воображаемого недостатка другим качеством и поведением, которые позволяют избежать повышения внутреннего конфликта и испытывать чувство самодостаточности. Осужденная в условиях колонии пресекает переживания, вызванные неприятной или субъективно неприемлемой ситуацией при помощи логических установок и

манипуляций даже при наличии убедительных доказательств в пользу противоположного. При этом способе защиты нередко наблюдаются очевидные попытки снизить ценность недоступного для личности опыта.

Руминативно-реагирующий

Такой тип личности свойственен осужденным женщинам, которым присущ навязчивый тип мышления: одни и те же темы или мысли постоянно возникают в голове человека, вытесняя все другие виды психической активности. Стремясь от них избавиться, осужденная отрицает вызывающие тревогу и фрустрацию обстоятельства. При этом отрицаются, как правило, те аспекты внешней реальности, которые, будучи очевидными для окружающих, не принимаются, не признаются данной личностью. При этом обычна защита по типу проекции, когда человек постоянно приписывает другим собственные стремления. Также возможны проявления в виде импульсивной разрядки ранее подавленных эмоций (как правило, враждебности, гнева), которые направляются на объекты, представляющие меньшую опасность или более доступные, чем те, что вызвали отрицательные эмоции и чувства.

Конфронтационно-реагирующий

Данный тип осужденных женщин, как правило, решает проблемы за счет целенаправленного анализа ситуации и возможных вариантов победного поведения. В итоге проявляются планирование стратегии разрешения проблемы, собственных действий с учетом объективных условий, прошлого опыта и имеющихся ресурсов. При этом личность может дать агрессивный ответ враждебным обстоятельствам или действиям других людей. Характерны также попытки преодоления негативных переживаний в связи с проблемой за счет целенаправленного сдерживания эмоций, минимизации их влияния на оценку ситуации и выбор стратегии поведения, высокий контроль поведения, стремление к самообладанию. Однако при отчетливом предпочтении стратегии самоконтроля у личности может наблюдаться стремление скрывать от окружающих свои

переживания и побуждения в связи с проблемной ситуацией. Часто такое поведение свидетельствует о боязни самораскрытия, чрезмерной требовательности к себе, приводящей к сверхконтролю поведения.

Ценностно-опосредованный

Осужденным женщинам данного типа присуще контролировать свою жизнь, стремление свободно принимать решения и воплощать их в жизнь. Однако, в отличие от подобного типа у мужчин, эгоцентричность ведет к прожектерству, а в итоге планы не имеют реальной опоры в настоящем, пусть даже замещающими действиями, и не подкрепляются личной ответственностью за их реализацию. В случае сложных проблем и роста астенических переживаний личность данного типа предотвращает выражение неприятных или неприемлемых для нее мыслей и чувств путем преувеличенного развития противоположных стремлений, отражающих мечты об успешности и благополучии.

Приложение Л

Проверка согласия с нормальным распределением психодиагностических данных
экспериментальных и контрольных групп (критерий Шапиро – Уилкса)

Экспериментальные группы

		Уровень значимости			
		N	W	p	
Тест жизнестойкости	Вовлеченность	24	0,963407	0,51058900	
	Контроль	24	0,824232	0,00075400	***
	Принятие риска	24	0,914958	0,04523700	*
	Жизнестойкость	24	0,904894	0,02737000	*
Тест смысложизненных ориентаций	Цели в жизни	24	0,881266	0,00881300	**
	Процесс жизни, интерес и эмоциональная насыщенность	24	0,845962	0,00184100	**
	Результативность жизни, удовлетворенность самореализацией	24	0,931057	0,10293700	
	Локус контроля Я (Я – хозяин жизни)	24	0,860642	0,00346800	**
	Локус контроля – жизнь, управляе- мость жизни	24	0,904421	0,02673800	*
	Общий показатель осмысленности жизни	24	0,989342	0,99448400	
Опросник способов совладания (копинг-тест)	Конфронтационный копинг	24	0,964654	0,53872700	
	Дистанцирование	24	0,965884	0,56729000	
	Самоконтроль	24	0,965219	0,55175100	
	Поиск социальной поддержки	24	0,970640	0,68282400	
	Принятие ответственности	24	0,965069	0,54827600	
	Бегство-избегание	24	0,939564	0,15951000	
	Планирование решения проблемы	24	0,933625	0,11749600	
	Положительная переоценка	24	0,972972	0,74032200	

Контрольные группы

		Уровень значимости			
		N	W	p	
Тест жизнестойкости	Вовлеченность	24	0,955192	0,34960200	
	Контроль	24	0,863943	0,00401200	**
	Принятие риска	24	0,920320	0,05936900	
	Жизнестойкость	24	0,871632	0,00566300	**
Тест смысложизненных ориентаций	Цели в жизни	24	0,946755	0,23021200	
	Процесс жизни, интерес и эмоциональная насыщенность	24	0,938766	0,15310400	
	Результативность жизни, удовлетворенность самореализацией	24	0,885182	0,01058400	*
	Локус контроля Я (Я – хозяин жизни)	24	0,932240	0,10940600	
	Локус контроля – жизнь, управляе- мость жизни	24	0,905041	0,02756900	*
	Общий показатель осмысленности жизни	24	0,991292	0,99843000	
Опросник способов совладания (копинг-тест)	Конфронтационный копинг	24	0,904915	0,02739800	*
	Дистанцирование	24	0,956962	0,38047800	
	Самоконтроль	24	0,972607	0,73138300	
	Поиск социальной поддержки	24	0,969522	0,65519400	
	Принятие ответственности	24	0,970725	0,68491500	
	Бегство-избегание	24	0,958433	0,40776400	
	Планирование решения проблемы	24	0,909395	0,03422100	*
	Положительная переоценка	24	0,962874	0,49882500	

Индекс жизненного стиля	Отрицание	24	0,983634	0,95226600	*
	Вытеснение	24	0,941665	0,17766100	
	Регрессия	24	0,898848	0,02034800	
	Компенсация	24	0,971914	0,71432100	
	Проекция	24	0,940373	0,16627400	
	Замещение	24	0,902638	0,02449100	
	Рационализация	24	0,940963	0,17138800	
	Реактивные образования	24	0,976340	0,82009300	

Индекс жизненного стиля	Отрицание	24	0,965163	0,55044800
	Вытеснение	24	0,977808	0,85228700
	Регрессия	24	0,941439	0,17562000
	Компенсация	24	0,982733	0,94037500
	Проекция	24	0,974972	0,78845500
	Замещение	24	0,983143	0,94597100
	Рационализация	24	0,932466	0,11068700
	Реактивные образования	24	0,958107	0,40159100

* – статистически достоверные отклонения от нормального распределения на уровне значимости $p < 0,05$

** – статистически достоверные отклонения от нормального распределения на уровне значимости $p < 0,01$

*** – статистически достоверные отклонения от нормального распределения на уровне значимости $p < 0,001$